ЕВРАЗИЙСКАЯ № 2 (15) 2015АДВОКАТУРА

Издается при содействии Ассоциации некоммерческих организаций – адвокатских образований «Гильдия российских адвокатов» и НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата» Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, заместитель Председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН ЕРП Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Московской академии экономики и права (Российская Федерация, г. Москва);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

ГИМАЕВ Ильдар Закиевич – кандидат социологических наук, руководитель отдела специальных проектов; **КАНТЮКОВА Индира Тагировна** – помощник главного редактора;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра ЕврАзНИИПП;

ПЕТРОВ Дмитрий Вячеславович – руководитель отдела новостей;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – литературный редактор;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель ІТ-отдела ЕврАзНИИПП;

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель отдела научных публикаций.

Учредитель

АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации Средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012 г.

EURASIAN NO 2 (15) 2015ADVOCACY

Journal is published by support of Association of non-profit organizations – advocacy offices «Guild of Russian Advocates» and NOU VPO «Russian Academy of Advocacy and Notaries» Journal is published since 2012. Published once in two months.

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, deputy Chief of the Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, leading research associate of the Scientific Research Center of the Moscow Academy of Economy and Law (Russian Federation, Moscow);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – PhD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, associate professor, assistant of manager chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of the Russian university of friendship of the people (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of the Theory and History of state and law of the Russian customs academy (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

VAN ERP Sjef - LLM, professor of chair of Civil law and European private law and

Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of State Legal disciplines of Voronezh branch of Russian New University (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica - PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan,

First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – PhD, associate professor.

Members of the Editorial Board

GIMAYEV Ildar Zakiyevich - candidate of sociological sciences, the head of department of special projects

KANTYUKOVA Indira Tagirovna – assistant to the Editor-in-Chief;

KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of the Publishing Center of EvrAzNIIPP;

PETROV Dmitry Vyacheslavovich - head of the News Department;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – copy editor;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of the IT Department of EvrAzNIIPP;

SHAYKHULLIN Marat Selirovich - PhD, associate professor, head of the Department of Scientific Publications.

Founder

ANO «Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law».

Certificate on registration of mass media: ПИ № ФС77-50845 of 14.08.2012.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. © Евразийская адвокатура, 2015.

Содержание

ПЕРСОНА	Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю.	
Дело чести: интервью с президентом Федеральной	Системное развитие гражданского общества и	
палаты адвокатов Российской Федерации, доктором	флуктуации	.49
юридических наук, профессором	(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)	
Юрием Сергеевичем Пилипенко7		
	ПРАВОСУДИЕ И	
СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
К вопросу о введении института следственных судей	В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
в России: заседание Комитета гражданских	Мартышкин В.Н.	
инициатив (г. Москва, 10 марта 2015 г.)11	Суд присяжных в России: перспективы	
Заседание Научно-консультативного совета	реформирования	.57
Федеральной палаты адвокатов РФ, посвященное	Шакиров Т.Р.	
обсуждению предложений о введении института	Международные стандарты, касающиеся отбора и	
следственных судей в России	назначения судей	.61
(г. Москва, 10 марта 2015 г.)16	(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)	
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И	ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ	Коровяковский Д.Г.	
Заборовский В.В.	Особенности возникновения идей	
Жалоба адвоката в качестве повода	о высшем юридическом образовании	
для возбуждения дисциплинарного производства	в процессе формирования государства и права	
в отношении адвоката по законодательству	в Древней Греции	.68
Украины и Российской Федерации20	(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)	
Кантюкова И.Т.		
Правовой статус помощника и стажера адвоката	ОБМЕН ОПЫТОМ	
по законодательству Украины25	Амасьянц А.Э.	
	Об уголовно-правовом значении мнения	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	потерпевшего при индивидуализации наказания	
АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ	(на примере конкретного дела)	.75
Тарасов А.А.		
К вопросу о процессуальном статусе лица,	РЕЦЕНЗИИ	
в отношении которого осуществляется	Мельниченко Р.Г.	
уголовное преследование32	Критическая масса достигнута.	
	Рецензия на сборник «Дисциплинарная практика	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	Адвокатской палаты г. Москвы, 2009 г.»	
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	под редакцией Н.М. Кипниса, 2014	.78
Иванова С.А.		
Феномен развития идей о справедливости	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	.80
в России (начало)42	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	.81

Contents

PERSONA Point of honour: interview with president of Federal chamber of advocates of Russian Federation Yury Sergeyevich Pilipenko	Lagutkin A.V., Grudtsyna L.Yu. System development of civil society and fluctuation49 (N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)
	JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY
SPECIAL REPORT To a question of introduction of institute	IN THE EURASIAN SPACE
of investigative judges in Russia: meeting of Committee	Martyshkin V.N. Jury in Russia: reforming prospects57
of civil initiatives (Moscow, on March 10, 2015)11	Shakirov T.R.
Meeting of Scientific and advisory council of Federal	The international standards concerning selection and
chamber of advocates of the Russian Federation	appointment of judges61
devoted to discussion of offers on introduction of institute of investigative judges in Russia	(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)
Moscow, on March 10, 2015)16	JURISPRUDENCE AND EDUCATION
	Korovyakovsky D.G.
PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING	Features of emergence of ideas about the higher legal
Zaborovsky V.V.	education in the course of formation of the state and
The lawyer's complaint as an excuse to initiate	the right in Ancient Greece68 (N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)
disciplinary proceedings against lawyers for legislation	(N.D. 0103Baha/retracted 23.09.2011)
n Ukraine and Russian Federation20	EXCHANGE OF EXPERIENCE
Kantyukova I.T.	Amasyants A.E.
Legal status of the advocate's assistant and	About the legal value of the opinions of the victim
advocate's trainee by the legislation of the Ukraine25	upon the individualization of punishment
ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE	(on the example of a specific case)75
Tarasov A.A.	REVIEWS
To a question of the procedural status of the person	Melnichenko R.G.
concerning which criminal prosecution is carried out32	Critical mass is achieved.
HIMAN DIGUTO IN THE EUDACIAN ODAGE	Collection «The disciplinary practice of the chamber
HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE	of Attorneys of the Moscow city, 2009»
vanova S.A. Phenomenon of development of ideas about justice	under N.M. Kipnis's edition, 201478
n Russia (beginning)42	INFORMATION FOR AUTHORS80
. 5	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 81

ДЕЛО ЧЕСТИ: ИНТЕРВЬЮ С ПРЕЗИДЕНТОМ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ПИЛИПЕНКО

POINT OF HONOUR: INTERVIEW WITH PRESIDENT OF FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES OF RUSSIAN FEDERATION YURY SERGEYEVICH PILIPENKO

Визитная карточка

Юрий Сергеевич Пилипенко родился 24 февраля 1963 г. В 1990 г. окончил с отличием Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (в настоящее время – Российский университет дружбы народов). С 1991 г. – адвокат, член Московской областной коллегии адвокатов (в настоящее время – адвокат АП Москвы). С 2003 г. – председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма «ЮСТ» (в настоящее время – Московская коллегия адвокатов «Юридическая фирма «ЮСТ»). С 2005 г. – член Совета ФПА РФ. С 2012 г. – первый вице-президент ФПА РФ. 14 января 2015 г. избран президентом ФПА РФ.

В 2001 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Судебная система Швейцарии», в 2009 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Адвокатская тайна: теория и практика реализации».

Сопредседатель попечительского совета Института адвокатуры Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры адвокатуры и нотариата МГЮА, член Президиума Российской академии адвокатуры и нотариата. Член Комитета по награждению Национальной премией в области адвокатуры и адвокатской деятельности, Комитета по награждению адвокатскими наградами им. Ф.Н. Плевако и знаком «Почетный адвокат России».

– Здравствуйте, уважаемый Юрий Сергеевич! От имени Редакционного совета международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура» поздравляю Вас с избранием президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Благодарю за то, что уделили время на интервью. Начнем с вопроса о том, какие из дел, проведенных Вами в рамках адвокатской практики, Вы считаете наиболее значимыми.

– В моем адвокатском багаже – практически любые дела, которые мог бы вести успешный адвокат. От защиты по назначению в уголовных процессах до представительства интересов России в международных судах, от защиты убийц до крупнейших процессов о банкротстве. Были интересные дела о возврате культурных ценностей и участие в крупнейших сделках слияния и поглощения. Были и такие, о которых всуе говорить не стоит. Не берусь выделить среди них наиболее значимые – каждое по-своему важно.

Зато могу назвать самое памятное. Это, конечно, дело ГКЧП, где я защищал Владимира Александровича Крючкова, председателя КГБ СССР. Владимир Александрович – светлая ему память – был умнейший, интеллигентнейший человек. А я был тогда молодой адвокат, мне еще и тридцати лет не исполнилось. Много позже прочитал, как он написал обо мне в своих мемуарах: «молодой, а уже умный». Очень дорожу его оценкой.

Это дело для меня было настоящей школой, потому что в нем участвовали все звезды адвокатуры, в том числе Генри Маркович Резник, Генрих Павлович Падва, Александр Викторович Клигман и мой патрон Юрий Павлович Иванов. Оно открыло мне двери в адвокатский мир. Слишком многое я тогда узнал, увидел, понял.

- В своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Адвокатская тайна: теория и практика реализации» Вы затронули важнейшие проблемные вопросы адвокатской деятельности и сформулировали ценные для юридической науки и практики положения. В частности, Вы отметили, что адвокатский иммунитет, состоящий в правовой защите адвоката от наиболее опасных посягательств со стороны третьих лиц на независимость адвоката и его профессиональную тайну, включает в себя особый порядок привлечения адвоката к уголовной ответственности, ограничение предмета свидетельских показаний адвоката, запрет доступа должностных лиц к профессионально значимой информации адвоката. Как Вы оцениваете современное состояние защищенности адвоката и его профессиональной тайны? Планируете ли Вы, как президент ФПА РФ, предпринять какие-либо меры для совершенствования механизмов защиты профессиональных прав адвокатов?

Одно из самых актуальных сейчас направлений совершенствования механизмов гарантий прав адвокатов и их доверителей – обеспечение действенности такого института, как адвокатский запрос.

К сожалению, в настоящее время нормативное регулирование не позволяет адвокатам использовать его в полной мере, и во многом он является, по сути, фикцией. Это происходит по двум причинам. Первая – отсутствует нормативно определенный порядок предоставления ответа на адвокатский запрос. Вторая – законом не установлена ответственность за неправомерный отказ предоставить информацию по адвокатскому запросу.

На практике это приводит к тому, что органы и организации, куда направляются такие запросы, зачастую не дают адвокатам сведения, необходимые для защиты прав доверителей. От этого страдают и люди, интересы которых представляют адвокаты, и правосудие. В частности, нарушается принцип состязательности процесса, потому что следственным органам получить соответствующую информацию гораздо проще, чем стороне защиты. Но привлечь к ответственности лиц, виновных в неправомерном отказе предоставить информацию по адвокатскому запросу, невозможно, так как законодательство не содержит соответствующих составов правонарушений. Получается, что формально институт адвокатского запроса как инструмент защиты прав доверителей существует, но практически ничем не обеспечен, у него нет гарантий.

Поэтому в настоящее время Минюст при участии ФПА активно дорабатывает законопроект, направленный на устранение пробелов в регулировании института адвокатского запроса. Его принятие позволит адвокатам более эффективно использовать предоставленный законодательством инструментарий по защите прав доверителей. Я как президент Федеральной палаты адвокатов очень на это надеюсь и рад, что наши с Министерством юстиции точки зрения на эту проблему совпадают.

– Как эксперта в области судоустройства и имея в виду тему Вашей кандидатской диссертации, не могу Вас не спросить вот о чем. На протяжении многих лет в России идет процесс реформирования законодательства и организационных основ судебной деятельности, и все же многие признают, что намеченных результатов эти реформы, к сожалению, не приносят. Какие положительные качества, присущие судебной системе Швейцарии, на

Ваш взгляд, могли бы быть учтены и внедрены в России?

– Судебная система Швейцарии, несмотря на небольшую площадь государства, является очень сложной. Суды там делятся не только по вертикали – на Федеральный суд и суды кантонов, но и по горизонтали – на обычные и специализированные. Как известно, у кантонов исторически сложилась довольно большая автономия в области регулирования судоустройства. На практике это привело к значительному разнообразию кантональных судебных систем, породившему множество проблем. А значит, в этом нам вряд ли следует ориентироваться на судебную систему Швейцарии.

На момент защиты моей кандидатской диссертации в России существовал дуализм высших федеральных судебных органов: параллельно действовали Верховный и Высший Арбитражный суды. Теперь он устранен, и мы приблизились к модели регулирования, действующей в том числе в Швейцарии: в стране один высший Федеральный суд.

А лучшей особенностью судебной системы Швейцарии, на мой взгляд, является исключительное право адвокатов на судебное представительство в гражданских и уголовных делах. Свободное представительство допускается там только в спорах, начатых на уровне низших судов в кантонах. Это цивилизованный и абсолютно обоснованный подход, нашедший применение в подавляющем большинстве стран Европы и государств – членов ВТО, в которую вступила и Российская Федерация. Надеюсь, что и нам предстоит прийти к такой системе.

- Недавно появилась информация о том, что отдельные депутаты Государственной Думы ФС РФ предлагают ввести запрет российским государственным компаниям на привлечение для оказания юридических и иных консалтинговых услуг иностранных фирм. По мнению инициаторов законопроекта, это позволит защитить государство от иностранного влияния, а крупные госкомпании от скрытых манипуляций. Как Вы относитесь к этой законодательной инициативе, и поможет ли она, в случае принятия соответствующего закона, развитию отечественной адвокатуры?
- Запрет российским государственным компаниям привлекать для оказания юридических и иных консалтинговых услуг иностранные фирмы означал бы не новую возможность для развития российской адвокатуры, а частичное закрытие национального рынка юридических услуг.

Такие ограничения, как известно, ведут не к прогрессу, а к стагнации национальной юридической профессии, потому что в отсутствие сильных конкурентов ее представители лишаются стимулов к повышению квалификации. В результате качество юридических услуг неизбежно падает.

Иностранные юристы пришли на российский рынок в 1990-е гг., когда появилась потребность в правовом сопровождении новых экономических структур. Российские адвокаты и консультанты из крупных отечественных юридических фирм многому у них научились и сейчас по квалификации, на мой взгляд, ни в чем им не уступают. Тем не менее, иностранные фирмы продолжают занимать те секторы рынка, где закрепились более двадцати лет назад.

По отношению к отечественной адвокатуре они находятся в привилегированных конкурентных условиях. Деятельность российских адвокатов жестко регламентирована национальным законодательством, а в отношении иностранцев действует только одно ограничение, да и оно в условиях неурегулированности сферы квалифицированной юридической помощи в целом является чисто формальным. Я имею в виду положение Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокаты иностранных государств обязаны регистрироваться в специальном реестре, который ведет Минюст, и вести практику только по праву своего государства. В этом реестре на текущий момент зарегистрировано немногим более 80 адвокатов.

Но, наряду с иностранными юридическими фирмами, в сфере квалифицированной юридической помощи у нас в течение ряда лет абсолютно свободно действуют и отечественные компании, и граждане России, оказывающие юридические услуги. Для них не установлены ни квалификационные требования, ни правила профессиональной этики, ни дисциплинарная ответственность. Уровень многих сотрудников мелких и средних отечественных юридических компаний, а тем более индивидуально практикующих лиц очень далек от тех высоких образцов, которые демонстрируют юристы крупных российских фирм.

Иначе говоря, вне рамок, в которых реализуется свобода, свободный рынок превращается в общедоступный, что предполагает в том числе и возможность неблаговидного поведения.

Для того чтобы исключить эту возможность, необходимы единые четкие и прозрачные правила, регулирующие сферу квалифицированной юридической помощи в целом. Они должны

распространяться на отечественных и иностранных юристов, практикующих в нашей стране.

Установление таких правил создаст здоровую конкурентную среду, где главными преимуществами юриста будут высокая квалификация и соблюдение правил профессиональной этики. Основой для этого может стать только объединение российских адвокатов и юридических консультантов в общую корпорацию на основе адвокатского статуса. В отношении ее членов будут установленые единые квалификационные, профессиональные и этические стандарты и ответственность, а для юристов иностранных государств предусмотрены правила, соответствующие международноправовым обязательствам России.

В этом главный смысл предложений Федеральной палаты адвокатов РФ относительно проекта концепции регулирования сферы квалифицированной юридической помощи, разрабатываемого в рамках Государственной программы «Юстиция».

– В последнее время в различных дискуссиях и СМИ активно обсуждается вопрос о том, что для отечественной адвокатуры требуется принятие профессиональных стандартов. В то же время для каждого адвоката в России обязательными к исполнению являются Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекс профессиональной этики адвоката, которые содержат значительное число норм, фактически устанавливающих определенные стандарты поведения адвоката в ходе осуществления профессиональной деятельности. Отсюда вопрос: имеются ли все-таки у отечественной адвокатуры уже сейчас свои стандарты или необходимо принятие какогото особого, отдельного акта по этому поводу, и если это необходимо, какие общие положения он должен содержать?

– Тему разработки профессиональных стандартов адвокатской деятельности считаю одной из важнейших на сегодняшний день. Совет ФПА на заседании 12 марта принял решение представить на рассмотрение VII Всероссийского съезда адвокатов вопрос о создании Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, внесении соответствующих изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката и разработке перечня стандартов.

В настоящее время в практике адвокатских палат отчетливо прослеживается тенденция к унификации подходов к некоторым вопросам. Отсюда следует, что направление, в котором должно

развиваться саморегулирование корпорации, – более четкая регламентация адвокатской деятельности и единообразие в применении этических норм. Это создаст условия и для повышения качества юридической помощи, и для эффективного очищения адвокатуры от недобросовестных и неквалифицированных людей.

Профессиональные стандарты, о сейчас идет речь, по мнению Совета ФПА, должны представлять собой правила применения положений Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, сформулированные на основе анализа и обобщения практики адвокатских палат. А нормы Закона и Кодекса по отношению к ним следует рассматривать как общие стандарты адвокатской деятельности и адвокатуры. Они служат общими критериями, на основании которых юридическая помощь, оказываемая адвокатами, определяется как квалифицированная. В практике применения некоторых из них сейчас есть существенные различия. Иначе говоря, общие критерии квалифицированности в некоторых случаях, так сказать, «размываются» в процессе реализации. Представляется, что по отношению к содержащемуся в Конституции понятию «квалифицированная юридическая помощь» такая неопределенность недопустима.

Могу привести примеры пробелов в действующем законодательном регулировании, которые могут быть восполнены путем принятия корпоративных правил. Например, Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре содержит общие положения о формах адвокатских образований, но не регламентирует некоторые частные вопросы. Они могут быть урегулированы корпоративным актом, устанавливающим стандарты деятельности той или иной формы адвокатского образования.

Или возьмем ст. 8 Кодекса профессиональной этики, согласно которой адвокат должен честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Очевидно, что эта норма содержит только общие подходы, которые применительно к конкретным ситуациям, возникающим, например, в процессе, могут быть истолкованы по-разному. Если у нас будут стандарты, регламентирующие те или иные действия адвоката в процессе, эти подходы станут более конкретными, а практика применения ст. 8 Кодекса – единой.

Разумеется, по отношению к процессуальной деятельности адвоката могут быть введены только

гибкие, рамочные стандарты, применимые к разнообразным практическим ситуациям и оставляющие адвокату свободу в выборе стратегии и тактики работы по делу. Но грань, за которой адвокатская помощь перестает быть квалифицированной, необходимо определить четко.

Такую функцию выполняют, например, утвержденные Советом АП Удмуртской Республики рекомендации о минимальной продолжительности ознакомления с материалами уголовного дела.

Практика подвела и некоторые другие адвокатские палаты к принятию и применению рекомендаций, представляющих собой, по существу, профессиональные стандарты в определенных сферах деятельности адвокатов. Такие рекомендации действуют, например, в Красноярском крае, Самарской, Нижегородской, Ульяновской областях. На основе обобщения имеющегося опыта можно выработать единые стандарты, которые будут применяться во всех палатах.

Если VII Всероссийский съезд адвокатов одобрит упомянутое выше предложение Совета, будет создан единый перечень стандартов, которые охватят основные «проблемные зоны».

Представляется, что особую группу должны составлять стандарты, связанные с вопросами применения мер дисциплинарной ответственности, и в перспективе может быть разработан особый перечень нарушений, влекущих лишение статуса адвоката. Как мы знаем, в ряде палат к ним относят в первую очередь нарушение графика дежурств по назначению. Борьба с «карманными» адвокатами для нас – дело чести.

Из сказанного следует, что все стандарты, которые следует принять, невозможно сгруппировать в едином акте. Полагаю, что общий документ, посвященный стандартам, мог бы содержать их перечень и подходы к их созданию, а каждый конкретный вид стандартов должен разрабатываться и приниматься отдельно.

– И, последнее. Что Вы можете пожелать нашему журналу?

– Актуальных, содержательных материалов на темы адвокатуры и адвокатской деятельности в России и зарубежных странах, интересных авторов, творческой энергии и внимания читательской аудитории.

– Большое спасибо Вам за беседу!

Беседовал кандидат юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» А.В. Рагулин

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ: ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ (г. МОСКВА, 10 МАРТА 2015 г.)

10 марта 2015 г. в Комитете гражданских инициатив открылась серия круглых столов, посвященных проблемам судебной системы. Состоявшийся круглый стол – первое мероприятие из серии дискуссий по проблемам правосудия, в ходе которых экспертами будут сформулированы предложения по судебной реформе. В нем приняли участие члены Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, юристы, эксперты в области судебного права. В основе обсуждения лежала концепция советника Конституционного Суда РФ профессора А.В. Смирнова «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе».

Ключевые слова: следственные судьи, уголовное судопроизводство, судебный контроль за предварительным следствием.

TO A QUESTION OF INTRODUCTION OF INSTITUTE OF INVESTIGATIVE JUDGES IN RUSSIA: MEETING OF COMMITTEE OF CIVIL INITIATIVES (MOSCOW, ON MARCH 10, 2015)

On March 10, 2015 in Committee of civil initiatives a series of the round tables devoted to problems of judicial system opened. The taken place round table – the first action from a series of discussions for justice problems during which experts will formulate offers on judicial reform. Members of council at the Russian President on development of civil society and human rights took part in it, lawyers, experts in the field of the judicial right. Discussion the concept of the Counselor of the Constitutional Court of the Russian Federation was the cornerstone of professor A.V. Smirnov «Revival of institute of investigative judges in the Russian criminal trial».

Keywords: investigative judges, criminal legal proceedings, judicial control of preliminary investigation.

10 марта 2015 г. в Комитете гражданских инициатив открылась серия круглых столов, посвященных проблемам судебной системы. Председатель КГИ А.Л. Кудрин, открывая мероприятие, отметил, что без эффективно работающего суда невозможна и эффективная рыночная экономика.

Открыла круглый стол д-р юрид. наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке Т.Г. Морщакова. Она объявила личную благодарность Комитету гражданских инициатив и обратила внимание собравшихся на актуальность заявленной темы.

Советник Президента РФ, Председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотов отметил, что тематика обсуждения очень важна, поскольку без нормальной судебной системы построить правовое государство невозможно. Это касается и института следственных судей, и института суда присяжных, и многих других аспектов. Если в России появится нормальный институт независимого суда, то Совет по правам человека может считать свою функцию выполненной, но пока, к сожалению, это цель, а не средство развития общества, нормальной экономики, средство повышения благосостояния людей.

Д-р юрид. наук, профессор, советник Конституционного суда РФ А.В. Смирнов подчеркнул, что выступает в качестве ученого и, будучи фи-

зическим лицом, не может представлять законопроект. Речь пойдет о теоретической концепции, которая имеет практическое значение. Докладчик отметил, что предлагаемая концепция носит черты компромисса, поскольку уголовный процесс ближе всех отраслей относится к политике, а политика – искусство компромисса.

По этой концепции следственные судьи не отделены от общей судебной системы. Максимально сохранены полномочия следователя, прокурора, хотя есть довольно заманчивые предложения по деформализации предварительного расследования. Институт следственных судей - нечто превышающее обычную процессуальную форму, то, что обычно является процессуальной гарантией. Этот институт может занять не слишком много места в уголовном процессе. Использование этого института может разгрузить процесс по другим направлениям, в частности, весьма обременительным для современного института судопроизводства. Действия, вытекающие из дополнительной процессуальной гарантии, - это выбор сторон, т. е. стороны обвинения и защиты сами решают, нужно ли им прибегать к тем или иным усовершенствованиям, связанным с участием следственного судьи, или не использовать их. Защита может представить доказательства прямо в судебном заседании, а может обратиться к следственному судье, чтобы провести дополнительные действия.

При этом А.В. Смирнов отметил, что идея следственного судьи не является новшеством. У нас уже есть судья в уголовном процессе по делам частного обвинения, только эти дела считаются маловажными. Потребность в этом институте ощущалась всегда, во все исторические эпохи. Лучшего производства для защиты прав еще не придумали, это метод правового регулирования, когда между сторонами ставится беспристрастный и независимый арбитр, который осуществляет публичный контроль. Вопрос лишь в том, как оптимизировать эти действия, как найти разумный баланс между защитой прав и процессуальной экономикой. Защитник или потерпевший могут требовать от следователя проведения следственных действий. Закон говорит о том, что следователь не вправе отказать в проведении такого рода следственных действий, но при условии, если это имеет значение для дела. Представляется, что введение института следственных судей на предварительном расследовании позволит решить такую задачу, как обеспечение равенства сторон.

– Если мы будем дожидаться, когда у нас возникнут идеальные сознательные судьи, следователи, дознаватели, мы можем состариться и помереть и не дождаться этой светлой перспективы, – отметил докладчик. – Задача хорошо отлаженного правового механизма, вообще права, состоит в том, чтобы таким образом организовать взаимоотношения субъектов, чтобы даже человек, который не слишком беспристрастен, не идеален, попав в такой механизм, все равно выдавал на выходе приемлемые решения. Главное даже не следственный судья, а то, что сопутствует ему, та среда, в которой он может существовать, – судебное заседание.

А.В. Смирнов указал, что следственный судья должен выполнять четыре группы полномочий. Кроме обеспечения равенства сторон это осуществление помощи сторонам в собирании и проверке судебных доказательств, сохранение конституционных прав личности и решение вопроса о предании суду. В настоящий момент и в законодательстве, и в теории существует представление о том, что следственный судья должен обладать только юрисдикционными полномочиями. Практика показала, что такого рода полномочия не делают судью судьей. Суды создают парадоксальнейшую ситуацию, судьи избегают оценки доказательств. Правосудие без доказательств невозможно, тем не менее, мы это видим. Следственные судьи участвуют в процессе доказывания путем проведения судейских следственных действий по требованию сторон. Судья не должен ни в коем случае принимать на себя ответственность за проведение расследования, чтобы не стать уголовным преследователем. Он действует по требованию стороны обвинения и защиты, которые сами выбирают момент и необходимость проведения судебных следственных действий. В-первых, сторона защиты или потерпевший могут допросить тех свидетелей, которых считают нужными. Это очень острая задача, все адвокаты это прекрасно знают. Во-вторых, показания, записанные в протокол, сразу становятся судебными доказательствами. Следовательно, даже если эти свидетели не явятся на основное судебное разбирательство, там можно будет, уже не требуя соглашения всех сторон, использовать эти показания, что не нарушит ни право на исследование доказательств, ни право на очную ставку. В случаях обыска, выемки, задержания нельзя исключить из оборота доказательство - протокол, который составляет следователь и дознаватель.

Представляется правильным, отметил докладчик, что вопрос о придании судебного статуса доказательствам решается не с помощью системы двух палок. Что касается остальных доказательств, если ни одна из сторон не заявляет ходатайство о признании такого рода доказательств недопустимыми, следственный судья считает их допустимыми. Таким образом обеспечивается защита прав участников процесса, и вместе с тем соблюдаются интересы процессуальной экономии. В проекте также предусматривается, что следственный судья может прекращать уголовное дело, если доказательств, которые представила сторона обвинения, явно недостаточно для передачи дела в суд. Если доказательств вообще нет, или они все признаны недопустимыми, «выбиты» удачливой стороной, можно прекратить дело за отсутствием состава преступления там, где нет юридических предпосылок для продолжения производства по делу, действует истечение срока давности или примирение сторон или еще какие-то основания, которые называют нереабилитирующими.

– Если мы говорим о судебном следователе, то это как раз следователь по французскому образцу, – сказал А.В. Смирнов, отвечая на вопрос «Почему возникла идея следственного судьи, а не судебного следователя?». – Это судья, который заключает виновного и предъявляет ему обвинение. В этом случае реальной состязательности в процессе наблюдаться не будет. Следственный судья – это судья над следствием. Он действует только по требованию сторон, сам он инициативы, как правило, не проявляет.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, канд. юрид. наук, доцент Г.М. Резник пояснил, что основная идея введения следственного судьи, судебного следователя – обеспечение состязательности на предварительном следствии. Он задал А.В.Смирнову вопросы: «Как у нас появляется обвиняемый?», «Каким образом предлагаемая конструкция будет включать в себя такие институты, как досудебное соглашение со следствием и прекращение дела за примирением?».

– Вопрос не в бровь, а в глаз, – ответил А.В. Смирнов. – Вообще предъявление обвинения в состязательном процессе тоже должно происходить в идеале перед судьей. В первоначальной версии проекта было предусмотрено такое судебное заседание по предъявлению перед судьей первоначального обвинения. Была реализована задача-минимум – максимально приблизить концепцию к существующему регулированию, чтобы как можно меньше ломать. Если будем предъявлять обвинение перед следственным судьей, это значит, что здесь нужны уже и доказательства, которые первоначальное обвинение будут подтверждать. Они могут быть еще не получены, потому что не проведены судейские следственные действия. Это может быть задача на будущее.

А.В. Смирнов указал, что институт досудебного соглашения можно оставить как есть, при условии, что следственный судья по этой категории дел будет контролировать зрелость окончательного обвинения в стадии предания суду, то есть при передаче дела для рассмотрения по существу. Если же нет доказательств, он просто прекратит дело.

Первый заместитель председателя Верховного Суда РФ в отставке, канд. юрид. наук В.И. Радченко отметил, что в случае примирения сторон дело должно прекращаться автоматически, по закону, а не по усмотрению органов уголовного преследованя.

– По тем категориям дел, по которым предусмотрено участие следственного судьи, эти явления будут довольно редкими, – признал он.

В пользу создания института следственных судей В.И. Радченко привел довод о характеристике дел, которые сейчас рассматривают судьи. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2013 году доля материалов, в порядке судебного контроля рассмотренных судьями райсудов, составила 59,3 % от всех рассмотренных; у их коллег из областных судов 92,3 % от всех рассмотренных материалов оказались ходатайствами о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В результате судьи просто не успевают

подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. В связи с этим сложилась практика самоизоляции от оценки доказательств, поэтому судьи, пока им не дадут возможность участвовать в процессе доказывания, так и будут формально подходить к решению вопроса. Если судья вник в дело и знает все доказательства, у него развязаны руки, и он принимает решение.

В.И. Радченко заявил, что потребность института следственных судей достаточно высока. Основная проблема правосудия – это обеспечение равноправия сторон и состязательность на всех этапах судопроизводства. На предварительном следствии и дознании доминирует обвинительная сторона, следователь, дознаватель, прокурор, а что касается защиты, то она выполняет роль статиста, который, когда это положено, присутствует при выполнении определенных следственных действий и вправе заявлять ходатайство, которое следователь не обязан удовлетворить. Вот так формируется пакет доказательств. Этот пакет доказательств поступает в суд, судья получает дело и начинает его изучать. В результате формируется мнение, которое компонуется следствием. Поэтому число оправдательных приговоров у нас 0,3 %, и часть из них отменяется потом апелляционными инстанциями.

В.И. Радченко упомянул, что основным показателем работы судьи является стабильность приговора, потому что его внимание сосредоточено на более важных делах.

– Следовательно, жалобы от подсудимых и адвокатов для него – как досадная помеха, он их отклоняет. А когда дело приходит в суд для рассмотрения по первой инстанции, берет судья и смотрит дело: один раз отклонена жалоба, второй. Да при такой ситуации как выносить оправдательный приговор? – заявил докладчик.

Уполномоченный при Президенте России по правам предпринимателей Б.Ю. Титов поддержал Концепцию законопроекта о следственных судьях, поскольку сегодня имеет место огромное количество нарушений УПК РФ. Следственным судьям надо обязательно вменить в обязанность рассматривать вопросы, связанные с нарушением уголовно-процессуального кодекса. Вокруг каждого дела – целая система нарушений УПК РФ. Это дополнительный бюджет, создание нового института, это кардинальное изменение судебной системы в стране. Сегодня все больше тех, кто считает, что ситуацию надо менять, несмотря на серьезные затраты. При этом он отметил, что контроль следственных судей за предваритель-

ным следствием очень важен. В среднем тридцать человек оставалось без работы из-за того, что бизнесмен необоснованно привлекался к уголовной ответственности. Экономический эффект перекроет те затраты, которые пойдут на этот институт.

Научный сотрудник института проблем правоприменения, эксперт Комитета гражданских инициатив М.С. Шклярук поделилась результатами опроса следователей МВД, в частности по вопросам, как они относятся к проблемам реформирования судопроизводства.

– Мы предложили им варианты создания единого следственного комитета: деформализацию расследования, изменение статуса следователя, когда все решения об обвинении принимает прокурор, а следователь становится таким старшим детективом, который работает с оперативниками, - рассказала она. - Последний вариант вызвал наименьшее неприятие, только 50 % следователей были целиком против него. В то время как, например, деформализация расследования вызывает у следователей резкое неприятие – 82 % против такого направления. Почти 80 % следователей воспринимают свою работу как грамотное оформление всех документов после того, как найдут подозреваемых. 20 % следователей говорит, что задача состоит в том, чтобы раскрыть преступление. Есть разные ценности, разные подходы к работе, в зависимости от того, что следователи считают более важным.

Что касается опроса адвокатов, то те из них, кто занимается уголовной специализацией, у кого больше 60 % дел занимают уголовные, оценивают свою нагрузку по ст. 51 УПК РФ примерно в 42 % дел. Это в среднем. Есть те, кто полностью работает по ст. 51 УПК РФ, а есть, кто работает и по соглашениям, но примерно половина их дел – по ст. 51 УПК РФ. Это значит, что адвокаты в своей оплате сильно зависят от следователя. Рассчитывать на то, что институт следственных судей сразу будет востребован стороной защиты, конечно, не приходится. Если он будет введен и заработает, то, возможно, в первую очередь по экономическим делам. Теоретически именно сторона защиты должна пытаться получить доказательства через следственного судью, поскольку вариантов для отказа у того меньше, и не факт, что следственный судья точно также не сможет отказывать в каких-то ходатайствах защиты на тех же основаниях. Со стороны следователя можно ожидать, что пока нет стороны защиты, нет и возможности воспользоваться этими полномочиями. Момент, когда лицо будет получать статус подозреваемого, будет максимально отодвинут от момента возбуждения уголовного дела. Функция судьи при передаче уголовного дела в суд сходна с функцией прокурора. Это будет еще одна инстанция, проверяющая за прокурором, надо ли дело передавать в суд. Концепция не предусматривает кардинального изменения предварительного следствия, соответственно, остаются и следователи, и прокуроры, и следственный судья, который частично дублирует их функции. Останется ситуация, когда расследование с неформальным решением о виновности будет сосредоточено на этапе «до появления стороны защиты». При этом сохраняются бумажные протоколы следственных действий и возможность вести аудиозаписи. Это приведет к тому, что изготовление будет очень долгое, потому что, по неформальному правилу, если есть аудио- или видеозапись, все написанное на камеру должно совпадать с протоколом. Много времени уйдет на расшифровку. Лучше обозначить все эти моменты на этапе обсуждения, чем потом столкнуться с ними на практике.

Партнер адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» В.А. Бурковская прокомментировала, что на сегодняшний момент следователи МВД и СК фактически безнадзорны. Поэтому, какую бы форму контроля ни предлагали, им она не понравится. В настоящий момент следователь до этапа утверждения обвинительного заключения делает все, что хочет, в рамках уголовного дела. Судебный контроль в настоящий момент очень условен, для процесса было бы лучше вернуть полномочия прокурору. Однако вернуть их нелогично, потому что полномочия эти давным-давно отобрали. Выдвигается такая конструкция, как следственные судьи.

- У нас нет реально работающего механизма, поэтому, наверное, нужно двигаться в сторону следственного судьи, отметила она.
- Зачем ставить вопрос о том, что следственный судья должен назначить экспертизу, если ее не инициирует обвинение или сторона защиты, и этот же судья при обнаружении, что экспертиза не проведена, возвращает дело обвинителю, задался вопросом член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, адвокат И.Н. Пастухов. Я не вижу смысла принятия концепции ради решения этой части проблемы. Что касается адвокатов, у которых 42 % дел по назначению, мы имеем опыт регионов, когда адвокатская палата создала систему автоматического распределения дел по назначению. Обращение следователя напрямую к адвокату рассматривается как дисциплинарный про-

ступок, нарушение адвокатом своих обязательств перед региональной корпорацией. Это абсолютно логичная система.

Управляющий партнер Адвокатского бюро «Резник, Гагарин и Партнеры», адвокат Н.А. Гагарин отметил, что контроль суда за деятельностью органов предварительного расследования необходим. Судья – не субъект доказывания. Он должен оценивать только те доказательства, которые предоставляют ему стороны. Следственный судья должен вести дела от начала до момента передачи дела в другую процессуальную стадию. Судья должен понимать дело, следить за правилами игры, особенно по «экономике». Представлять

перед следственным судьей дело должен прокурор, если он собирается идти в суд, поддерживать обвинение.

– Может быть, наконец, потратимся на дорогое правосудие, а не на дешевое! – отметил докладчик.

Подвел итог дискуссии А.Л. Кудрин.

– Общество будет готово заплатить за повышение качества судебной системы, – отметил он.

Материал подготовили: И.Т. Кантюкова, А.В. Рагулин, А.В. Кулагин Фотографии мероприятия опубликованы на первом форзаце обложки.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственноправовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РФ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЮ ПРЕДЛОЖЕНИЙ О ВВЕДЕНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ (г. МОСКВА, 10 МАРТА 2015 г.)

10 марта 2015 года состоялось заседание Научно-консультативного совета Федеральной палаты адвокатов РФ, посвященное обсуждению возможности введения института следственных судей в России. В основе обсуждения лежали три документа: записка руководителя Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Т.Г. Морщаковой «О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации»; Концепция советника Конституционного Суда РФ профессора А.В. Смирнова «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе»; авторский проект Федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации» профессора Н.Г. Муратовой, которая лично выступила с его презентацией.

Ключевые слова: следственные судьи, уголовное судопроизводство, судебный контроль за предварительным следствием.

MEETING OF SCIENTIFIC AND ADVISORY COUNCIL OF FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES OF THE RUSSIAN FEDERATION DEVOTED TO DISCUSSION OF OFFERS ON INTRODUCTION OF INSTITUTE OF INVESTIGATIVE JUDGES IN RUSSIA (MOSCOW, ON MARCH 10, 2015)

On March 12, 2015 the meeting of Scientific and advisory council of Federal chamber of advocates of the Russian Federation devoted to discussion of offers on introduction of institute of investigative judges in Russia took place. At the heart of discussion, besides any publications and private positions extended through the Internet three documents lay: a note of the head of the Constant commission on civil participation in legal reform of Russian President's Council for Civil Society and Human Rights T.G. Morshchakova «About competence and an order of formation of institute of investigative judges of the Russian Federation»; the concept of the Counselor of the Constitutional Court of the Russian Federation professor A. Smirnov «Revival of institute of investigative judges in the Russian criminal trial»; the author's draft of the Federal law «About investigative judges in the Russian Federation» professor N.G. Muratova who personally made presentation of the project. Keywords: investigative judges, criminal legal proceedings, judicial control of preliminary investigation.

Заседание Научно-консультативного совета Федеральной палаты адвокатов РФ, посвященное обсуждению предложений о введении института следственных судей в России, открыл д-р юрид. наук, профессор, заместитель председателя научно-консультативного Совета ФПА РФ В.В. Лазарев. Он отметил, что проблема введения института следственных судей обсуждается очень активно. Среди ученых-исследователей, разрабатывающих предложения о введении института следственных судей и обнародовавших расширенные доклады на эту тему, В.В. Лазарев выделил профессоров А.В. Смирнова и Т.Г. Морщакову. По мнению В.В. Лазарева, в материалах подготовленных А.В. Смирновым, вопрос обозначен очень концептуально и развернуто, имеются предложения о внесении изменений в УПК РФ по соответствующим статьям. Начать заседание НКС ФПА В.В. Лазарев предложил с выступления д-ра юрид. наук, профессора Н.Г. Муратовой.

Д-р юрид. наук, профессор Казанского федерального университета Н.Г. Муратова указала, что в ее видении система судебного контроля связана с генезисом и с вопросом, зачем нужен следственный судья или судебный следователь. Она

рассказала, что присутствовала на круглом столе, где А.В. Смирнов докладывал свою концепцию, которая кардинально меняет уголовный процесс.

– У нас был судебный следователь. Как считает профессор А.В. Смирнов, – это аналог следственного судьи во Франции, – отметила докладчик. – Система судебного контроля – это не только субъект уголовно-процессуальной деятельности, не только следственный судья, но и юридические факты, правоотношения, судебные органы, участники процесса, деятельность субъектов. Мы должны развивать ее. В ней существуют дефекты, и они породили эту дискуссию.

Н.Г. Муратова напомнила, что впервые возможность обжаловать арест в суд появилась в декларации о правах и свободах в СССР в сентябре 1991 г. И первым, кто обратился в суд с жалобой на арест, был Председатель Верховного Совета СССР, доктор юридических наук А.И. Лукьянов. Реакция Генеральной прокуратуры всем хорошо известна, но май 1992 г. позволил убедиться в том, что судебная проверка законности судебного ареста имеет перспективы. С тех лет начались дискуссии о возможности возвращения фигуры следственного судьи.

Докладчик обратила внимание коллег на дефекты системы судебного контроля, дефекты юридических фактов, которые связаны с судебными процедурами, с дефектами уголовно-процессуальных норм, и отметила, что работы у следственного судьи будет достаточно. Также она подчеркнула, что весь судебный контроль, в том числе и за процедурой обыска, следует сделать открытым. Во многих странах, например в Беларуси, Украине, Казахстане, Армении, Франции, Австрии, Италии и Германии, имеется институт следственных судей. По мнению докладчика, нужно вернуть ч. 4 ст. 63 УПК РФ, исключенную Федеральным законом № 58 от 29 мая 2002 года, согласно которой закон запрещал судье, рассматривающему вопрос об избрании меры пресечения, осуществлять последующее рассмотрение дела по существу. Также она предложила вернуть в УПК РФ ч. 4 ст. 110, которая содержала норму о том, что если решение о мере пресечения принимается с согласия судьи, то и отмена и изменение ее также должны быть осуществлены судом, и вернуть в УПК РФ главу 52 в первоначальной редакции, когда судья давал заключение о наличии признаков состава преступления. Что же касается непосредственно института следственного судьи, то здесь, по мнению докладчика, нужна концепция целостного восприятия этого субъекта.

– У нас нет единого уголовного дела, от него отпочковываются вопросы, предусмотренные ст. 125, 109, 108, 165 УПК РФ. Это все отдельные производства, и их нужно сосредоточить в одних руках, – отметила она. – Поэтому новый субъект не будет дорогостоящим. Те же федеральные судьи, следственные судьи – только они отделены от разрешения дела по существу. У них контроль за единым делом, копия постановления о возбуждении уголовного дела, копии всех наших жалоб и ходатайств, всех процессуальных решений следователя. Это как минимум. А как максимум, возможно, требуется проведение следственных действий под контролем следственного судьи.

Д-р юрид. наук, депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ Т.Н. Москалькова в своем докладе отметила, что необходимо совершенствовать контроль за предварительным следствием. Она также указала, что институты следственных судей и судебных следователей – два абсолютно разных института, и с правовой, и с организационной точки зрения.

Т.Н. Москалькова отметила, что судебный контроль появился в России с 90-х годов, еще до нового УПК, а в полном объеме он развернулся после принятия УПК 2001 года. Настало время

проанализировать, как он работает. Парламентские слушания по контролю за применением меры пресечения заключения под стражу показали, что отказ в ходатайствах следователя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу судьями осуществляется гораздо реже, нежели когда эта мера избиралась прокурорами. Прокуроры в два раза чаще отменяли решение следователя. Это обосновывается тем, что у судьи сегодня нет инструментария проверить факты, которые представляет следователь в подтверждение своего тезиса, а именно, что обвиняемый будет пытаться скрыться, влиять на свидетелей и пытаться разрушить доказательную базу. Все ограничивается докладом прокурора, что у следствия имеются данные, подтверждающие, что обвиняемый может скрыться. Несмотря на то, что есть постановление Пленума Верховного Суда РФ и постановление Конституционного Суда РФ, что в суды должны быть представлены, например, какие-то подтверждения того, что доказательная база будет разрушена, на деле это не осуществляется. Ни разу не случалось, чтобы судья отложил процесс и попросил представить доказательства, что обвиняемый может скрыться или повлиять на доказательственную базу. Поэтому первое, что нужно усовершенствовать, - вопросы контроля.

Т.Н. Москалькова также подчеркнула, что для принятия окончательного решения сегодня недостаточно эмпирических данных, теоретических исследований, которые привели бы к выводу о том, что же эффективней: судебный контроль или прокурорский надзор, и в каком сочетании? Концепция института следственных судей в том виде, в котором представлена, вызывает целый ряд вопросов по организации и отличию от уже действующей системы.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, канд. юрид. наук, доцент Г.М. Резник отметил, что Концепция Александра Витальевича Смирнова подкупила его своей целостностью, непротиворечивостью и законченностью, что абсолютно не исключает такую характеристику, как утопичность. Докладчик подчеркнул, что на предварительном следствии имеется доминирование стороны обвинения над стороной защиты. Истина в уголовном процессе существует не в научной лаборатории, она заключается в конкурировании двух суждений. С момента появления подозреваемого уголовное дело возбуждается не с целью кого-то реабилитировать, а с целью установления события преступления, когда уже есть его определенные признаки. Согласно Концепции следственный судья по своей инициативе вообще ничего не ищет, он необходим, чтобы разрешать уже на стадии предварительного расследования сформировавшийся правовой спор между стороной обвинения и стороной защиты. В данном случае прислушаться к тезису о пользе следственного судьи надо и представителям стороны обвинения.

Г.М. Резник отметил, что в практике Европейского суда уже есть два решения против России, подтверждающие, что состязательность должна быть обеспечена на предварительном следствии, а если показания свидетеля оглашаются, а на предварительном следствии не было очной ставки, то это не является доказательством, потому что не было обеспечено равноправие сторон в исследовании доказательств на предварительном следствии. Им также было подвергнуто критике Постановление Верховного Суда 2004 года, в котором указано, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения суд не вправе вторгаться в разрешение вопроса о виновности. Виновность складывается из ответов на два вопроса. Первое – процессуальное понятие, причастность конкретного человека, подозреваемого к совершению преступления. Второе – уголовно-правовая вина. При этом Г.М. Резник предложил вернуть участникам состязательного процесса функции, вытекающие из природы их деятельности. Следственный судья вообще не должен проявлять инициативу состязания. А дальше прокурор должен определять, идти ему в суд или не идти.

Проректор Академии Следственного Комитета РФ, канд. юрид. наук, доцент Ю.П. Боруленков в своем докладе отметил, что умный, добросовестный и порядочный адвокат – это и есть движитель уголовного процесса. Государственная уголовная политика должна базироваться на четком понимании того, каких изменений преступности можно ожидать, если принимать меры по реорганизации тех или иных правоохранительных судебных институтов. В ряде случаев радикальное изменение уголовного судопроизводства было предвестником последующих социальных потрясений.

Ю.П. Боруленков отметил, что на уголовное судопроизводство современной России особое влияние оказывают три взаимосвязанных аспекта: презумпция недобросовестности следствия, особая централизованная стадия возбуждения уголовного дела и гиперформализованное понятие процессуального доказательства. Он подчеркнул, что не нашел в Концепции А.В. Смирнова целостности, ответов на вопросы, которые ее автор сам себе задает. Это, прежде всего, деформализация уголовного процесса, деформализация

предварительного расследования. Судебный следователь - это следователь в судебной системе, как и в 1864 году. Тогда это были полицейские, назначенные следователями, которые были помещены, как, впрочем, и прокуратура, в судебную систему. Руководили и прокурорами, и следователями председатели судов. По мнению докладчика, профессор А.В. Смирнов предлагает восстановление следственных судей со ссылкой на XIX век, а говорит о концепции западноевропейских следственных судей. Следственный судья слабое звено уголовно-процессуального познания. В Концепции А.В. Смирнова две основные позиции, первая – ликвидация предварительного расследования с передачей полномочий полиции, вторая - введение института следственного судьи, вернее, предварительных слушаний на стадии предварительного расследования. Эти две позиции вызвали у Ю.П. Боруленкова особое возражение. А.В. Смирнов, говоря, о реорганизации, о передаче полномочий органов, совершенно не касается теории доказательств, российской системы доказательств. Одна из целей – это формирование доказательств на стадии предварительных слушаний, поскольку в этой стадии предварительных слушаний может формироваться только вербальное доказательство. На сегодняшний момент экономическая организованная преступность, рост террористической угрозы вынуждают следственные органы смещать акценты доказывания с вербальных на иные, более объективные, достоверные доказательства, в том числе сформированные на основании ОРД. Этот момент и является концептуальным. Активность следственного судьи является мифом. Следственный судья может работать только по ходатайствам сторон. По Концепции А.В. Смирнова сторона может и не предъявлять доказательства следственному судье, она может представить их суду первой инстанции. Роль следственного судьи сводится к выполнению процессуальных действий по легализации представленных сторонами доказательств, а также к осуществлению судебного контроля за мерами процессуального принуждения и соблюдения органами уголовного преследования конституционных прав и свобод граждан. Сегодня судьи делают то же самое. Для чего вводить еще одного контролера на стадии предварительного расследования?! Следственный судья может дать оценку только по критерию допустимости. По критерию относимости и достоверности он может дать оценку только в контексте системы доказательств, т. е. то, что рассматривает суд первой инстанции. Функция следственного судьи получается достаточно символической. Следственный судья более независим, чем следователь.

– Представленная Концепция – не более чем дополнительная нагрузка на бюджет, – сделал вывод докладчик.

Первый вице-президент Федеральной Палаты адвокатов РФ Е.В. Семеняко отметил, что если Россия пошла по пути введения судебного контроля, не нужно пытаться придумывать какие-то новые институты. Надо думать над тем, как сделать судебный контроль реальным. Мы критикуем очередной институт, который в других странах как-то работает, а на выходе будем иметь практически то же самое.

Доктор юридических наук, профессор Д.А. Фурсов кратко представил свою точку зрения на то, решает ли институт следственного судьи проблемы, ради которых предлагается. По его мнению, в Концепции А.В. Смирнова нет ни одного довода, который бы позволил внедрить ее в нашу сегодняшнюю судебную систему.

Старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ канд. юрид. наук В.И. Руднев отметил, что институт следственного судьи существует в других странах, а различия касаются его полномочий и его назначения.

– Если мы будем использовать определенный институт, то добъемся определенных изменений в нашем уголовном процессе, - сказал он. - Мы можем сводить следственного судью и его деятельность к тем полномочиям, которые уже существуют в уголовно-процессуальном кодексе. Зачем придумывать какую-то другую фигуру? Это все требует бюджета. Все дело в его процессуальном статусе, в его самостоятельности, в независимости. Он может даже не подчиняться председателю суда, будет в ходе предварительного расследования формировать доказательства, обладая теми полномочиями, которыми сейчас судьи не обладают. Следственный судья может кардинально повлиять на ход процесса, может вернуть процессу состязательность. Следственный судья должен иметь больше полномочий при решении вопроса о заключении под стражу.

Докладчиком было высказано мнение, что следственный судья может работать в районных судах. Также было отмечено, что дознаватель и следователь нередко запросто отстраняют защитника от ведения дела, и никто не может этому помешать. Если будет введен следственный судья, то дознаватель или следователь вынужден будет обращаться к следственному судье, чтобы сказать, что он хочет отвести защитника.

Заведующий кафедрой Академии Следственного комитета РФ, канд. юрид. наук Ю.А. Цветков сказал, что по обсуждаемому вопросу существует три концепции. Первая – судебный следователь, вторая – следственный судья (традиционный), третья – следственный судья. У следственного судьи будет тяжелая нагрузка, он будет лишь успевать подписывать то, что приготовили помощники, если они не разбегутся. Судебной власти просто надо стать властью, и тогда, возможно, не будет необходимости в предлагаемом институте.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором сравнительного правоведения Института государства и права РАН А.С. Автономов считает, что нельзя принимать половинчатых мер. Нужно сделать судей реально независимыми. Если бы в Концепции было написано, что следственный судья по инициативе сторон обязан выполнить те или иные действия, то для адвоката открылась бы возможность работать.

Доцент кафедры уголовного процесса МГЮА им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, адвокат Е.А. Рубинштейн заявил, что в Концепции есть детали, которые нужно обсуждать, и тогда, возможно, ее воспримут адвокатское и следственное сообщество. Если такая процедура появится, если у адвоката будет возможность перед судьей по собственной инициативе допросить свидетеля защиты, и это будет считаться доказательством, то это чуть уравняет сторону обвинения и сторону защиты на стадии предварительного расследования. Такой поворот в уголовном процессе будет очень существенным шагом вперед, улучшит качество уголовного процесса. Следует обязать судей рассматривать доводы адвоката.

Доцент кафедры уголовного процесса МГЮА им. О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук С.А. Насонов, отметил, что среди полномочий следственных судей, которых ввели в ближайших странах, адвокаты, в том числе работающие в этих странах, отмечают очень важное полномочие, состоящее в депонировании показаний. Защитник, который лишен в настоящее время возможности превратить те или иные сведения в доказательства, потому что ему просто отказывают в допросе свидетеля, такую возможность получает. В Концепции, которая представлена, все-таки есть некие вехи, которые можно реализовать хотя бы не в полном объеме, но в какой то части.

Материал подготовили: И.Т. Кантюкова, А.В. Рагулин, А.В. Кулагин Фотографии мероприятия опубликованы на втором форзаце обложки.

Заборовский В.В.

ЖАЛОБА АДВОКАТА В КАЧЕСТВЕ ПОВОДА ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Провести анализ правовой природы такого повода для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, как заявление (жалоба) другого адвоката.

Методология: Автором использовался формально-юридический метод на базе системности и комплексности его проведения.

Результаты: В статье сделан вывод о том, что как украинским, так и российским законодательством право инициировать вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката предоставлено любому другому адвокату, независимо от наличия прямых взаимосвязей между ними. Делается вывод о целесообразности существования норм, которые предоставляют возможность решить имеющиеся противоречия между адвокатами мирным путем, а также в пределах внутренней системы организации адвокатского самоуправления, поскольку это будет залогом недопущения подрыва общественного авторитета адвокатуры.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья имеет определенную научную ценность и важную практическую значимость, поскольку содержит комплексное исследование правовой природы такого повода для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, как заявление (жалоба) другого адвоката.

Ключевые слова: адвокат, дисциплинарная ответственность, повод для возбуждения дисциплинарного производства, жалоба адвоката.

Zaborovsky V.V.

THE LAWYER'S COMPLAINT AS AN EXCUSE TO INITIATE DISCIPLINARY PROCEEDINGS AGAINST LAWYERS FOR LEGISLATION IN UKRAINE AND RUSSIAN FEDERATION

Purpose: Analyzis of the reason for the initiation of disciplinary proceedings against a lawyer as an application (complaint) another lawyer.

Methodology: The authors used formal legal method based on the consistency and comprehensiveness of its holding.

Results: We concluded that both Ukrainian and Russian legislation the right to initiate the issue of disciplinary liability attorney granted to any other lawyer, regardless of whether a direct relationship between them. The conclusion about the feasibility of the existence of rules that provide an opportunity to resolve the contradictions between lawyers peacefully and within the internal system of self-government organization advocates, as it will be the key to avoid undermining the authority of public advocacy.

Novelty/originality/value: The paper has a certain scientific value and important practical significance, because it contains a comprehensive study of the legal nature of the drive to initiate disciplinary proceedings against the lawyer as an application (complaint) another lawyer.

Keywords: lawyer disciplinary liability, the drive to initiate disciplinary proceedings, the applicant's lawyer.

Одна из наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается адвокатское сообщество, – проблема дисциплинарной ответственности адвоката. Ее актуальность обусловлена тем, что нарушения, допускаемые адвокатами, негативно влияют не только на профессиональную честь и достоинство конкретного адвоката, но и подрывают авторитет адвокатуры в целом.

Одними из источников, который содержит сведения о совершении адвокатом дисциплинарного проступка (поводом для начала дисциплинарного производства), является заявление (жалоба) другого адвоката. Актуальность в данном случае проявляется в том, что прежде чем осуществлять действия по возбуждению дисциплинарного производства в отношении адвоката,

обязательно необходимо убедиться в принадлежности и допустимости такого повода.

Проблема определения правовой природы поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, в частности такого, как заявление (жалоба) другого адвоката, была предметом исследований ряда ученых, среди которых целесообразно выделить труды Е.О. Бусуриной, Т.В. Варфоломеевой, Р.Г. Мельниченко, С.Ф. Сафулько, А.В. Рагулина, Д.П. Фиолевського и других [1–7]. Вместе с тем, и сегодня достаточно дискуссионных вопросов в данной сфере.

Общепринятым определением повода для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (украинский законодатель применяет словосочетание «инициирование во-

проса» о дисциплинарной ответственности адвоката) является восприятие его в качестве источника, содержащего сведения о совершении таким лицом дисциплинарного проступка.

Что касается перечня поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, то украинский и российский законодатель используют кардинально противоположные подходы в регулировании данного вопроса. Так, украинский законодатель в ч. 1 ст. 36 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» закрепил открытый перечень таких поводов, поскольку предоставил право каждому, кто владеет данными о дисциплинарном проступке адвоката, возможность обращаться с заявлением (жалобой) в соответствующие квалификационно-дисциплинарные комиссии [3, с. 46].

По нашему мнению, позитивным является опыт российского законодателя, который в отличие от украинского использует другой подход в регулировании вопроса о поводах для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката. Так, если нормой украинского законодательства предусмотрен открытый перечень поводов для возбуждения дисциплинарного производства, то российский законодатель закрепляет закрытый список. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа норм ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого Всероссийском съездом адвокатов, где четко предусмотрены поводы для начала дисциплинарного производства. Одними из поводов для начала дисциплинарного производства, которые предусмотрены российским законодателем, являются жалобы, поданные в адвокатскую палату другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем, а также - при отказе адвоката принять поручение без достаточных оснований жалоба лица, обратившегося за предоставлением юридической помощи в порядке ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (о безвозмездном предоставлении правовой помощи).

То есть данной нормой предусмотрено три группы лиц, которые имеют возможность обращаться с соответствующими жалобами на действия (бездействие) адвоката, а именно:

- адвокат в качестве инициатора вопроса о дисциплинарной ответственности другого адвоката;
- доверитель адвоката или его законный представитель;
- лицо, которому без достаточных правовых оснований было отказано в предоставлении бесплатной правовой помощи.

Итак, одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката по законодательству Российской Федерации является жалоба, поданная в адвокатскую палату другим адвокатом. Такая возможность ставить вопрос о дисциплинарной ответственности другого адвоката четко предусмотрена и украинским законодательством. Так, в ч. 1 ст. 53 Правил адвокатской этики [9] указано, что допустимыми формами реагирования адвоката на незаконное или неэтичное поведение другого адвоката, которым причинен или может быть причинен вред интересам адвоката, его клиента, адвокатского объединения, бюро, органов адвокатского самоуправления или адвокатуры как таковой, следует считать обращение (заявления, жалоба) в органы адвокатского самоуправления, наделенные дисциплинарными полномочиями в отношении адвокатов, а также использование других форм защиты прав и законных интересов, предусмотренных законодательством Украины.

Нормами украинского и российского законодательства «не определены условия для подачи жалобы адвоката на другого адвоката, не закреплены какие-то ограничения» [4, с. 179], то есть отсутствуют какие-то привязки о необходимости существования прямых правоотношений между ними, в частности, участие в одном производстве, оказание правовой помощи одному клиенту и тому подобное. По нашему мнению, данная норма соответствует требованиям современности, так как возможны случаи, когда адвокат может совершить дисциплинарный проступок, не будучи непосредственно связан с профессиональной деятельностью другого адвоката. Такие действия могут проявляться, например, в недобросовестной рекламе адвоката, публичных высказываниях, унижающих честь, достоинство и деловую репутацию другого адвоката, и тому подобном.

По нашему убеждению, основным условием реализации данного права адвоката на обращение в соответствующую квалификационнодисциплинарную комиссию является то, чтобы инициирование вопроса о дисциплинарной ответственности другого адвоката основывалось исключительно на учете требований Правил адвокатской этики (Кодекса профессиональной этики адвоката).

Так, ч. 2 ст. 13 Правил адвокатской этики предусмотрено, что рекламные материалы об адвокатской деятельности не могут содержать: оценочных характеристик относительно адвоката; критики адвокатами других адвокатов; заявлений о вероятности успешного выполнения поручений

и других заявлений, которые могут вызвать у клиентов безосновательные надежды; указаний, которые могут сформировать представление, что деятельность именно этого адвоката характеризуется чертами и показателями, присущими в действительности адвокатуре как таковой. Кроме этого, ч. 3 ст. 54 Правил предусмотрено, что адвокат не может прибегать к антирекламе в отношении другого адвоката (адвокатского бюро, адвокатского объединения) или использовать этот метод при рекламировании своей деятельности.

Также Правилами адвокатской этики достаточно четко урегулированы отдельные этические аспекты отношений между адвокатами. Так, ст. 52 указанных Правил предусмотрено, что адвокат не должен допускать в отношении другого адвоката: высказываний, унижающих его честь и достоинство, которые наносят ущерб его деловой репутации, бестактных и унизительных высказываний; распространение заведомо ложных сведений о нем; попыток склонить клиента другого адвоката к расторжению с ним договора о предоставлении правовой помощи; общение с клиентом другого адвоката без согласия последнего по поводу поручения, которое им выполняется; попыток склонить к заключению договора о предоставлении правовой помощи лицо, которое пришло к другому адвокату (адвокатское бюро, адвокатское объединение); умышленное введение другого адвоката в заблуждение по делу, в судебном рассмотрении которого оба участвуют, о месте и времени проведения судебных заседаний, результатах рассмотрения дела судами различных инстанций, наличии доказательств (и намерений их представить), которые в действительности не существуют, а также относительно намерений своего клиента, которые касаются предмета спора и ведения дела, условий мирового соглашения, которые предлагаются.

Адвокат не только в своей профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни должен соблюдать принцип уважения других адвокатов. В статье 54 Правил указано, что адвокат должен избегать огласки в средствах массовой информации (или распространения иным способом) сведений, порочащих другого адвоката, адвокатское бюро или адвокатское объединение, если этого не требуют его собственные законные интересы, интересы его клиента или адвокатуры Украины. Также адвокат не должен обсуждать с клиентами обстоятельства, касающиеся личной жизни другого адвоката, его материального положения, происхождения, национальной принадлежности, и другие обстоятельства, которые не относятся к сути поручения.

Заслуживают внимания и этические аспекты взаимных отношений между адвокатами, предусмотренные российским законодателем, который раскрывает их, с одной стороны, достаточно лаконично, а с другой – достаточно обстоятельно. Так, ч. 1 и 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвокатов предусмотрено, что адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. В данном случае адвокат не должен: употреблять выражения, унижающие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката; использовать в беседах с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями высказывания, порочащие другого адвоката, а также критику правильности действий и консультаций адвоката, который ранее оказывал юридическую помощь этим лицам; обсуждать с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями обоснованность гонорара, взимаемого другими адвокатами.

Итак, совершение любого из вышеуказанных действий может быть квалифицировано как нарушение адвокатом этических аспектов взаимоотношений с другим адвокатом и рассматривается в качестве дисциплинарного проступка. Нужно учесть и то, что ряд вышеуказанных понятий, характеризующих этические взаимоотношения между адвокатами, имеет оценочный характер. Кроме этого, нормы, регулирующие основания для привлечения к тому или иному виду дисциплинарной ответственности, не характеризуются безусловностью и самостоятельностью. Все это может привести к случаям, когда к адвокатам за одно и то же деяние могут быть применены разные виды дисциплинарной ответственности.

К сожалению, на практике адвокаты не всегда придерживаются вышеуказанных этических аспектов взаимоотношений с другими адвокатами. Такой пример, в частности, приведен в решении Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры Украины № II-009/2014 от 23 января 2014 года [10], которым был установлен факт распространения одним адвокатом недостоверной информации, порочащей другого адвоката. Данное деяние Высшая квалификационно-дисциплинарная комиссия Украины квалифицировала как дисциплинарный проступок, совершенный в результате нарушения правил адвокатской этики, и применила к адвокату такой вид дисциплинарного взыскания, как предупреждение.

Также бывают случаи, когда адвокат проявляет неуважение к адвокатской профессии, в

частности, зная, что другой адвокат представляет интересы лица по договору о предоставлении юридических услуг, склоняет лицо к отказу от услуг указанного адвоката. Так, постановлением Киевского апелляционного административного суда от 6 июня 2013 года (дело № 2а-13503/12/2670) [8] было оставлено в силе решение дисциплинарной палаты квалификационно-дисциплинарной комиссии Киевской области от 30 августа 2012 года о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности за подобный проступок и применении дисциплинарного взыскания в виде аннулирования свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью.

При инициировании адвокатом вопроса о дисциплинарной ответственности другого адвоката он должен учесть положения ч. 2 ст. 53 Правил адвокатской этики, в которой указано, что при возникновении конфликта между адвокатами каждый из них по возможности должен принять меры мирного урегулирования такого конфликта. Кроме этого, в случае инициирования адвокатом дисциплинарного производства в отношении другого адвоката первый предварительно должен уведомить об этом совет адвокатов региона, а в отношении адвоката иностранного государства - ассоциацию адвокатов или правовое общество соответствующего государства для поиска путей мирного улаживания конфликта, при условии, что это возможно с соблюдением других положений настоящих Правил.

Несколько дальше в данном вопросе пошел российский законодатель, который не только указывает на обязанности принимать средства для мирного разрешения спора и сообщать в соответствующие органы адвокатского самоуправления, но и предусматривает необходимость уведомления о наличии такого спора самого адвоката, в отношении которого будет решаться вопрос о применения мер дисциплинарного воздействия. Так, ч. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что адвокат обязан уведомить Совет (имеется в виду Совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации) о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката. Если адвокат принимает поручение на представление доверителя в споре с другим адвокатом, он должен сообщить об этом коллеге и при соблюдении интересов доверителя предложить окончить спор мирным путем.

Следует отметить, что указанное положение в полной мере отвечает и европейским стандартам профессиональной деятельности адвоката. В частности, п. 5.9 Общего кодекса правил для адвокатов

стран Европейского Сообщества [5] от 1 октября 1988 года предусмотрено, что если, по мнению адвоката, его коллега из другого государства Сообщества допустил какое-либо нарушение правил профессиональной этики, ему следует обратить на этот случай внимание других коллег. Также в случае возникновения спора между адвокатами из разных стран Сообщества, связанного с любым вопросом их профессиональной деятельности, им надлежит по мере возможности стараться решать его путем взаимного согласия. Кроме этого, в вышеуказанных ситуациях адвокат не должен совершать любые юридические действия, направленные против его коллеги из другого государства Сообщества, без предварительного уведомления объединений адвокатов, в которых они оба состоят, с целью предоставления объединениям адвокатов возможности урегулирования вышеуказанного спора.

По нашему мнению, указанные нормы как украинского, так и российского законодательства имеют право на существование, поскольку ими предусматриваются возможные случаи урегулирования конфликтных ситуаций мирным путем. Также они предоставляют возможность решить имеющиеся противоречия между адвокатами в пределах внутренней системы организации адвокатского самоуправления, а это будет залогом недопущения подрыва общественного авторитета адвокатуры.

К сожалению, такие прогрессивные нормы не имеют полноценной поддержки в правоприменительной практике. Такой вывод можно сделать, исходя из положений уже упоминавшегося решения Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры Украины № II-009/2014 от 23 января 2014 года [10], в котором отмечается, что отсутствие в случае инициации адвокатом дисциплинарного производства предварительного уведомления совета адвокатов региона о конфликте между адвокатами не может быть основанием для отказа дисциплинарной палатой КДКА в возбуждении дисциплинарного дела или освобождения адвоката от дисциплинарной ответственности. Мы убеждены, что отсутствие надлежащего механизма реализации указанных норм превратит их в декларативные, что повлечет потерю ими достойного места в системе привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. В то время как наличие и действенность норм, подобных таким, которые содержатся в Общем кодексе правил для адвокатов стран Европейского Сообщества (например, адвокат не должен совершать любые юридические действия, направленные против его

коллеги из другого государства Сообщества, без предварительного уведомления объединений адвокатов, в которых они оба состоят), на практике будут явной преградой в использовании механизма привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности в своих личных целях. Как отмечает Е.О. Бусурина «нередко подача жалобы адвокатом на другого адвоката преследует цель сведения личных счетов» [1, с. 61].

Подытоживая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что как украинским, так и российским законодательством право инициировать вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката предоставлено любому другому адвокату, независимо от наличия прямых взаимосвязей между ними. Считаем целесообразным существование норм, которые предоставляют возможность решить имеющиеся противоречия между адвокатами мирным путем, а также в пределах внутренней системы организации адвокатского самоуправления, поскольку это будет залогом недопущения подрыва общественного авторитета адвокатуры. Мы убеждены, что отсутствие надлежащего механизма реализации указанных норм превратит их в декларативные, что повлечет за собой потерю ими достойного места в системе привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Пристатейный библиографический список

- 1. Бусурина Е.О. Поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката // Евразийская адвокатура. 2013. N $^{\circ}$ 2 (3). C. 60–64.
- 2. Дмитриев Ю.А. Адвокатские палаты реальный орган защиты прав членов сообщества или символ формального представительства? // Образование и право. 2012. № 3 (31). С. 196–201.
- 3. Заборовский В.В. Поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката в законодательстве Украины // Евразийская адвокатура. $2014. N cite{0} cite{6} cite{13}. C. 45–50.$
- 4. Мельниченко Р.Г. Правовое регулирование института профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010.
- 5. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества, принятый делегацией двенадцати стран-участниц на пленарном заседании в Страсбурге в октябре 1988 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994 343.
- 6. Петросян Н.С. К вопросу о стратегии и тактике в адвокатской деятельности // Правозащитник. 2014. N 3. С. 18.
- 7. Поташник И.М. К вопросу о независимости адвокатов и адвокатских объединений в Российской Фе-

- дерации на современном этапе // Правозащитник. $2014. \mathbb{N}^{0}$ 2. С. 3.
- 8. Постановление Киевского апелляционного административного суда от 6 июня 2013 года (дело № 2а-13503/12/2670) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://reyestr.court.gov.ua/Review/31889213.
- 9. Правила адвокатской этики, утвержденные Учредительным Съездом адвокатов Украины от 17 ноября 2012 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://vkdka.org/pravil-advokatskoji-etiki.
- 10. Решение Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры № II-009/2014 от 23 января 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://vkdka.org/rishennya-i-0092014.

References (transliterated)

- 1. Busurina E.O. Povody dlja vozbuzhdenija disciplinarnogo proizvodstva v otnoshenii advokata // Evrazijskaja advokatura. 2013. № 2 (3). S. 60–64.
- 2. Dmitriev Ju.A. Advokatskie palaty real'nyj organ zashhity prav chlenov soobshhestva ili simvol formal'nogo predstavitel'stva? // Obrazovanie i pravo. 2012. № 3 (31). S. 196–201.
- 3. Zaborovskij V.V. Povody dlja vozbuzhdenija disciplinarnogo proizvodstva v otnoshenii advokata v zakonodatel'stve Ukrainy // Evrazijskaja advokatura. 2014. \mathbb{N}_2 6 (13). S. 45–50.
- 4. Mel'nichenko R.G. Pravovoe regulirovanie instituta professional'noj otvetstvennosti advokatov v Rossijskoj Federacii: Monografija. M.: Jurlitinform, 2010.
- 5. Obshhij kodeks pravil dlja advokatov stran Evropejskogo Soobshhestva, prinjatyj delegaciej dvenadcati stranuchastnic na plenarnom zasedanii v Strasburge v oktjabre 1988 goda [Jelektronnyj resurs]. –Rezhim dostupa: URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_343.
- 6. Petrosjan N.S. K voprosu o strategii i taktike v advokatskoj dejatel'nosti // Pravozashhitnik. 2014. № 3. S. 18
- 7. Potashnik I.M. K voprosu o nezavisimosti advokatov i advokatskih ob#edinenij v Rossijskoj Federacii na sovremennom jetape // Pravozashhitnik. 2014. Nº 2. S. 3.
- 8. Postanovlenie Kievskogo apelljacionnogo administrativnogo suda ot 6 ijunja 2013 goda (delo № 2a-13503/12/2670) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://reyestr.court.gov.ua/Review/31889213.
- 9. Pravila advokatskoj jetiki, utverzhdennye Uchreditel'nym S#ezdom advokatov Ukrainy ot 17 nojabrja 2012 goda [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://vkdka.org/pravil-advokatskoji-etiki.
- 10. Reshenie Vysshej kvalifikacionno-disciplinarnoj komissii advokatury N_0 II-009/2014 ot 23 janvarja 2014 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: Rezhim dostupa: http://vkdka.org/rishennya-i-0092014.

Кантюкова И.Т. ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА И СТАЖЕРА АДВОКАТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Цель: Исследование правового положения стажера адвоката и помощника адвоката по законодательству Украины.

Методология: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: В статье проанализированы место и роль помощника и стажёра адвоката в системе оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям в Украине, проводится детальный анализ правового положения этих лиц, функционального назначения деятельности помощника и стажера адвоката и иных требований, предъявляемых к ним. По результатам проведенного исследования автором формулируются выводы, направленные на совершенствование правовой регламентации статуса стажера и помощника адвоката в Украине.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью и имеет практическую значимость, поскольку является одной из первых работ, посвященных анализу правового положения стажера и помощника адвоката по законодательству Украины.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, стажер адвоката, помощник адвоката.

Kantyukova I.T. LEGAL STATUS OF THE ADVOCATE'S ASSISTANT AND ADVOCATE'S TRAINEE BY THE LEGISLATION OF THE UKRAINE

Purpose: Research of a legal status of advocate's assistant and advocate's trainee and on the legislation of the Ukraine.

Methodology: Formal-legal and comparative and legal methods were used.

Results: In article the place and a role of the advocate's assistant and advocate's trainee in system of rendering the qualified legal aid to citizens and the organizations in Ukraine are analyzed, the detailed analysis of a legal status of these persons, a functional purpose of its activity and other requirements imposed to them is carried out. By results of the conducted research by the author the conclusions directed on improvement of a legal regulation of the status of advocate's assistant and advocate's trainee in Ukraine are formulated.

Novelty/originality/value: Article possesses high scientific value and has the practical importance as is one of the first works devoted to the analysis of a legal status of advocate's assistant and advocate's trainee by the legislation of the Ukraine.

Keywords: legal profession, advocacy, advocate's assistant, advocate's trainee.

Институты помощника и стажера адвоката являются значимыми звеньями в структуре адвокатуры, поскольку эти лица не только содействуют адвокатской деятельности, но и представляют собой будущее поколение адвокатов. В связи с этим вопрос о правовом статусе этих лиц является важным с точки зрения теории и практики организации адвокатуры и осуществления адвокатской деятельности.

Важное значение в исследовании адвокатской деятельности на современном этапе имеет рассмотрение пути становления и развития адвокатуры в государствах бывшего СССР, в том числе Украине [1, 2, 6, 7].

В настоящей работе представляется необходимым углубленно рассмотреть правовую регламентацию институтов стажера и помощника адвоката по законодательству Украины и установить четкие различия между этими лицами.

Правовое положение стажера и помощника адвоката, прежде всего, нашло свою регламентацию в ст. 10 и 16 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (далее – Закон Украины), а также в Положении о помощнике адвоката, которое было утверждено решением № 123 от 1 июня 2013 г. (с изменениями и дополнениями) (далее – Положение о помощнике адвоката) и Положении об организации и порядке прохождения стажировки для получения лицом свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью № 81 от 16 февраля 2013 г. (с изменениями и дополнениями) (далее – Положение о стажере адвоката).

Анализ данных нормативных актов позволяет сформулировать ряд основных положений, характеризующих правовой статус стажера и помощника адвоката (см. таблицу N $^{\circ}$ 1).

Таблица № 1

Параметры сравнения	Помощник адвоката	Стажер адвоката
Требования к уровню образования	– полное высшее юридическое образование.	 действительное свидетельство о сдаче квалификационного экзамена.
Иные требования	 не имеет непогашенную или неснятую в установленном законом порядке судимость за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления, а также преступления средней тяжести, за которое назначено наказание в виде лишения свободы; не является недееспособным или ограниченно дееспособным; не лишен права на занятие адвокатской деятельностью, либо прошло более двух лет со дня принятия решения о прекращении права на занятие адвокатской деятельностью; не уволен с должности судьи, прокурора, следователя, нотариуса, с государственной службы или службы в органах местного самоуправления за нарушение присяги, совершение коррупционного правонарушения – в течение трех лет со дня такого освобождения (ч. 2 ст. 6 Закона Украины). 	
Функциональное назначение	 выполняет поручения адвоката по делам, находящимся в производстве адвоката, кроме относящихся к процессуальным полномочиям (права и обязанности) адвоката; осуществляет свою деятельность на всей территории Украины исключительно по письменному или устному поручению адвоката и за ее пределами, если это не противоречит законодательству иностранного государства; пользуется информационными базами данных, телекоммуникационными сетями и специальной литературой адвоката; вносит предложения по организации своей работы; по согласованию с адвокатом участвует в конференциях, семинарах, круглых столах, форумах, других научно-практических мероприятиях, проходит стажировку; участвует в совещаниях, собраниях трудового коплектива и других мероприятиях соответствующего адвокатского бюро, адвокатского объединения; повышает свой профессиональный уровень в системе подготовки и повышения квалификации адвоката (адвокатского бюро, объединения) письменного согласия, имеет право: участвовать в предварительной подготовке судебных дел к рассмотрению, по поручению адвоката готовить проекты запросов, писем, исковых заявлений, других материалов, связанных с рассмотрением конкретного дела, других процессуальных документов, по поручению адвоката получать ответы на адвокатские запросы, делать выписки из материалов адвокатокого досье, делать копии и выписки из документов, предоставленных в распоряжение адвоката клиентом; по поручению адвоката получать ответы на адвокатские запросы, делать выписки из материалов адвокатокого досье, делать копии и выписки из документов, предоставленных в распоряжение адвоката клиентом; присутствовать во время консультаций адвоката, во время проведения следственных действий и в судебных заседаниях; собирать документы и другие материалы, необходимые адвокату для выполнения принятых им поручений; выполнять поручения правового характера, вести по поручению и под контролем адвоката несложные судебные дела и предос	 действует под руководством адвоката – руководителя стажировки и в соответствии с поставленными задачами в рамках индивидуального плана прохождения стажировки. Основными задачами стажировки являются: изучение деонтологических основ адвокатской деятельности, методов организации работы адвокатских объединений, адвокатских бюро, особенностей деятельности адвоката, который осуществляет ее индивидуально; повышение уровня теоретических знаний и приобретение практических навыков, необходимых для осуществления адвокатской деятельности; углубление профессиональной специализации, накопление практического опыта для качественного предоставления правовой помощи.
Обязанности, предусмотренные законом Срок работы	 осуществлять деятельность на принципах верховенства права, законности, конфиденциальности и избежания конфликта интересов; не вправе заниматься адвокатской деятельностью; хранить адвокатскую тайну; не разглашать сведения, составляющие адвокатскую тайну, не использовать эти сведения в своих интересах или в интересах третьих лиц; не может быть допрошен по вопросам, составляющим адвокатскую тайну; своевременно и качественно выполнять поручения адвоката; соблюдать сроки подготовки документов и выполнения поручений; постоянно повышать свой профессиональный уровень и квалификацию; бережно относиться к имуществу адвоката (адвокатского бюро, адвокатского объединения); не допускать нарушений прав и свобод человека и гражданина; соблюдать нормы адвокатской этики; не совмещать работу в адвокатуре с деятельностью, несовместимой с деятельностью адвоката; распространяется действие Правил адвокатской этики в части, касающейся его деятельности. 	осуществлять деятельность под руководством адвоката по направлению совета адвокатов региона; хранить адвокатскую тайну. в течение шести месяцев (стажировка может осуществляться в свободное от основной работы стажера время); не менее 550 часов.
Социальное обеспечение	 на основании трудового договора (контракта), заключенного с адвокатом, адвокатским бюро, адвокатским объединением, с соблюдением требований Закона Украины «Об ад- вокатуре и адвокатской деятельности» и законодательства Украины о труде. 	

Таким образом, положения Закона Украины определяют следующие основные отличия стажера адвоката от помощника адвоката: требования к уровню образования; иные требования; срок работы в соответствующем качестве; функциональное назначение деятельности; обязанности, предусмотренные законом. Далее рассмотрим эти отличия более подробно, но прежде отметим, что анализ положений ст. 10 и 16 Закона Украины показывает, что прохождение стажировки не является обязательным этапом приема в адвокатуру, от прохождения стажировки могут быть освобождены лица, которые имеют стаж работы помощником адвоката не менее одного года за последние два года.

Необходимо отметить, что в Законе Украины и в Положении о помощнике адвоката содержится указание на функциональное назначение деятельности помощника адвоката, при этом в отношении стажера адвоката такого указания не имеется. Однако в п. 5.13 Положения о стажере адвоката указано, что во время прохождения стажировки стажер действует под руководством адвоката – руководителя стажировки и в соответствии с поставленными задачами в рамках индивидуального плана прохождения стажировки [4, 5].

1. Требования к уровню образования стажера и помощника адвоката в Украине

Согласно ст. 16 Закона Украины помощник адвоката должен обладать полным высшим юридическим образованием. Исходя из Положения о помощнике адвоката, это может быть полное высшее юридическое образование, полученное в Украине, а также высшее юридическое образование, полученное в иностранном государстве и признанное в Украине в установленном законом порядке.

Применительно к стажеру адвоката в Законе Украины и в Положении о стажере адвоката не указано каких-либо требований о наличии полного высшего юридического образования. В части 2 ст. 10 Закона Украины указано лишь, что стажером адвоката может быть лицо, которое на день начала стажировки имеет действительное свидетельство о сдаче квалификационного экзамена. Из этого следует, что лицо, намеренное стать стажером адвоката, обязано сдать квалификационный экзамен [3] и получить действительное свидетельство.

Наряду с этим в ст. 6 Закона Украины указано, что адвокатом может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое образование, владеющее государственным языком, имеющее стаж ра-

боты в отрасли права не менее двух лет, сдавшее квалификационный экзамен, прошедшее стажировку, давшее присягу адвоката Украины и получившее свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью. Согласно п. 2 ч. 3 ст. 6 Закона Украины стаж работы в области права означает стаж работы лица по специальности после получения им полного высшего юридического образования. Отсюда следует, что стажер адвоката обязательно должен иметь высшее юридическое образование, иначе ему не удастся сдать квалификационный экзамен.

В связи с этим полагаем, что украинскому законодателю необходимо устранить неточность, содержащуюся в ст. 10 Закона Украины, связанную с уровнем образования стажера адвоката.

2. Срок работы в качестве стажера и помощника адвоката

Анализ положений ст. 10 Закона Украины показывает, что срок работы в качестве стажера адвоката под руководством адвоката по направлению совета адвокатов региона составляет шесть месяцев. Результаты стажировки оцениваются советом адвокатов региона в течение тридцати дней со дня получения отчета, а по ее результатам совет адвокатов региона принимает решение о выдаче лицу свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью или о продолжении стажировки на срок от одного до трех месяцев. Решение о допуске лица к стажировке принимается после проверки всех документов и уплаты взноса на стажировку.

В п. 5.12 Положения о стажере адвоката указано, что руководитель стажировки обязан предоставить стажеру утвержденный советом адвокатов региона индивидуальный план стажировки с указанием конкретных мероприятий в рамках Программы стажировки. С согласия стажера в индивидуальный план могут быть внесены изменения и дополнения в рамках Программы стажировки, о чем сообщается в совет адвокатов региона.

Из п. 1.4 Положения о стажере адвоката следует, что стажировка может осуществляться в свободное от основной работы стажера время.

Согласно п. 12.1 Положения о стажере адвоката от прохождения стажировки освобождаются лица, которые на день обращения с заявлением о допуске к сдаче квалификационного экзамена имеют стаж работы помощника адвоката не менее одного года за последние два года.

Вместе с этим стоит отметить, в п. 12.2 Положения о стажере вопрос о выдаче свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью без прохождения стажировки лицу, которое про-

работало не менее года в течение последних двух помощником адвоката, решается на заседаниях совета адвокатов региона.

Вряд ли следует согласиться с украинским законодателем в части того, что стажировка может осуществляться в свободное от основной работы время стажера, так как представляется, что лишь при полноценной стажировке, не отвлекаясь на иную работу по совместительству, лицо может успешно овладеть профессиональными знаниями и навыками во всех направлениях адвокатской деятельности.

Исходя из положений действующего законодательства Украины, срок работы в качестве помощника адвоката не ограничен, помощник адвоката принимается на работу на основании трудового договора (контракта), заключенного с адвокатом, адвокатским бюро, адвокатским объединением, с соблюдением требований Закона и законодательства о труде.

Необходимо отметить, что, согласно ч. 4 ст. 16 Закона Украины, помощнику адвоката запрещается совмещать работу в адвокатуре с деятельностью, несовместимой с деятельностью адвоката.

Согласно п. 3.1 совет адвокатов региона вносит данные о помощнике адвоката в Единый реестр адвокатов Украины (ЕРАУ) и выдает помощнику удостоверение помощника адвоката в 30-дневный срок со дня поступления заявления о внесении данных о помощнике адвоката в ЕРАУ. В соответствии с п. 3.11 Положения лицо, не имеющее удостоверения помощника адвоката установленного образца, данные о котором не внесены в ЕРАУ, не имеет статуса помощника адвоката и, соответственно, прав исполнять связанные с этим статусом действия. До момента получения удостоверения помощника адвоката и внесения соответствующих данных в ЕРАУ лицо не является помощником адвоката. Однако Законом Украины вышеприведенная норма не предусмотрена. В связи с этим представляется, что украинскому законодателю следует устранить данный пробел и внести четкость в Закон Украины по этому вопросу.

3. Функциональное назначение деятельности помощника и стажера адвоката

Анализ положений ст. 10 и ст. 16 Закона Украины показывает значительное различие функциональных обязанностей помощника и стажера адвоката.

В силу п. 1.3.2 Положения о помощнике адвоката помощник адвоката осуществляет свою деятельность на всей территории Украины и за ее пределами, если это не противоречит законо-

дательству иностранного государства, исключительно по письменному или устному поручению адвоката.

- В п. 8 Положения о помощнике адвоката определено функциональное назначение помощника адвоката. В функциональные обязанности помощника адвоката входит:
- пользование информационными базами данных, телекоммуникационными сетями и специальной литературой адвоката;
- внесение предложений по организации своей работы;
- участие в конференциях, семинарах, круглых столах, форумах, других научно-практических мероприятиях;
- участие в совещаниях, собраниях трудового коллектива и других мероприятиях соответствующего адвокатского бюро, адвокатского объединения;
- повышение своего профессионального уровня в системе подготовки и повышения квалификации адвокатов.

Кроме того, согласно п. 8.2 Положения о помощниках адвоката, помощник адвоката (адвокатского бюро, объединения) при условии предоставления письменного согласия клиентом адвоката (адвокатского бюро, объединения) имеет право:

- участвовать в предварительной подготовке судебных дел к рассмотрению, по поручению адвоката готовить проекты запросов, писем, исковых заявлений, других материалов, связанных с рассмотрением конкретного дела, других процессуальных документов, используемых адвокатом;
- по поручению адвоката получать ответы на адвокатские запросы, делать выписки из материалов адвокатского досье, делать копии и выписки из документов, предоставленных в распоряжение адвоката клиентом;
- присутствовать во время консультаций адвоката, во время проведения следственных действий и в судебных заседаниях;
- собирать документы и другие материалы, необходимые адвокату для выполнения принятых им поручений;
- выполнять поручения правового характера, вести по поручению и под контролем адвоката несложные судебные дела и предоставлять консультации по вопросам законодательства;
- осуществлять другие действия, не запрещенные законодательством.

Вместе с этим, в ч. 2 ст. 16 Закона Украины указано, что помощник адвоката выполняет поручения адвоката по делам, находящимся в про-

изводстве адвоката, кроме относящихся к процессуальным полномочиям (права и обязанности) адвоката.

Функциональное назначение деятельности стажера адвоката состоит в прохождении проверки готовности лица, получившего свидетельство о сдаче квалификационного экзамена, самостоятельно осуществлять адвокатскую деятельность.

В п. 12.5 указано, что совет адвокатов региона на заседании рассматривает заявление и приложенные к нему документы и проводит собеседование с лицом, обратившимся с заявлением о выдаче свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью и освобождении от стажировки, с целью выяснения готовности лица осуществлять адвокатскую деятельность самостоятельно.

Согласно п. 1.5 Положения о стажере адвоката основными задачами стажировки являются:

- изучение деонтологических основ адвокатской деятельности, методов организации работы адвокатских объединений, адвокатских бюро, особенностей деятельности адвоката, который осуществляет ее индивидуально;
- повышение уровня теоретических знаний и приобретение практических навыков, необходимых для осуществления адвокатской деятельности;
- углубление профессиональной специализации, накопление практического опыта для качественного предоставления правовой помощи.

Отметим, что действия стажера адвоката подробно не прописаны ни в Законе Украины, ни в Положении о стажере адвоката. В п. 3.2 Положения о стажере адвоката лишь указаны обязанности адвоката, который является руководителем стажировки. Согласно этой норме адвокат – руководитель стажировки обязан:

- подавать в совет адвокатов биографическую справку;
- добросовестно относиться к обязанностям руководителя стажировки;
- организовывать своевременное и качественное проведение стажировки;
- организовывать необходимые условия для выполнения стажерами планов стажировки;
- предоставлять стажерам помощь в получении профессиональных знаний и практических навыков;
- предоставлять стажерам индивидуальный план прохождения стажировки;
- контролировать выполнение стажерами индивидуальных планов стажировки, оформлять необходимые материалы по итогам стажировки;

- предоставлять стажерам задачи в соответствии с планом стажировки и проводить текущую проверку их выполнения;
- осуществлять текущий контроль за соблюдением стажерами во время стажировки действующего законодательства и правил адвокатской этики:
- вести учет выполнения стажерами плана и Программы стажировки;
- составлять отчеты об оценке стажировки и предоставлять их в совет адвокатов;
- оформлять необходимые материалы по итогам стажировки для оценивания результатов стажировки и принятия соответствующих решений советом адвокатов;
 - относиться с уважением к стажерам.

Отметим, что действия, подробно описанные в Положении о помощнике адвоката, помогают ясно увидеть, в чем заключается функциональное назначение помощника, однако не совсем понятно функциональное назначение стажера, ясно только, что стажер получает свидетельство о сдаче квалификационного экзамена и самостоятельно осуществляет адвокатскую деятельность. В связи с этим представляется, что украинский законодатель должен внести четкость в законодательную регламентацию функционального назначения стажера адвоката. Положительным аспектом украинского законодательства следует считать более подробную регламентацию правового статуса стажера и помощника адвоката по сравнению, например, с регламентацией правового статуса стажера и помощника адвоката в России. В Положении о стажере адвоката права и обязанности адвоката – руководителя стажировки в российском законодательстве не прописаны, что является существенным пробелом, который необходимо устранить.

4. Обязанности стажера и помощника адвоката, предусмотренные законом

В п. 8.3 Положения о помощнике адвоката перечислены обязанности помощника. Помощник адвоката обязан:

- своевременно и качественно выполнять поручения адвоката;
- соблюдать сроки подготовки документов и выполнения поручений;
- постоянно повышать свой профессиональный уровень и квалификацию;
- бережно относиться к имуществу адвоката (адвокатского бюро, адвокатского объединения);
- не допускать нарушений прав и свобод человека и гражданина;
 - соблюдать нормы адвокатской этики;
 - хранить адвокатскую тайну.

 \succ 2 (15) 2015 \leftarrow

Кроме того, согласно п. 1.3.1 Положения о помощнике адвоката, деятельность помощника адвоката осуществляется на принципах верховенства права, законности, конфиденциальности и избежания конфликта интересов.

Представляется, что установление перечисленных выше обязанностей является вполне правильным и закономерным. Следует отметить, что в настоящее время в российском праве не предусмотрены некоторые обязанности помощника адвоката, например, такая как бережное отношение к имуществу адвоката (адвокатского бюро, адвокатского объединения), соблюдение сроков подготовки документов и выполнения поручений, постоянное повышение своего профессионального уровня и квалификации. Полагаем, что обязанности аналогичного плана необходимо установить и в Российской Федерации.

Исходя из п. 7 Положения о помощнике адвоката, помощник адвоката:

- обязан хранить адвокатскую тайну;
- не вправе разглашать сведения, составляющие адвокатскую тайну, использовать эти сведения в своих интересах или в интересах третьих лиц;
- не может быть допрошен по вопросам, составляющим адвокатскую тайну.

На помощника адвоката распространяется действие Правил адвокатской этики в части, касающейся его деятельности.

В п. 7.4 Положения о помощнике адвоката указано, что разглашение адвокатской тайны является дисциплинарным проступком, за который к помощнику адвоката применяется дисциплинарное взыскание в виде увольнения (данное дисциплинарное взыскание является другим дисциплинарным взысканием, может быть применено к помощникам адвоката, как того требует статья 147 Кодекса законов о труде Украины).

В соответствии с ч. 1 ст. 22 Закона Украины адвокатской тайной является любая информация, которая стала известна адвокату, помощнику адвоката, стажеру адвоката, лицу, находящемуся в трудовых отношениях с адвокатом, о клиенте, а также вопросы, по которым клиент (лицо, которому отказано в заключении договора о предоставлении правовой помощи на предусмотренных настоящим Законом основаниях) обращался к адвокату, в адвокатское бюро, адвокатское объединение, содержание советов, консультаций, разъяснений адвоката, составленные им документы, информация, хранящаяся на электронных носителях, и другие документы и сведения, полученные адвокатом при осуществлении адвокатской деятельности.

Отметим, что, согласно ч. 5 ст. 22 Закона Украины, лица, виновные в доступе посторонних лиц к адвокатской тайне или ее разглашении, несут ответственность согласно закону.

Таким образом, представляется, что украинский законодатель предусмотрел ответственность стажеров и помощников адвоката за разглашение сведений, составляющих предмет адвокатской тайны. К сожалению, в российском законодательстве отсутствуют подобные гарантии сохранения адвокатской тайны стажерами и помощниками адвоката.

5. Иные требования

В ч. 4 ст. 16 Закона Украины указано, что помощниками адвоката не могут лица, указанные в ч. 2 ст. 6 Закона Украины, а именно лица, которые:

- имеют непогашенную или неснятую в установленном законом порядке судимость за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления, а также преступления средней тяжести, за которое назначено наказание в виде лишения свободы;
- признаны судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- лишены права на занятие адвокатской деятельностью - в течение двух лет со дня принятия решения о прекращении права на занятие адвокатской деятельностью;
- уволены с должности судьи, прокурора, следователя, нотариуса, с государственной службы или службы в органах местного самоуправления за нарушение присяги, совершение коррупционного правонарушения - в течение трех лет со дня такого освобождения.

Эти же требования указаны и в п. 2.2 Положения о помощнике адвоката, однако они не предусмотрены для лиц, являющихся стажерами адвоката. В российском законодательстве подобное упущение отсутствует. Представляется, что украинскому законодателю следовало бы установить подобные требования и для стажеров адвоката.

Пристатейный библиографический список

- 1. Заборовский В.В. Некоторые проблемные аспекты оформления полномочий адвоката в гражданском процессе Украины // Евразийская адвокатура. - 2014. -№ 3 (10). – C. 47–52.
- 2. Заборовский В.В. Поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката по законодательству Украины // Евразийская адвокатуpa. – 2014. – № 6 (13). – C. 45–50.
- 3. Макушкина Е.Э. Некоторые проблемы профессиональной подготовки адвокатов и сдачи квалификационного экзамена в свете реформы рынка юридических услуг // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 5 (12). – C. 21–28.

- 4. Рагулин А.В., Шайхуллин М.С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5 (6). – C. 42-57.
- Рагулин А.В. Право адвоката-защитника требовать запрета на вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование ей каким бы то ни было образом: проблемы законодательной регламентации и практической реализации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47). – С. 136–143.
- 6. Рагулин А.В. Регламентация профессиональных прав адвоката-защитника и их обеспечения по законодательству Украинской Республики // Правовое государство: Теория и практика. – 2010. – № 22. – С. 94–98.
- 7. Скрябин А.Н. Этапы действий защитника при решении вопроса об избрании меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) в уголовном производстве Украины // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – C. 36-42.

References (transliterated)

1. Zaborovskij V.V. Nekotorye problemnye aspekty oformlenija polnomochij advokata v grazhdanskom processe Ukrainy // Evrazijskaja advokatura. – 2014. – № 3 (10). – S. 47–52.

- 2. Zaborovskij V.V. Povody dlja vozbuzhdenija disciplinarnogo proizvodstva v otnoshenii advokata po zakonodatel'stvu Ukrainy // Evrazijskaja advokatura. --2014. – № 6 (13). – S. 45–50.
- 3. Makushkina E.Je. Nekotorye problemy professional'noj podgotovki advokatov i sdachi kvalifikacionnogo jekzamena v svete reformy rynka juridicheskih uslug // Evrazijskaja advokatura. – 2014. – № 5 (12). – S. 21–28.
- 4. Ragulin A.V., Shajhullin M.S. Sovremennye problemy i tendencii professional'nogo razvitija advokata // Evrazijskaja advokatura. – 2013. – № 5 (6). – S. 42–57.
- 5. Ragulin A.V. Pravo advokata-zashhitnika trebovat' zapreta na vmeshateľstvo v advokatskuju dejateľnosť libo prepjatstvovanie ej kakim by to ni bylo obrazom: problemy zakonodateľnoj reglamentacii i prakticheskoj realizacii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2012. – № 4 (47). – S. 136-143.
- 6. Ragulin A.V. Reglamentacija professional'nyh prav advokata-zashhitnika i ih obespechenija po zakonodatel'stvu Ukrainskoj Respubliki // Pravovoe gosudarstvo: Teorija i praktika. – 2010. – № 22. – S. 94–98.
- 7. Skrjabin A.N. Jetapy dejstvij zashhitnika pri reshenii voprosa ob izbranii mery presechenija podozrevaemomu (obvinjaemomu) v ugolovnom proizvodstve Ukrainy // Evrazijskaja advokatura. – 2014. – № 4 (11). – S. 36–42.

Проект «НАЙДЕМ АДВОКАТА» - это:

- 1. Бесплатный независимый сервис по подбору узкоспециализированных юристов и адвокатов в течение одного дня;
- 2. Более 200 юристов и адвокатов от Калининграда до Владивостока;
- 3. Тщательный и жесткий отбор юристов и адвокатов для участия в проекте (обязательные требования: старше 25 лет, не менее 5 лет юридической практики и т.д.);
- 4. Подбор юристов и адвокатов под ваши индивидуальные предпочтения (пол, возраст, стаж работы, наличие адвокатского статуса, иные критерии);
- 5. Индивидуальный подход, юристы и адвокаты подбираются, исходя из отрасли права, которой регулируется конкретно ваша ситуация;
- 6. Более 1500 довольных клиентов, которым были найдены квалифицированные юристы и адвокаты, решившие их проблемы;
- 7. Бесплатные консультации юристов и адвокатов проекта в социальных сетях (http://vk.com/ topic-27691509 28238939);
- 8. Выгодно, так как адвокаты партнеры проекта оказывают максимум внимания клиентам проекта «Найдем Адвоката», поскольку заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве с проектом;
- 9. Новый вид услуг, мы не оставляем вас наедине с адвокатом, получаем обратную связь об оказанных
- 10. Классно! В случае необходимости подключаем наших партнеров-журналистов, если ваша ситуация требует освещения в СМИ;
- 11. Неплохой заработок! Порекомендуйте наш сервис своему другу и вы получите 5% от гонорара адвоката на свой счет.

Вам нужен адвокат?

Отправьте заявку на поиск адвоката на сайте http://naidem-advocata.ru/ или позвоните нам: +7 (495) 975-94-79, + 7 (926) 166-4000

Тарасов А.А. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Цель: Рассмотрение содержания процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Методология: Автором применялся историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье проанализированы ведущиеся в последние годы научные дискуссии об оптимизации процессуального статуса лица, подвергающегося уголовному преследованию. Подчеркивается условность употребления в законе любых терминов и необходимость приоритета содержательного, правозащитного смысла нормативных предписаний в сравнении с их формальным выражением.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Работа представляет высокую научную ценность, поскольку является попыткой комплексного переосмысления вопросов о содержании правового статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, право на защиту, права человека, презумпция невиновности, назначение уголовного судопроизводства, предъявление обвинения, уведомление о подозрении, привлечение в качестве обвиняемого.

Tarasov A.A. TO A QUESTION OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE PERSON CONCERNING WHICH CRIMINAL PROSECUTION IS CARRIED OUT

Purpose: Consideration of the contents of the procedural status of the person concerning which criminal prosecution is carried out.

Methodology: The author applied a historical and legal method, a comparative and legal method, a formal legal method.

Results: In article the scientific discussions which are conducted in recent years about optimization of the procedural status of the person which is exposed to criminal prosecution are analyzed. The convention of the use in the law of any terms and need of a priority of substantial, human rights sense of standard instructions in comparison with their formal expression is emphasized.

Novelty/originality/value: Work is of the high scientific value as is attempt of complex reconsideration of questions of the maintenance of legal status of the person concerning which criminal prosecution is carried out.

Keywords: suspect, accused, the right for protection, human rights, a presumption of innocence, purpose of criminal legal proceedings, brining a charge, the notice of suspicion, attraction as the accused.

В действующем российском уголовно-процессуальном законе процессуальные фигуры подозреваемого и обвиняемого строго разграничены, и их появление в уголовном деле фиксируется путём составления процессуальных документов, которые соответствуют определенным процессуальным действиям, прямо названным в УПК РФ. Часть этих действий универсальна для обеих форм предварительного расследования - предварительного следствия и дознания, как в общей, так и в сокращённой форме, часть характерна только для одной из этих форм. При любой форме предварительного расследования подозреваемый появляется в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица с указанием фамилии, имени и отчества этого лица в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). При любой форме предварительного расследования конкретное лицо может быть задержано по подозрению в совершении преступления с оформлением протокола задержания (п. 2 ч. 1 ст. 46 и ст. 91–92 УПК РФ) и приобрести статус подозреваемого. При этом уведомление о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 и ст. 223.1 УПК РФ) предусмотрено только для дознания, а применение меры пресечения до предъявления обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 46 и ст. 100 УПК РФ) фактически возможно только на предварительном следствии, поскольку собственно «предъявление обвинения» как отдельное от окончания расследования процессуальное действие предусмотрено только для предварительного следствия. Фигура обвиняемого возникает в досудебном производстве независимо от формы предварительного расследования в момент принятия одного из прямо названных в ч. 1 ст. 47 УПК РФ процессуальных решений,

названия которых, в свою очередь, дифференцированы в зависимости от формы расследования (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт либо обвинительное постановление). Законодательное разграничение процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого сочетается с теоретическим представлением о том, что подозреваемый – некая промежуточная, временная фигура в уголовном процессе, это тот, в отношении которого, хотя и есть какието сведения о совершении им преступления, но этих сведений недостаточно для предъявления обвинения. Такое представление считается классическим, никем в литературе не оспаривается. С принятием УПК РФ в 2001 году не оспаривается и то, что подозреваемый не может быть ограничен в праве на защиту, независимо от степени обоснованности подозрений по его поводу и от факта временности его пребывания в этом статусе.

Сомнения в литературе вызвало другое обстоятельство – есть ли необходимость сохранять в законе оба процессуальных статуса лица, подвергающегося уголовному преследованию. Б.Я. Гаврилов, один из наиболее известных специалистов в теории и практике реформы отечественного предварительного расследования, настойчиво предлагает отказаться от института предъявления обвинения на предварительном следствии, ставшего, по его мнению, «правовым анахронизмом» [2, с. 329–335; 3, с. 20–21]. Б.Я. Гаврилов выдвигает целую систему разноплановых аргументов: этого института с 2001 года нет на дознании, что не привело, по его мнению, к снижению качества расследования; в 2007 году на дознании введена и апробирована вполне адекватная замена – «уведомление о подозрении»; в пореформенном русском уголовном процессе института предъявления обвинения не было вплоть до 1887 года, и без него легко на практике обходились. В советские годы к отдельному процессуальному действию – предъявлению обвинения – были привязаны случаи более раннего участия защитника по некоторым уголовным делам, но в современных условиях такая необходимость отпала, поскольку адвокат с 4 марта 2013 года может быть приглашен для оказания квалифицированной юридической помощи уже на стадии возбуждения уголовного дела. В таких условиях, по мнению Б.Я. Гаврилова, предъявление обвинения утрачивает свой правозащитный смысл, но требует неоправданных затрат от следственного аппарата [2, c. 329, 330, 334; 3, c. 20].

Статья Б.Я. Гаврилова с колоритным названием «Институт предъявления обвинения: пра-

вовые реалии и мифы» по иронии судьбы была опубликована в том же сборнике 2010 года, что и статья Λ .В. Макарова и Ю.А. Портнова с не менее красноречивым названием «Подозреваемый в уголовном судопроизводстве - наследие прошлого или осознанная необходимость?» [7, с. 189–194]. В работе авторы столь же настойчиво и остроумно доказывают, что вовсе не обвиняемый, а подозреваемый, как минимум, - спорный, как максимум, – лишний участник российского уголовного процесса. Любопытно, что некоторые аргументы в пользу этого, противоположного, по сути, вывода совпадают с приведенными выше аргументами Б.Я. Гаврилова: при дознании подозреваемый – это тот же обвиняемый, а правомочия подозреваемого и обвиняемого по действующему УПК РФ идентичны [7, с. 189, 191–192]. Отдельного внимания заслуживает другой аргумент Λ .В. Макарова и Ю.А. Портнова, связанный с утилитарно-прагматическим удобством фигуры подозреваемого для органов расследования: к нему можно применять «принуждение при неуверенности» [7, с. 191]. Авторы, в частности, отмечают: «Водоразделом» подозреваемого и обвиняемого является, по нашему мнению, и система ведомственной отчетности, и сложившаяся традиция правоприменительной практики, требующая «соблюдения законности при расследовании дела», поэтому не допускающая его прекращения после предъявления обвинения и снисходительно относящаяся к задержанию подозреваемого с последующим его освобождением в связи с неподтвердившимися основаниями задержания» [7, с. 191–192]. Авторы не приводят эмпирических данных, подтверждающих эту мысль, но выявленная многими исследователями, в том числе и автором настоящей статьи, традиция предъявлять обвинение в последний момент, непосредственно перед окончанием предварительного следствия, позволяет считать, что они, скорее всего, правы. К сожалению, статистическими данными не подтверждается и авторская мысль о «снисходительном» отношении практики к необоснованным задержаниям, а её справедливость вызывает сомнения. Сам факт появления в уголовном деле фигуры подозреваемого при его задержании в случае последующего прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям порождает право этого лица на реабилитацию (п. 3 ч. 1 ст. 133 УПК РФ), чего правоохранительные органы всегда старались избежать.

Вопрос о том, как называть человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, может показаться сугубо лингвисти-

ческим, порожденным богатством русского языка, которое, разумеется, не могло не отразиться на законодательной терминологии. Мало в каких языках можно провести чёткую грань между «экспертом» и «специалистом», между «следствием», «расследованием» и «дознанием», а российский законодатель такие грани провёл, дав почву для многолетних дискуссий в уголовно-процессуальной науке о том, как отличить одно от другого. Применительно к участию лица, подвергающегося уголовному преследованию, полагаем, что ему самому и его близким безразлично, называют ли его подозреваемым или обвиняемым, однако при условии предоставления и обеспечения права на защиту во всех его составляющих. При объективно необоснованном подозрении или обвинении и то, и другое одинаково обидно, при объективно обоснованном возникает потребность в целенаправленной защите, которую государство обязано обеспечить, чтобы иметь основания называться правовым. Это с позиций обыденного сознания и здравого смысла. С точки зрения уголовно-процессуальной науки вопрос выглядит несколько сложнее, ибо приобретает вовсе не лингвистическое и не статистическое, а содержательное свойство. Есть ли необходимость в дубляже идентичных процессуальных фигур? Обеспечиваются ли принятые в современном мире стандарты справедливой судебной процедуры применительно к каждой из них? Какой из них отдать предпочтение, если законодателю пришлось бы делать выбор?

Прежде чем сформулировать собственное видение ответов на перечисленные вопросы, обратимся к ещё одной статье А.П. Кругликова, название которой созвучно двум приведенным ранее: «Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России?», опубликованной в 2014 году [5, с. 106-112]. Автор решительно утверждает, что обвиняемый в уголовном процессе России – это тот же подозреваемый, поскольку до вступления в законную силу обвинительного приговора суда он не может считаться обвиняемым в соответствии с принципом презумпции невиновности [5, с. 106–107]. В соответствии с этим А.П. Кругликов предлагает использовать в законе слово «подозреваемый» в отношении сегодняшних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, что, по его мнению, способствовало бы устранению из российского правосудия обвинительного уклона. Судья, как считает А.П. Кругликов, зная, что на скамье подсудимых сидит только ещё подозреваемый в совершении преступления, будет исходить из равной возможности как обвинения его, так и оправдания [5, с. 107, 109, 110].

Поскольку автор использует лингвистическую аргументацию, полагаем необходимым затронуть вопрос о корректности обращения к русским переводам иностранных законов и иноязычных международно-правовых документов в спорах по поводу русской юридической терминологии. Поиск сугубо русских слов «подозрение», «подозреваемый», «обвинение» и «обвиняемый» в англоязычных и франкоязычных оригиналах международно-правовых документов сам по себе представляется малопродуктивным занятием. Правы Λ .В. Макаров и Ю.А. Портнов, отмечающие трудность лингвистического разграничения между этими словами даже в родном русском языке [7, с. 192]. А.П. Кругликов, ссылаясь на изданный в Красноярске в переводе на русский язык учебник уголовно-процессуального права ФРГ Вернера Бойльке, пишет о разных степенях подозрения в совершении преступления в УПК ФРГ - предположение, начальное подозрение, достаточное подозрение и сильное подозрение. В контексте этих размышлений А.П. Кругликов называет участника процесса, в отношении которого имеются «достаточное» и «сильное» подозрения, не иначе как «обвиняемым» [5, с. 108]. Это и понятно: действующее лицо, субъект правоотношений должен быть в законе как-то назван.

В германском уголовно-процессуальном законе использовано четыре термина для обозначения лица, подвергающегося уголовному преследованию на разных этапах производства по делу: Verdächtiger, Beschuldigter, Angeschuldigter, Angeklagter. В этом перечне наименования участников процесса приведены по мере возрастания степени доказанности их причастности к преступлению и в соответствии с теми процессуальными решениями, которые в отношении них приняты. Verdächtiger – это лицо, в отношении которого имеется названное А.П. Кругликовым «предположение» о причастности к преступлению, но ещё не ведётся уголовное преследование, то есть официальная, урегулированная уголовно-процессуальным законом обвинительная деятельность. Именно поэтому в наименовании участника присутствует корень -dächt-, изначально происходящий от одной из форм глагола denken (dachte, gedacht – думать). Русское слово «подозреваемый» точно также изначально происходит от слова «зрить», то есть «видеть», «смотреть». Стало быть, немецкий Verdächtiger – это всего лишь «тот, на кого подумали», подобно тому, как русский подозреваемый - это тот, кого «узрили» в чём-то. Лингвистическая разница, как видим, невелика: предположительный характер первоначальных сведений о виновности в обоих случаях очевиден.

Разница начинается по мере накопления сведений о причастности к преступлению. Тому, что в процитированном учебнике В. Бойльке названо Anfangsverdacht (буквально - «начальное подозрение»), предшествует ещё и dringender Tatenverdacht (буквально – срочное подозрение в деянии (деле, действии)). Следует за ним также названное выше достаточное подозрение hinreihender Tatenverdacht (буквально) [4, с. 125]. Лицо, в отношении которого до суда ведется уголовное преследование - деятельность, направленная на собирание доказательств, достаточных для hinreihender Tatenverdacht, называется Beschuldigter; тот, в отношении кого прокурор выдвинул обвинение перед судом, до начала судебного заседания называется Angeschuldigter. Заметим, что в обоих этих наименованиях присутствует корень -schuld-, который имеет единственный пригодный для этого контекста перевод на русский язык – «вина» (второе значение – «долг», которое для уголовно-процессуальных текстов не характерно). В связи со сказанным все размышления о том, что в германском уголовном процессе до приговора суда существует лишь подозреваемый, лишены лингвистических и правовых оснований. Более того, лицо, в отношении которого суд уже открыл судебное заседание, именуется достаточно нейтральным словом Angeklagter, происходящим от слова «Anklage», которое переводится на русский язык как «уголовное преследование», «обвинение» и даже как «жалоба» или «иск». Вот здесь, как представляется, и заложено главное содержание правосудия - представ перед судом, человек является тем, в отношении кого лишь выдвинуто обвинение, то есть обращённая к суду просьба о признании правоты органов уголовного преследования, которая в равной степени может быть и удовлетворена, и отклонена. Названия вторичны по отношению к сути.

В англоязычном оригинале текста Европейской конвенции при обозначении в п. 3 ст. 6 минимального набора прав лица, «обвиняемого в совершении уголовного преступления», обусловленных международными стандартами прав человека и правосудия, используется словосочетание «charged with a criminal offence», что дословно именно это и означает. Однако в англоязычной правовой литературе для обозначения обвиняемого именно как «стороны в уголовном процессе» используются совсем другие слова — «ассиsed», «defendant», «indicted». Полагаем, что это даёт достаточные основания утверждать, что

в тексте Конвенции слово, которое мы привыкли переводить как «обвиняемый», означает вовсе не уголовно-процессуальный статус, привязанный к конкретным процессуальным действиям и к конкретным властным решениям, оформляемым какими-то конкретными документами. Речь в Конвенции идёт о физическом лице, в отношении которого государственные органы осуществляют уголовное преследование, то есть деятельность, направленную на уличение этого лица в совершении преступления. Как бы ни называлось это лицо в национальном законодательстве и независимо от того, был ли процессуальный статус такого лица хоть как-то документально оформлен, оно должно быть «незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения», «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты» и так далее, - всё перечисленное в п. 3 ст. 6 Конвенции и в других её статьях. В литературе отмечается, что в современном уголовно-процессуальном законе Франции лицо, подвергающееся уголовному преследованию, до осуждения именуется «лицом, привлеченным к рассмотрению» [5, с. 108]. По мнению Л.В. Головко, французский законодатель намеренно избегает употребления для его обозначения слов с корнем «вина», последовательно отстаивая принцип презумпции невиновности, а А.П. Кругликовым это расценивается как дополнительный аргумент для отказа от процессуальной фигуры обвиняемого в пользу подозреваемого в российском уголовном процессе [5, с. 108]. Считаем необходимым подчеркнуть в этом контексте условность всех употребляемых в законе терминов, конкретность вкладываемого в каждый из них смысла. Так, во франкоязычном оригинале Европейской конвенции лицо, подвергающееся уголовному преследованию, названо словом «accusé», которое на русский язык переводится и как «обвиняемый», и как «подсудимый» (ст. 268 УПК Франции во всех доступных русских переводах). Это слово созвучно английскому «accused», которое в английском праве традиционно используется для обозначения стороны в уголовном процессе, противостоящей обвинению. При всей кажущейся однозначности констатации факта «обвинения» в отношении этого участника процесса общий смысл Европейской конвенции и всех её отдельных положений не оставляет сомнений в её последовательной приверженности презумпции невиновности.

Использование в законе термина «лицо, привлеченное к рассмотрению», или других ему по-

добных едва ли можно считать удачным. Такой термин не позволит выделить среди всех «привлечённых к участию в уголовном деле» лиц ни стороны обвинения и защиты, ни свидетелей, ни экспертов, ни кого бы то ни было другого в силу абсолютной неопределенности характера участия конкретного субъекта правоотношений и его процессуальной роли. Между тем определенность эта необходима, как минимум, для предоставления и обеспечения возможности защищаться именно тому, кто в этой защите действительно нуждается.

При соблюдении сложившихся в мировой практике стандартов справедливого правосудия необходимость в дублировании процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого может отпасть. Однако думается, что единый статус лица, подвергающегося уголовному преследованию, может быть сформирован вовсе не путём законодательного выбора между имеющимися процессуальными фигурами подозреваемого и обвиняемого, а путём суммирования всех прав, присущих обоим статусам. Так, возможность как можно раньше обратиться за квалифицированной юридической помощью (в момент фактического задержания подозреваемого) и воспользоваться правом хранить молчание должна сочетаться с возможностью получить максимально полные объяснения представителя власти по поводу имеющихся у государства претензий к этому человеку (здесь мы сознательно избегаем обоих процессуальных терминов - «подозрение» и «обвинение»), а также об основаниях этих претензий. Оптимизация любых процессуальных институтов должна ориентироваться на правозащитное назначение уголовного судопроизводства. Тогда конкретные термины будут вторичны по отношению к правовому содержанию обозначаемых ими категорий.

В литературе иногда склонны отождествлять «предъявление обвинения» и «привлечение в качестве обвиняемого», что не вполне корректно само по себе и способно подменить предмет дискуссий. Так, например, неточным представляется уже упоминавшееся утверждение Б.Я. Гаврилова об отсутствии предъявления обвинения на дознании [2, с. 329; 3, с. 20]. Ознакомление обвиняемого и его защитника с обвинительным актом (обвинительным постановлением) и материалами уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 225 (ч. 4 ст. 226.7) УПК РФ – это тоже предъявление обвинения, хотя и с известными ограничениями права на защиту, характерными для дознания в целом.

Традиционно предъявление обвинения рассматривается как часть института предварительного следствия (только одна из форм предварительного расследования) под названием «привлечение в качестве обвиняемого». Привлечение в качестве обвиняемого – это комплекс процессуальных действий, состоящий из вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 и ст. 171 УПК РФ), предъявления этого постановления конкретному лицу, приобретшему статус обвиняемого с момента вынесения постановления (ч. 1–5 ст. 172 и ст. 47 УПК $P\Phi$), и разъяснения этому лицу его прав, именно как прав обвиняемого, с вручением копии постановления (ч. 8 ст. 172 УПК РФ).

Очевидно, что все действия, образующие институт привлечения в качестве обвиняемого, производятся гораздо позднее, чем начинается собственно уголовное преследование как процессуальная деятельность, направленная на изобличение конкретного человека в совершении преступления. Однако официальный статус у этого лица иной - либо подозреваемый, либо свидетель, либо вообще никто в конкретном уголовном деле. В литературе момент возникновения права на защиту у лица, подвергающегося уголовному преследованию, привязывают не столько к процессуальному статусу этого лица и даже не столько к каким-то конкретным процессуальным действиям, которые в отношении него производятся, а прежде всего к моменту распространения на него обвинительного тезиса от имени государства, в чём бы этот тезис ни выражался формально [1, с. 62]. Основания для такого подхода дала целая серия решений Конституционного Суда России, самое известное из которых - это Постановление по жалобе Маслова от 27 июня 2000 года № 11-П. После существенной корректировки в марте 2013 года положений ст. 144 УПК РФ о способах проверки сообщения о преступлении вопрос о моменте возникновения права на защиту ещё до появления статуса подозреваемого перестал быть дискуссионным [3, с. 20].

Содержательная сторона предъявления обвинения определяется, на наш взгляд, вовсе не названием соответствующих процессуальных действий и документов, а тем значением, которое имеет институт предъявления обвинения в системе уголовно-процессуального регулирования. В литературе это значение традиционно и наиболее подробно определяется применительно к привлечению в качестве обвиняемого на предварительном следствии в связи с обеспечением права лица, подвергающегося уголовному преследованию, на защиту от него. Привлечение в качестве обвиняемого решает три основные задачи: 1) вводит в процесс нового участника – обвиняемого с новым комплексом прав, объём которых превосходит объем прав любого другого участника процесса, не наделённого властью; 2) определяет предмет и объём обвинения, давая возможность активно и целенаправленно защищаться от него уже в досудебном производстве; 3) определяет пределы будущего судебного разбирательства по этому уголовному делу, если оно будет направлено в суд (ст. 252 УПК РФ). В литературе справедливо именно к этому моменту привязаны и новые возможности в применении процессуального принуждения к новому участнику, и новые обязанности следователя по обеспечению его прав [10, с. 312].

Ранее, согласно УПК РСФСР, с моментом привлечения в качестве обвиняемого было принято связывать возможность вступления в дело профессионального защитника по отдельным категориям уголовных дел (о преступлениях несовершеннолетних или лиц, которые в силу физических недостатков не могут самостоятельно защищаться, и другие случаи, прямо указанные в ст. 49 УПК РСФСР, в которых по действующему закону участие защитника признано обязательным, независимо от желания самого обвиняемого). Однако в настоящее время этот аспект процессуального значения названного института утратил свою актуальность в связи со смещением возможности пригласить адвоката на существенно более ранний этап – с момента осуществления любых процессуальных действий с участием лица, которое впоследствии может приобрести статус подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 144 УПК РФ в ред. Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ). Б.Я. Гаврилов, отмечая это, называет его «лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» [3, с. 20]. Думается, что такая формулировка несколько сужает смысл сказанного в законе. Сообщение о совершённом или готовящемся преступлении не всегда содержит информацию о лице, которое, по мнению заявителя, совершило или готовит преступление, а право пользоваться помощью адвоката должно быть предоставлено любому, кто привлекается к проверке.

В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод институт привлечения в качестве обвиняемого по понятным причинам не обозначен. С точки зрения международных стандартов прав человека, «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления» (цитата из ст. 6 Конвенции) – это любое лицо, подвергающееся уголовному преследованию, и оно может называться в национальном законодательстве как

угодно, и какими угодно могут быть процедурные формы придания ему процессуального статуса. Важно, чтобы это лицо было наделено тем минимумом прав, которые обозначены в п. 3 ст. 6 Конвенции, и чтобы эти права были реально обеспечены.

В соответствии с международными стандартами действие, которое условно обозначается как «предъявление обвинения» (в соответствии с подпунктом «а» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции), может в российском законодательстве с равными основаниями быть распространено и на «уведомление о подозрении», и на традиционное привлечение в качестве обвиняемого (которое в советские годы осуществлялось и на дознании по делам, по которым предварительное следствие не проводилось), и на вручение копий итоговых обвинительных документов (обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления). Главное, чтобы и то, и другое, и третье обеспечивало право «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения» и «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты» (соответственно подпункты «а» и «b» пункта 3 ст. 6 Европейской конвенции). Отсутствие самостоятельного института привлечения в качестве обвиняемого на дознании (как в общем порядке, так и в сокращенном) с вынесением именно такого постановления не означает отсутствия института предъявления обвинения как такового.

О том, в какой степени каждый из вариантов отечественного «предъявления обвинения» отвечает этому содержательному международноправовому требованию, имеет смысл говорить отдельно для каждого из них. Если постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится одновременно с окончанием предварительного следствия, что на практике встречается не так уж редко, то роль института привлечения в качестве обвиняемого в обеспечении возможности целенаправленно защищаться сводится к минимуму, сравнимому с тем, что обеспечивается при ознакомлении с материалами законченного следственного производства. И напротив, своевременно врученное и достаточно подробное «уведомление о подозрении» на дознании способно обеспечить целенаправленную защиту и полноценное участие стороны защиты в собирании доказательств ещё на предварительном расследовании. Ни действующая нормативная регламентация названных действий, ни реальная практика их производства не позволяет отдать предпочтение никакому из них с точки зрения соответствия международным стандартам прав человека, хотя теоретически классический вариант «привлечения в качестве обвиняемого» выглядит как наиболее надёжная форма обеспечения права на защиту.

Четкое разграничение институтов привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения позволяет более точно обозначить процессуальный документ, которым определяются пределы судебного разбирательства, привязанные законодателем к «предъявленному обвинению» (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). По поводу точности этой формулировки закона в литературе высказаны критические суждения в связи с тем, что однозначно она может быть отнесена только к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, которое, заметим, присуще только предварительному следствию и по закону предъявляется обвиняемому до окончания предварительного следствия. Возможность распространить эту формулировку на обвинение, содержащееся в итоговом процессуальном документе предварительного расследования, направленном в суд, вызывает сомнения у авторов, считающих, что этот вариант обвинения в привычных формах обвиняемому может и не предъявляться [9, с. 571].

Б.Я. Гаврилов, ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П, в котором указано, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)», настаивает на исключении из УПК РФ института предъявления обвинения, но указывает в скобках статьи, регулирующие привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии, – со ст. 171 по ст. 175 УПК РФ [3, с. 20]. Такое отождествление представляется некорректным по рассмотренным ранее причинам: на дознании, при котором нет привлечения в качестве обвиняемого, регулируемого указанными статьями, «предъявленное обвинение» есть, оно выражено в обвинительном акте или обвинительном постановлении, с которыми знакомится обвиняемый перед направлением дела в суд.

На смешении двух несовпадающих институтов – привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения – основано, как представляется, и противоположное суждение, которое выглядит излишне категоричным. В.А. Лазарева, В.В. Иванов и А.К. Утарбаев считают предложение Б.Я. Гаврилова «упразднить институт привлечения лица в качестве обвиняемого»

неприемлемым [6, с. 111]. Заметим, что эти авторы ссылаются здесь на упоминавшуюся ранее статью Б.Я. Гаврилова «Институт предъявления обвинения – правовые реалии и мифы», в которой он называет «правовым анахронизмом» именно предъявление обвинения, а не привлечение в качестве обвиняемого.

Смысл этих, на первый взгляд, сугубо лингвистических упражнений состоит в следующем. Своевременное, подробное предъявление обвинения на языке, понятном лицу, подвергаемому уголовному преследованию, - это признанный международным сообществом и прямо закрепленный в ст. 6 Европейской конвенции стандарт обращения государства с человеком, в отношении которого осуществляется уголовное преследование в любых его процессуальных формах, предусмотренных национальным законодательством. Это сущностная, содержательная часть взаимоотношений человека и преследующего его государства. В свою очередь, привлечение в качестве обвиняемого – сугубо национальный российский процессуальный институт, используемый даже в самой России не в каждом случае осуществления уголовного преследования. Это формальная, процедурная оболочка предъявления обвинения, без которой, в принципе, можно обойтись, если фундаментальные права человека будут обеспечены. Заметим, что предусмотренное в ст. 171 УПК РФ постановление о привлечении в качестве обвиняемого не содержит перечня доказательств, на которых основано обвинение. В этом смысле оно уступает всем итоговым процессуальным документам (обвинительному заключению, обвинительному акту, обвинительному постановлению) с точки зрения права обвиняемого «быть подробно уведомленным об основании предъявленного ему обвинения», как того требует Европейская конвенция (п. 3«а» ст. 6). Это же сближает постановление о привлечении в качестве обвиняемого с уведомлением о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ), в котором доказательства для подозрения тоже не указываются. На принципиальном сходстве институтов подозрения и обвинения основано употребление в новой, введенной в УПК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 36-ФЗ, статье 25.1 неизвестного ранее термина «привлечение в качестве подозреваемого», законность и обоснованность которого должен проверять суд при рассмотрении жалобы на действия органов уголовного преследования.

Возьмём на себя смелость утверждать, что озабоченность лингвистической стороной дела – это, судя по всему, сугубо российская черта. В.А. Се-

менцов, например, верно подчёркивая необходимость особой осторожности при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, ссылается на утверждение Т.Н. Москальковой, критикующей саму возможность такого возбуждения уголовного дела, поскольку эта возможность, по мнению автора, не согласуется с принципом уважения чести и достоинства личности. Т.Н. Москалькова в 1992 году, то есть в самом начале судебной реформы, предлагала установить в уголовно-процессуальном законе правило о возбуждении уголовного дела только «по факту» преступления [8, с. 280]. Принятый в декабре 2001 года УПК РФ по этому пути не пошёл, привязав возникновение статуса подозреваемого к факту возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Впоследствии Пленум Верховного Суда РФ специально указал в п. 2 постановления от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» на право обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица и отнёс это процессуальное решение к числу тех, которые «способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства». Сегодня правильность такого подхода уже ни у кого не вызывает сомнений, однако известно, что так было не всегда. В историческом постановлении Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР решение органов расследования о возбуждении уголовного дела вообще не было отнесено к числу тех, что могут быть обжалованы в суд, без оговорок относительно оснований возбуждения дела. Тогда именно по этому вопросу было три особых мнения судей А.Л. Кононова, Н.В. Витрука и Т.Г. Морщаковой. Предметом разногласий как раз и был вопрос о том, ограничивает ли чьи-либо конституционные права сам факт возбуждения уголовного дела.

В контексте рассуждений о процессуальном статусе лица, подвергающегося уголовному преследованию, приведённые сведения имеют несколько иное значение: с точки зрения международных стандартов справедливой процедуры судебного разбирательства, предпочтителен возможно более ранний этап «подробного уведомления» конкретного человека о том, какие претензии к нему имеет государство в лице правоохранительных органов. Полагаем, что своевременно приобретенная возможность защищаться от конкретного обвинения (здесь условно используется термин из Европейской конвенции вне

связи с терминологией УПК РФ) весомее любых переживаний, которые человек может испытывать от того, что его называют подозреваемым или ещё как-то.

Для иллюстрации приведём пример из личной адвокатской практики автора. Врач анестезиолог-реаниматолог М. в 2005 году обратился к автору за юридической помощью в связи с возбуждением уголовного дела «по факту смерти» пациента в лечебном учреждении, в котором работал М. Пациент был доставлен в медико-санитарную часть машиной «скорой помощи» с тремя проникающими ножевыми ранениями в область грудной клетки, каждое из которых было несовместимо с жизнью. Больного срочно прооперировали и провели реанимационные процедуры, в результате которых он пришёл в себя на непродолжительное время, но вскоре после этого от внезапно открывшегося внутреннего кровотечения скончался от механической асфиксии вследствие перекрытия верхних дыхательных путей кровью. Уголовное дело было возбуждено «по факту» при отсутствии у следователя сомнений в том, что смерть могла наступить в результате медицинских манипуляций конкретных врачей, участвовавших в проведении операции и последующих реанимационных процедурах. Именно поэтому по возбужденному уголовному делу сразу же была назначена судебно-медицинская экспертиза профессиональной медицинской деятельности с целью выяснения того, чьи именно действия могли привести к смерти пациента. Думается, нет необходимости объяснять, какое значение для защиты М., как и любого из его коллег, имело участие в назначении и производстве этой экспертизы, тем более что М. имел не только 20-летний врачебный опыт, но ещё и опыт судебно-медицинского эксперта по уголовным делам. Первоначально в ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, не говоря уже о предусмотренном в ст. 198 УПК РФ присутствии при её производстве, М. и его защитнику было категорически отказано ввиду отсутствия у М. статуса подозреваемого, а значит и прав, предусмотренных для этого статуса в ст. 46 и в главе 27 УПК РФ. По этому делу стоило немалого труда доказать со ссылками на постановления Конституционного Суда РФ наличие у М. фактического статуса подозреваемого. В результате ходатайство защитника о допуске к назначению и производству экспертизы было удовлетворено. Грамотные и подробные объяснения М., которые он дал экспертам в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, существенно повлияли на выводы экспертов и на

то, что М. не был привлечён в качестве обвиняемого по рассмотренному делу. В судебном разбирательстве М. участвовал в качестве свидетеля, а повторная экспертиза, назначенная судом, впоследствии дала основания для прекращения уголовного преследования в отношении всех врачей, поскольку смерть пациента, изначально обречённого на неё от имевшихся у него ножевых ранений, не находилась в причинной связи с действиями врачей, пытавшихся этого пациента спасти. Есть все основания утверждать, что М. на момент начала производства по описанному уголовному делу было решительно всё равно, как его называли - подозреваемым, обвиняемым, «заподозренным» или ещё как-то. Но для него было принципиально важно участвовать в назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы, которая имела решающее значение для судьбы как самого врача М., так и его товарищей.

Сущностный международно-правовой смысл «предъявления обвинения» и «обеспечения права на защиту» должен превалировать над формально-документальным их выражением и в части нормативной регламентации, и в части практической реализации. Если каждый человек, в отношении которого осуществляется властная правоприменительная деятельность, гарантирован от злоупотреблений конкретных должностных лиц, не рискует оказаться в самой критической ситуации без квалифицированной юридической помощи или без знания языка, на котором ведётся расследование, если он гарантирован от уголовной ответственности в случае своей невиновности и имеет реальную возможность доказать свою невиновность, то становится абсолютно не важно, как называется его процессуальный статус и какими документами оформляется его участие в уголовном деле. К сущностным характеристикам «предъявления обвинения» в их международноправовом понимании относятся: 1) момент возникновения такой обязанности у государства; 2) степень конкретизации имеющегося в отношении данного лица обвинительного тезиса на момент возникновения такой обязанности; 3) степень доказанности оснований обвинительного тезиса на момент его предъявления и объём информации об этих основаниях, которую государственный орган обязан предоставить лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, в момент ознакомления с обвинительным тезисом. В этом, сущностном, смысле «обвинение» (как обвинительный тезис) может предъявляться по одному делу неоднократно, с разной степенью конкретизации и обоснованности.

Пристатейный библиографический список

- 1. Ведерников А.Н. Актуальные проблемы участия защитника на стадии предварительного расследования в период начала современной судебно-правовой реформы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008.
- 2. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5.
- 3. Гаврилов Б.Я. Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в XXI веке // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции. г. Уфа, 17–18 апреля 2014 г. / Под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2014.
- 4. Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». – Потсдам: Universitätsverlag Potsdam, 2012.
- 5. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. N 2014. N
- 6. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: Учеб. пособ. для магистров. М.: Юрайт, 2011.
- 7. Макаров Л.В., Портнов Ю.А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве наследие прошлого или осознанная необходимость? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5.
- 8. Семенцов В.А. Обеспечение права на защиту лицу, в отношении которого возбуждается уголовное дело // Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение–Юг, 2013.
- 9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007.
- 10. Шейфер С.А. Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения // Уголовный процесс: Учебник / Коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2015.

References (transliterated)

- 1. Vedernikov A.N. Aktual'nye problemy uchastija zashhitnika na stadii predvaritel'nogo rassledovanija v period nachala sovremennoj sudebno-pravovoj reformy. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2008.
- 2. Gavrilov B.Ja. Institut pred#javlenija obvinenija: pravovye realii i mify // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. trudov / Pod red. prof. V.A. Lazarevoj. Samara: Samarskij universitet, 2010. Vyp. 5.
- 3. Gavrilov B.Ja. Perspektivy sovershenstvovanija ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v XXI veke //

Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. g. Ufa, 17–18 aprelja 2014 g. / Pod obshh. red. F.B. Muhametshina. – Ufa: UJuI MVD RF, 2014.

- 4. Golovenkov P., Spica N. Ugolovno-processual'nyj kodeks Federativnoj Respubliki Germanija Strafprozessordnung (StPO): Nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona so vstupitel'noj stat'joj professora Uve Hell'manna «Vvedenie v ugolovno-processual'noe pravo FRG». Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012.
- 5. Kruglikov A.P. Obvinjaemyj: nuzhen li takoj uchastnik v ugolovnom processe sovremennoj Rossii? // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. − 2014. − № 11/2 (122).
- 6. Lazareva V.A., Ivanov V.V., Utarbaev A.K. Zashhita prav lichnosti v ugolovnom processe Rossii: Ucheb. posob. dlja magistrov. M.: Jurajt, 2011.

- 7. Makarov L.V., Portnov Ju.A. Podozrevaemyj v ugolovnom sudoproizvodstve nasledie proshlogo ili osoznannaja neobhodimosť? // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. trudov / Pod red. prof. V.A. Lazarevoj. Samara: Samarskij universitet, 2010. Vyp. 5.
- 8. Semencov V.A. Obespechenie prava na zashhitu licu, v otnoshenii kotorogo vozbuzhdaetsja ugolovnoe delo // Semencov V.A. Izbrannye stat'i po ugolovnomu processu. Krasnodar: Prosveshhenie–Jug, 2013.
- 9. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii / Otv. red. Ju.K. Jakimovich. SPb.: Izdatel'stvo R.Arslanova «Juridicheskij centr Press», 2007.
- 10. Shejfer S.A. Privlechenie v kachestve obvinjaemogo. Pred#javlenie obvinenija // Ugolovnyj process: Uchebnik / Kollektiv avtorov; pod red. V.A. Lazarevoj. M.: Justicija, 2015.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

- правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);
- уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);
- гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:

Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402. Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88. Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55 Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Иванова С.А. ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ ИДЕЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ (НАЧАЛО)

Цель: Рассмотрение феномена развития идей о справедливости в России.

Методология: Автором применялись историко-правовой и философско-правовой метод.

Результаты: Справедливость, выступая сложным феноменом или полем взаимодействия экономики, права, политики и морали, отражает всю сложность общественно-экономических связей и отношений людей и в широком плане является социально-философской категорией. Концепции В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева противостоят гедонистическим и утилитаристским перспективам справедливости и свободы личности, поскольку справедливость в их трактовке представляет собой как результат, так и средство внутренней свободы. Сочетание социально-политического реализма и философского идеализма в творчестве этих философов представило оригинальный вариант разрешения важнейшей проблемы теории справедливости – соотношения универсального и индивидуального, плюралистического.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Работа представляет высокую научную ценность, поскольку является попыткой комплексного переосмысления вопросов о развитии идей о справедливости в России.

Ключевые слова: справедливость, этика, нравственность, разумность, добросовестность, принцип гражданского права, теория социальной справедливости, средний класс, гражданское право, закон.

Ivanova S.A. PHENOMENON OF DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT JUSTICE IN RUSSIA (BEGINNING)

Purpose: Consideration of a phenomenon of development of ideas about justice in Russia.

Methodology: The author applied a historical and legal and philosophical and legal method.

Results: Justice, acting as a difficult phenomenon or we weed interactions of economy, the right, policy and morals, reflects all complexity of socioeconomic communications and the relations of people and in the wide plan is social and philosophical category. V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov and N. A. Berdyaev's concepts resist to hedonistic and utilitarian prospects of justice and a personal freedom as justice in their treatment represents both result, and means of internal freedom. The combination of socio-political realism and philosophical idealism in works of these philosophers presented original option of permission of the major problem of the theory of justice – a ratio universal and individual, pluralistic.

Novelty/originality/value: Work is of the high scientific value as is attempt of complex reconsideration of questions of development of ideas about justice in Russia.

Keywords: justice, ethics, moral, rationality, integrity, principle of civil law, theory of social justice, middle class, civil law, law.

Русской философской мысли свойствен своеобразный подход к пониманию справедливости, который ярко характеризует связь последней с понятиями правды, истины, а также их производными, такими как праведная жизнь, справедливый человек, справедливое общество, истинная свобода, вера, любовь. Эту связь выделяли многие русские философы, среди которых Н.К. Михайловский, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.С. Соловьев и др. Такое понимание было связано с присущим русским философам общим стремлением к целостному познанию действительности человеком, к полному воспроизведению богатого духовного и морального опыта людей, включающего не только сознательно-чувственный опыт, но и опыт совести, эстетическое чувство, религиозно-мистическую интуицию [10].

Оригинальные идеи и концепции справедливости были разработаны в русской социальной науке дореволюционного периода. Если в западной науке прошлого века обращение к вопросу о справедливости характерно в рамках политической экономии, философии и этики, то российская общественная мысль XIX - начала XX в. использует понятие справедливости в разрешении гносеологических проблем. Священник В. Зеньковский, автор «Истории русской философии» (а вслед за ним философ Н.О. Лосский) отмечал, что в развитии русской философии этика играет особенно важную роль, а «русские мыслители... даже занимаясь областями философии, далекими от этики, как правило, не упускали из поля зрения связь между предметами их исследований и этическими проблемами» [19, с. 471]. Концепт правды-справедливости – важная составляющая

идеала цельного познания. Иными словами, познания как органического всеобъемлющего единства, занимающего значительное место в русской религиозной философии, начиная с И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и В.С. Соловьева. Цельная истина раскрывается только цельной личности, способной собрать воедино логическое мышление, чувство, эстетический смысл, совесть, любовь [19, с. 25; 25]. Родство истины и справедливости воспринималось как коренное отличие российского мироощущения от западного, в котором, как отметил в ХІ в. митрополит Илларион, «закон» там, где у нас «благодать» [30]. Иначе говоря, внутренняя справедливость берет перевес над внешней формальностью [5].

Разработка теории о мире как едином целом, которая опиралась бы на все многообразие опыта, – главная задача, которую ставили перед собой российские религиозные философы. Попытка связать знание и веру, стремление к пониманию истинного бытия мира без нарушения его целостности приводит к появлению в российском философском дискурсе такого понятия, как «правда». Правда и истина несут в себе различные виды знания, и их соотношение может быть представлено как соотношение нормативного знания (или сущего) и дескриптивного знания (должного). Иначе говоря, «правда несет модель действия, а истина – модель имеющего место положения дел» [28]. По мнению С.Л. Франка, правда «одновременно означает и «истину», и «моральное и естественное право», играя чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли - от народного мышления до творческого гения» [27]. Русский дух всегда искал ту истину, которая объяснит и осветит жизнь, станет основой справедливой, «подлинной» жизни. «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения», - писал Н.А. Бердяев [2].

Как отмечает М.В. Черников, большое влияние на судьбу русской культуры оказало восприятие христианской концептуальной парадигмы, в которой проблемы поиска правды и поиска истины оказываются по сути одинаковыми: «Установление истины – это познание истинного Бога, но одновременно это есть и принятие заповедей Божьих – то есть обретение правды» [28, с. 55]. Данная парадигма проявляется как в религиозной философии, так и в философии активных участников политического процесса. Сакральная секуляризация Руси привела к поиску правды в научной истине: оппозиционные самодержавию политические и общественные движения берут

на вооружение новоевропейскую просветительскую парадигму с ее культом науки, философии и разума [6, с. 85-86]. «Народное счастье должно быть построено на прочном фундаменте научной истины» [6, с. 60]. Октябрьская революция, по мнению Н.А. Бердяева, есть «вызов и напоминание христианам о не осуществленной ими правде» [1]. Правда-справедливость представляет собой ценностное явление, которое выражает определенное соответствие сущего должному, т. е. правды и истины. Это соответствие основывается на адекватном восприятии общего и особенного опыта социально-культурной и, прежде всего, надиндивидуальной, субъективно-духовной жизни общества, учете его ведущих тенденций [23]. Тема справедливости была одной из ключевых в разработке теории общественного прогресса у таких видных представителей субъективистского направления, как П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков.

Например, П.Л. Лавров доказывал возможность выработки научного нравственного идеала, истинность которого будет осознаваться все большим и большим числом людей. Одновременно с этим, по его мнению, будет вырабатываться научное понимание прогресса, а история - превращаться в науку [11, с. 32]. Сущность прогресса П.Л. Лавров определял следующим образом: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости» [16]. Справедливость представляет собой правность всех людей на все средства физического, умственного и нравственного развития». Воплощение справедливости на основе научных данных – главное направление прогресса [8]. Необходимые первоначальные условия прогресса – развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях. Это предполагает особый уровень экономического и социального развития [17].

Условия, при которых в общественных формах начинают воплощаться истина и справедливость, по мнению П.Л. Лаврова, малоразвиты. Прогресс тормозится самой властью, которая воплощает и охраняет интересы господствующего меньшинства. Усвоенные привычки и освященные временем предания, по мнению П.Л. Лаврова, ставят своего рода табу на обсуждении значимых политических и экономических вопросов, что также препятствует прогрессивному развитию общества. Прогресс выводится исследователем за рамки исключительно политической свободы и равенства. Прогресс человечества, по его

словам, заключается также во внесении в общественную жизнь права как правды. Однако это задача не государственная, потому что государство «есть в своей сущности господство, оно есть неравенство» [17, с. 254]. П.Л. Лавров выступал против уравнительных требований перераспределения и равенства имуществ и не отрицал возможности развития капитализма в России, однако приветствовал развитие социализма. По его убеждению, социализм как царство всеобщего труда и всеобщего равенства неизбежно наступит в результате социальной революции, совершаемой народом под руководством революционной партии [18].

Понятие «правда-справедливость» имело особое значение в творчестве Н.К. Михайловского: «...правда... всегда составляла цель моих исканий» [21, с. 5]. В слове «правда», по его выражению, как бы сливаются в одно великое целое истина и справедливость. Правда-истина есть правда объективная, «правда теоретического неба»; это субъективная правда, «правда практической земли»: «Вопросы о свободе воли и необходимости, о пределах нашего знания, органическая теория общества, приложения теории Дарвина к общественным вопросам, вопрос об интересах и мнениях народа, вопросы философии истории, этики, эстетики, экономики, политики, литературы в разное время занимали меня исключительно с точки зрения двуединой правды» [21, с. 141, 142].

Выработка такой точки зрения, с которой «правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя, есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму», – писал Н.К. Михайловский [21, с. 5]. В своей работе «Что такое прогресс?» он подверг резкой критике объективизм в нравственных и политических науках. Категории чистой красоты, чистой справедливости, чистой истины, по его мнению, являются слишком отвлеченными для рассмотрения такого сложного явления, как человек в обществе [22, с. 152]. Понятие справедливости Н.К. Михайловский использует в двух значениях - как субъективную правду и как справедливость воздающую (в праве и морали), отвергая при этом беспристрастную, безусловную справедливость, которая основывается, по его представлению, на закрепощении эмпирических фактов, возведении в принцип данного порядка вещей. Справедливость, закрепленная в праве, осуждает лишь нарушение данного порядка. Чистая справедливость исключает всестороннюю оценку фактов, игнорируя особенность чувств, стремлений и мнений отдельного человека [22, с. 141–152]. Воздающая справедливость должна соотноситься с двуединой правдой. Исходя из этого, Н.К. Михайловский подверг сомнению известное утверждение И. Канта: «...если общество должно завтра распасться... то сегодня последний преступник должен быть казнен во имя и во славу абсолютной справедливости» [21, с. 5].

Но если нет общества, возможна ли справедливость? Н.К. Михайловский замечает в современном ему обществе тенденцию к разрушению двуединства Правды. Это стремление «просачивается во все сферы мысли» и обволакивает современного человека со всех сторон. Идеал общественного устройства у Н.К. Михайловского есть, по сути, приближение к двуединой правде – правде одновременно субъективной и объективной; гармония общественного и личного. По его мнению, прогресс есть «постепенное приближение к целостности неделимых и возможно полному и всестороннему разделению труда между людьми. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» [22, с. 152].

Согласно концепции С.Н. Южакова, который является продолжателем традиции П.Л. Лаврова и Н.А. Михайловского в вопросах о происхождении и значении нравственности в общественной жизни, степень развития нравственности является критерием степени развития общества [19]. Нравственный прогресс, по мнению С.Н. Южакова, заключается в «приспособлении (установлении соответствия) деятельности личностей к общественному состоянию... и выражается это в установлении совершеннейших идеалов общественности и совершеннейшего соответствия между идеалами эпохи и чувствами личностей» [29, с. 148, 149]. Конечной целью своих стремлений нравственность имеет изгнание борьбы за существование из общества. По представлениям С.Н. Южакова, справедливость невозможно рассматривать отдельно от области нравственности. Справедливость представляет собой направление, идеал прогресса - ограничение борьбы за существование [29, с. 153]. Несправедливым, по мнению С.Н. Южакова, является все, что нарушает достоинство, заслугу другой личности, а справедливым – удовлетворение права каждого. «Согласить прогресс справедливости с борьбою за существование, - писал С.Н. Южаков, - возможно не иначе, как только предположив такое общественное состояние, где гибель личности никогда не может быть полезна другой личности» [29, с. 154].

Плодотворный анализ проблемы применимости категории справедливости при исследова-

нии социальных явлений, а также критика прогрессистского подхода субъективистской школы представлены в творчестве Б.А. Кистяковского. Суждение о каком-либо явлении с использованием категории справедливости, по его представлению, так же неотъемлемо для сознания, как и суждение с использованием категории необходимости в естественно-причинной связи [12, с. 140]. Различие в том, что категория справедливости применима только в суждениях о социальном мире [7].

Стремление к справедливости, по словам Б.А. Кистяковского, присуще человеку везде и всегда. Благодаря этому социальный процесс представляет собой постепенное осуществление идей справедливости. С точки зрения исследователя, предписания справедливости не эволюционируют, они могут быть только в данный момент открыты, сформулированы и применены, не изменяя своему глобальному содержанию. Для Б.А. Кистяковского справедливость представляется не фактором, а результатом социального развития [13, с. 145, 146]. В данном вопросе он расходится с субъективистами, для которых идея справедливости - «сама двигатель или причина социального развития». В качестве гносеологического базиса концепции Н.А. Михайловского, как отмечает Б.А. Кистяковский, зачастую выступает «нравственное долженствование», категории возможности и невозможности [14, с. 357]. Русские социологи, по его словам, признавая желательность и нежелательность, возможность и невозможность высшими критериями в понимании социальных явлений, не замечают за этим социальный релятивизм, при котором «все высшие блага человеческой жизни рассматриваются только как результаты общественных отношений» [14, c. 392, 393].

Справедливость, в отличие от необходимости, не является категорией познания; это категория оценки. Участие справедливости в социальном развитии объясняется тем, что наступление конкретного явления всегда является «результатом пересечения многих причинно-обусловленных рядов» и поэтому не может быть безусловно необходимым. Безусловную уверенность в осуществлении того или иного шага общественного развития сообщает, по идее Б.А. Кистяковского, только нравственное чутье и вера в то, что «стремление к наиболее справедливому социальному строю присуще всякому и общеобязательно для всякого» [13, с. 147, 148]. Экономический материализм, по его мнению, также основан на подобной вере. Итак, конечная стадия всякого социального

процесса, по представлению Б.А. Кистяковского, «является всегда одинаково результатом как естественного хода необходимо обусловленных явлений, так и присущего людям стремления к осуществлению справедливости» [13, с. 148].

Основателем и самым крупным представителем философии всеединства, оказавшей огромное влияние на российскую общественную науку XIX – начала XX в., в особенности на таких ее представителей, как Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков, выступал В.С. Соловьев. «Цельность знания», по его воззрению, - это особое состояние сознания, результат эмпирического, рационального и мистического познания. Истина представляет собой абсолютную ценность и принадлежит всеединству, абсолютному началу: «истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека... называется любовью. Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности» [26]. Стремление человека к цельности бытия проходит через воплощение Добра, которое «все собою обусловливает и через все осуществляется» и содержит в себе всю полноту бытия. Служение Добру – нравственный смысл жизни человека.

Достижение общественной справедливости – искоренение экономического рабства и эксплуатации человека человеком, установление справедливой организации труда и распределения, по мнению В.С. Соловьева, неразрывно связано с воплощением добра и любви. Справедливость есть форма любви и может быть достигнута только при свободном единении общества. Степень же подчинения человека обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру. В.С. Соловьев писал, что общество представляет собой дополненную или расширенную личность, а личность - сжатое или сосредоточенное общество [25], и связывал задачу индивидуального совершенства с процессом всемирного единения (только общество, по его мнению, может стать полным осуществлением нравственности) [9].

В.С. Соловьев выступал за единение политики и нравственности. Общественный строй, о воплощении которого писал философ, – свободная теократия, базирующаяся на союзе государства и церкви, или единстве двух сил – духовной и временной. Христианство при теократии должно выступать за достижение как личной святости, так и общественной справедливости [9, с. 127, 128]. Государство, с нравственной точки зрения, есть организованная жалость или солидарность, которая представляет собой один из первичных атрибутов

человеческой природы, приближающих к божественному [20].

В области международных отношений Россия должна стремиться к утверждению «вселенского братства» и справедливости, где все народы и нации являются равными, одни не возвышаются над другими, Россия всегда остается с ними и для них. По мнению В.С. Соловьева, достигнутый в процессе исторического развития нравственный прогресс «уже сам по себе обусловливает претворение в жизнь человеческим обществом идеалов абсолютного добра» [19]. В.С. Соловьев защищал идею признания за каждым человеком собственного, ему принадлежащего значения - право на существование и наибольшее благополучие. Эту идею, взятую в своей всеобщности, он обобщил в качестве правды и справедливости: «...правда, что и другие существа однородны и подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним как к себе» [24, с. 55]. Определяя свое отношение к проблеме равенства, В.С. Соловьев рассуждал: «Нравственное начало в форме справедливости требует не материального, или качественного равенства всех субъектов, единичных и собирательных, а лишь того, чтобы при необходимых и желательных различиях сохранилось нечто безусловное и единое для всех – значение каждого как самоцели, то есть как того, что не может быть сделано средством для чужих целей» [24, с. 55, 56].

С.Н. Булгаков выразил особое понимание справедливости, претерпевшее влияние как В.С. Соловьева, так и К. Маркса. Само требование справедливости представляет собой, по мысли С.Н. Булгакова, примененную в качестве критерия социальной политики заповедь любви к ближнему своему. Справедливость осуществляется как признание за каждой личностью сферы ее исключительного права и господства [4, с. 298, 299].

С.Н. Булгаков одним из первых в российской науке высказал мнение о том, что спор о справедливости и правильном понимании ее требований есть спор о социальных идеалах: «Таково содержание социального идеала: заповедь любви равняется справедливости, равняется признанию за каждой личностью равного и абсолютного достоинства, равняется требованию наибольшей полноты прав и свободы личности» [4, с. 306, 307]. За обоснованием этого идеала находятся религиозно-этические учения о природе человеческой души и вытекающих отсюда обязанностях человека к человеку: «Идеал равенства... соответствует верховной идее справедливости лишь как требование возможного равенства условий

для развития личности в целях свободного ее самоопределения, нравственной автономии» [4, с. 303]. «Механическое равенство» представляет собой, по мнению С.Н. Булгакова, величайшее неравенство. С.Н. Булгаков оправдывал классовую борьбу, поскольку ее требования совпадают с требованиями справедливости. Однако идеал равенства и свободы не может целиком воплотиться в условиях эмпирического бытия, поскольку является отрицанием этих условий; «правильной политикой должна быть признана... такая, которая делает одинаковое внимание как интересам социального, так и экономического прогресса» [4, с. 316, 317]. Положительное свойство марксизма, по мнению С.Н. Булгакова, состоит в том, что он стремится согласовать интересы экономического прогресса с требованиями справедливости [6].

Соотношение равенства и свободы, возможность построения справедливого общества – ключевые темы многих работ известного русского мыслителя Н.А. Бердяева, в творчестве которого прослеживается противопоставление правды формальной и истинной. Идея справедливости связывается в его работах со стремлением построить совершенное общество на принципах гармоничного сочетания равенства и свободы. Он опровергает возможности различных политических направлений – социализма, демократии, либерализма и анархизма в осуществлении этого идеала [15]. Либеральное и демократическое начала, по утверждению Н.А. Бердяева, оказываются оторванными от онтологической основы. При демократии человек принимается за математическую точку. «Демократическое равенство, – пишет Н.А. Бердяев, - есть потеря способности различать качества духовной жизни» [3, с. 160]. Правда и истина здесь независимы от человеческого произволения, так же формальны, как и при либерализме. Демократическое общество, или человековластие, «не знает своих границ и посягает на свободу и права человека» [3, с. 171].

Философский либерализм, по мнению Н.А. Бердяева, «склонен отрицать реальные общности и целости, онтологическую реальность государства, нации, церкви и признавать общество лишь взаимодействием личностей» [3, с. 152]. Право есть «принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу», «защита человеческой природы ее свободного избрания» [3, с. 188]. Социалистическая свобода есть необходимость, свобода принудительная. Согласование свободы и равенства есть, по убеждению Н.А. Бердяева, неосуществимая рационалистическая утопия. Причина этого коренится в несо-

вместимости свободы и равенства: «Свобода есть, прежде всего, право на неравенство. Равенство есть, прежде всего, посягательство на свободу» [3, с. 148]. Свобода связана с качественным содержанием жизни, равенство же направлено против качественного содержания жизни.

Неравенству Н.А. Бердяев придавал огромное значение: «...неравенство есть условие развития культуры и должно быть оправдано во имя свободы творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств. Вся евангельская проповедь Христа даже предполагает существование собственности и социального неравенства...» [3, с. 195]. «Противоречие между свободой и равенством, между правами личности и правами общества, - размышлял Н.А. Бердяев, – непреодолимо и неразрешимо в порядке естественном и рациональном, оно преодолимо и разрешимо лишь в порядке благодатном, в жизни Церкви» [3, с. 149]. Философское осмысление революции составляет важную часть размышлений Н.А. Бердяева о свободе и неравенстве. Идея революционного переустройства общества соединила, по его представлению, традиционный русский мессианизм с мессианизмом марксистского учения, осуществление «царства правды» со строительством коммунизма. «Святость» была и остается русским идеалом – правда истинная, а не формальная, «все или ничего» [2]. Философ писал: «В самом восстании против основ социального строя во имя справедливости есть религиозная ложь, порождающая злые чувства. Нам не дано знать, почему один богат, а другой беден, и почему каждому выпадают на долю те или иные испытания. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить несправедливость Промысла» [3, с. 193]. Н.А. Бердяев противопоставляет революции иную альтернативу развития: в сфере политики необходим социальный реформизм, согласованный как с исторической преемственностью и традициями, так и с неотъемлемыми правами и свободами.

Право на частную собственность коренится в духовной свободе человека. Созидание внутренней свободы человека, условием которой является восстановление его связи со строем божественной гармонии, – главная задача, которая, по мнению философа, встала перед современным человечеством. Только расцвет культуры, основанный на новом религиозном сознании – реформированного православия, – способен помочь в осуществлении социальных идеалов. Не борьба за «отвлеченную справедливость», а реальное осуществление духовной жизни и творческий инстинкт должны,

по его мнению, руководить людьми в социальном строительстве.

Концепции В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева противостоят гедонистическим и утилитаристским перспективам справедливости и свободы личности, поскольку справедливость в их трактовке представляет собой как результат, так и средство внутренней свободы. Сочетание социально-политического реализма и философского идеализма в творчестве этих философов представило оригинальный вариант разрешения важнейшей проблемы теории справедливости соотношения универсального и индивидуального, плюралистического. Эти философы, а также представители субъективистской школы отказывали государству в возможности осуществления справедливости, отрицали возможность воплощения справедливости в реальной жизни, оценивая, тем не менее, огромное значение идеи справедливости в развитии общества [9].

Пристатейный библиографический список

- 1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 108.
 - 2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 83.
 - 3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1992.
- 4. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: Сборник статей. СПб., 1903.
- 5. Грудцына Λ .Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право. 2014. № 3(55)–4(56).
- 6. Грудцына Λ .Ю. Проблемы классификации институтов гражданского общества в Российской Федерации // Международный академический журнал РАЕН. 2014. \mathbb{N}^{0} 3.
- 7. Грудцына Λ .Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2014. № 1(53)–2(54).
- 8. Грудцына Λ .Ю. Средний класс и гражданское общество: экономико-правовой аспект // Образование и право. 2015. № 1–2 (65–66). С. 121–122.
- 9. Иванова С.А. Договор об образовании: понятие, содержание, правовое регулирование // Образование и право. 2014. N 9(61)–10(62).
- 10. Иванова С.А. Инновационные процессы в современном российском образовании // Образование и право. 2013. \mathbb{N}_2 5(45)–6(46).
- 11. Казаков А.П. Теория прогресса в русской социологии XIX века. Λ ., 1969. С. 32.
- 12. Кистяковский Б. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений // Жизнь. 1900. N 9.
- 13. Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости. М., 1903.
- 14. Кистяковский Б.А. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социальноэтических проблем // Проблемы идеализма. М., 1903.

- 15. Коровяковский Д.Г. Правовые основы, способы и методы обеспечения экономической безопасности банковской деятельности в современных условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 3. С. 43–52.
- 16. Лавров П.Л. Философия и социология // Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 54.
- 17. Лагуткин А.В. Великая иллюзия демократии. М.: Юркомпани, 2014.
- 18. Лагуткин А.В., Трубников В.И., Грудцына Л.Ю. Гражданское общество в современной России. М.: Юркомпани, 2013.
- 19. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
- 20. Матвеева М.А., Шагиева Р.В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. 2014. № 12. С. 5–13.
- 21. Михайловский Н.К. Предисловие к третьему изданию // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1906.
- 22. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1906.
- 23. Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестник Московского университета. Философия. 1996. N 1. C. 28.
 - 24. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988.
- 25. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч.: В 2 т. М., 1988. С. 127.
- 26. Соловьев В.С. Смысл любви // Чтения о богочеловечестве: Статьи. СПб., 1994. С. 311.
- 27. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 490.
- 28. Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. \mathbb{N}^0 5.
- 29. Южаков С.Н. Социологические этюды. СПб., 1891.
- 30. Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 122.

References (transliterated)

- 1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990. S. 108.
 - 2. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M., 1990. S. 83.
 - 3. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M., 1992.
- 4. Bulgakov S.N. Ot maksizma k idealizmu: Sbornik statei. SPb., 1903.
- 5. Grudtsina L.Yu. Instituty grazhdanskogo obschestva v sisteme chastnopravovyh i publichno-pravovyh otnosheniy // Obrazovanie i pravo. 2014. № 3(55)–4(56).
- 6. Grudtsyna L.Yu. Problemy klassifikatsii institutov grazhdanskogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii // Mezhdunarodnyj akademicheskiy zhurnal RAEN. 2014. Nole 3.
- 7. Grudtsina L.Yu. Soderzhanie i klassifikatsiya institutov grazhdanskogo obschestva v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2014. N_2 1(53)–2(54).

- 8. Grudtsina L.Yu. Sredniy klass i grazhdanskoe obschestvo: ekonomiko-pravovoy aspect // Obrazovanie i pravo. 2015. № 1–2 (65–66). S. 121–122.
- 9. Ivanova S.A. Dogovor ob obrazovanii: ponyatie, soderzhanie, pravovoe regulirovanie // Obrazovanie i pravo. 2014. N \circ 9(61)–10(62).
- 10. Ivanova S.A. Innovatsionnye protsessy v sovremennom rossiyskom obrazovanii // Obrazovanie i pravo. 2013. N_2 5(45)–6(46).
- 11. Kazakov A.P. Teoriya progressa v russkoy sotsiologii XIX veka. L., 1969. S. 32.
- 12. Kistyakovskiy B. Kategorii neobhodimosti i spravedlivosti pri issledovanii sotsial'nyh yavleniy // Zhizn'. 1900. N $_{2}$ 9.
- 13. Kistyakovskiy B.A. Kategorii neobhodimosti i spravedlivosti. M., 1903.
- 14. Kistyakovskiy B.A. Russkaya sotsiologicheskaya shkola i kategoriya vozmozhnosti pri reshenii sotsial'noeticheskih problem // Problemy idealizma. M., 1903.
- 15. Korovyakovskiy D.G. Pravovye osnovy, sposoby i metody obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti bankovskoy deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah // Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. − 2009. − № 3. − S. 43–52.
- 16. Lavrov P.L. Filosofiya i sotsiologiya // Izbr. proizv.: V 2 t. T. 2. M., 1992. S. 54.
- 17. Lagutkin A.V. Velikaya illyuziya demokratii. M.: Yurkompani, 2014.
- 18. Lagutkin A.V., Trubnikov V.I., Grudtsina L.Yu. Grazhdanskoe obschestvo v sovremennoy Rossii. M.: Yurkompani, 2013.
 - 19. Losskiy N.O. Istoriya russkoy filosofii. M., 1991.
- 20. Matveeva M.A., Shagieva R.V. Pravovoe regulirovanie i pravotvorchestvo v pravovoy sisteme obschestva: teoretiko-metodologicheskie osnovy sootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 12. S. 5–13.
- 21. Mihaylovskiy N.K. Predislovie k treťemu izdaniyu // Poln. sobr. soch. 4-e izd. T. 1. SPb., 1906.
- 22. Mihaylovskiy N.K. Chto takoe progress? // Poln. sobr. soch. 4-e izd. T. 1. SPb., 1906.
- 23. Rachkov P.A. Pravda-spravedlivost' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya. − 1996. − № 1. − S. 28.
 - 24. Solov'ev B. S. Soch.: V 2 t. M.: Mysl', 1988.
- 25. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra // Soch.: V 2 t. M., 1988. S. 127.
- 26. Solov'ev V.S. Smysl lyubvi // Chteniya o bogochelovechestve: Stat'i. SPb., 1994. S. 311.
- 27. Frank S.L. Duhovnye osnovy obschestva. M., 1992. S. 490.
- 28. Chernikov M.V. Kontsepty pravda i istina v russkoy kul'ture: problema korrelyatsii // Polis. 1999. № 5.
- 29. Yuzhakov S.N. Sotsiologicheskie etyudy. SPb., 1891.
- 30. Yanov A.L. Rossiya protiv Rossii. Ocherki istorii russkogo natsionalizma. 1825–1921. Novosibirsk, 1999. S. 122.

Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю. СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФЛУКТУАЦИИ

Цель: Рассмотрение философско-правовых проблем развития гражданского общества.

Методология: Авторами применялись формально-юридический метод и философско-правовой метод.

Результаты: В статье предпринята попытка определить место и роль информации в сложном правовом механизме формирования и развития институтов гражданского общества с учетом применения к данной проблеме кибернетического подхода. Двойственная социально-правовая природа феномена гражданского общества в России состоит в том, что, с одной стороны, оно не вырастает «снизу», а формируется «сверху», по воле государства, имеющего возможность управлять развитием гражданского общества с помощью информации, воспринимаемой его институтами; с другой стороны, гражданское общество представляет собой сложную открытую социальную систему, развитие которой качественно зависит от развития составляющих ее элементов.

Новизна/оригинальность/ценность: Работа обладает высокой научной ценностью, поскольку представляет собой попытку определения места и роли информации в механизме формирования и развития институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, информация, социальная система, кибернетика, управление, государство, флуктуация, права человека, социальная среда, самоорганизация, идеология, энергия, безопасность.

Lagutkin A.V., Grudtsyna L.Yu. SYSTEM DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND FLUCTUATION

Purpose: Consideration of philosophical and legal problems of development of civil society.

Methodology: Authors applied a formal legal method and a philosophical legal method.

Results: In article an attempt to define a place and a role of information in a difficult legal mechanism of formation and development of institutes of civil society taking into account application to this problem of cybernetic approach is made. The dual social and legal nature of a phenomenon of civil society in Russia consists that, on the one hand, it doesn't grow «from below», and is formed «from above», at will of the state having opportunity to operate development of civil society by means of information perceived by its institutes; on the other hand, civil society represents difficult open social system which development qualitatively depends on development of the elements making it.

Novelty/originality/value: Work possesses the high scientific value as represents attempt of definition of a place and role of information in the mechanism of formation and development of institutes of civil society.

Keywords: civil society, information, social system, cybernetics, management, state, fluctuation, human rights, social environment, self-organization, ideology, energy, safety.

Известно, что информация – это инструмент двойного назначения. От того, в чьих руках он находится и насколько квалифицированно используется, зависит равновесное и гармоничное развитие государства и общества. Использование информации – это и есть глобальная проблема современного управления. Без информации не осуществляется управление. Особым видом информации является социальная, которая характеризуется смыслом, ценностью и другими свойствами. Основным компонентом любой социальной системы всегда выступает человек как социальное существо. Как верно писал В.Г. Афанасьев, «человек есть последний, в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества. В то же время, будучи компонентом любой социальной системы, воплощением ее сущности, человек есть лишь часть социальной системы. Только будучи включенным в определенную общественную систему, индивид обретает свою социальную сущность» [4].

Таким образом, и человек в отдельности, и сама система в целом развиваются, обретая новые качества, благодаря воспринимаемой и передаваемой друг другу информации. Чем развитие конкретного человека в его взаимодействии (передаче информации) с другими людьми (элементами системы) будет интенсивнее, тем быстрее будет совершенствоваться сама система. Здесь возникает, по меньшей мере, три сценария развития ситуации:

1) тотальный контроль государства за поступлением информации. По сути, говорить о гражданском обществе не приходится, поскольку огосударствляется негосударственная сфера жизни граждан. Наиболее ярким недавним истори-

ческим примером того, как с помощью информации можно управлять народными массами (понятие «общество», имеющее сложную самоорганизованную динамическую структуру, здесь неприменимо), является СССР, в котором зачатки предгражданского общества существовали не благодаря, а вопреки существующей системе (например, «самиздат», правозащитные организации и т. п.), в целом же практически все сферы жизни советского человека были подконтрольны государству. Не секрет, что советское общество держалось на советской жесткой идеологии, были воспитаны поколения людей, для которых понятие «советский человек» было особым знаком отличия от остального мира, само это понятие и воспитанная с детства принадлежность к советскому народу создавала определенный психологический «код», с помощью которого государство осуществляло управление на уровне выработки поведенческих программ коллективов людей. Партийная идеология направляла гуманитарные научные исследования в нужное, политически ориентированное русло;

2) индифферентное государство. Государство не просто устраняется от контроля за гражданским обществом, но и не помогает его институтам формироваться и расти (отсутствует государственная поддержка, благоприятный режим законодательства, налогообложения и т. п.). Это стремление к идеалу правового демократического государства: чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

Самоорганизация граждан и наличие неконтролируемых государством сфер так называемой «гражданской активности» (повторим, что в этом случае государство делает определенные волевые усилия по самоограничению собственной власти во имя полноценного развития всей системы) является важным симптомом благополучного развития всей системы, сравнимым с наличием иммунитета в организме. Иными словами, чем больше возможностей свободы информационного обмена предоставляет государство как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство - общество), управляемому объекту (гражданскому обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск «заболевания» всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Как верно отмечал С.М. Петров, именно государство в данном случае может являться как рычагом, так и тормозом всего процесса. А инструментом данного процесса является, конечно, информация;

3) смешанный вариант, при котором государство может «вбрасывать» в гражданское общество нужную себе информацию, но намеренно не контролирует все, предоставляя социальной системе гражданского общества возможности для саморазвития с использованием собственной информации и ее обработки. Сегодня в России также действует машина государственной пропаганды, однако, во-первых, не в прежних масштабах, вовторых, вместо разрушенной советской идеологии до сих пор не построена новая. Это важный момент, поскольку именно государственная идеология является наиболее удобным и функциональным инструментом конструирования и «донесения» в нужных формах до общества нужной информации. Информационные потоки формируют и направляют наше сознание, социум наполнен информацией, которую он уже не в силах оперативно систематизировать и переваривать. А социальная информация всегда связана с психологическими факторами восприятия. По мнению Е.К. Войшвилло, количество информации, содержащейся в суждении по отношению к некоторой проблеме, определяется тем, насколько доказательство или допущение истинности этого суждения уменьшает энтропию, дезорганизованность системы [5, с. 12].

Образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации [16]. Как пишет Г. Клаус, «мы хотим не только понимать общественные системы, но и владеть ими. Владеть, однако, не значит знать все причинные связи системы. При известных обстоятельствах достаточно уже знать закономерности ее поведения» [7]. Возьмем эту мысль на вооружение.

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между частями. К этому нужно добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения [17]. По мере возрастания целостности увеличивается и отно-

сительная независимость социального организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие социальному организму параметры [3]. Люди находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно (с помощью передаваемой и получаемой информации) привязывают их друг к другу. Эта информационная сеть может быть обозначена как фигурация – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей. Поскольку люди — сначала от природы, а затем и через обучение, воспитание, социализацию, социально пробуждаемые потребности – зависят друг от друга, постольку они всегда выступают во множественном числе, или, если можно так выразиться, существуют как «плюральности». Они всегда предстают в тех или иных фигурациях (сообществах).

Флуктуа́ция (от лат. fluctuatio – колебание) – термин, характеризующий любое колебание или любое периодическое изменение. Если представить, что члены гражданского общества (например, отдельные индивиды), будучи взаимодействующими друг с другом частями сложной социальной системы, одновременно являются приемниками и передатчиками информации, то в определенный момент и при определенных обстоятельствах полученная информация может вызвать у приемно-передающего устройства (индивида, который получает информацию, анализирует ее и передает другим индивидам) непредсказуемую реакцию. «Эффект домино» может вызвать непредсказуемые колебания части системы и даже изменить ее структуру.

На междисциплинарном уровне еще не выработана единая концепция возможности вычисления времени и места возникновения подобных флуктуаций. Наука пока оставляет открытым вопрос, возможно ли в принципе такое вычисление (формула)? Ведь «постоянно имеет место диалектическое сочетание адаптивного и активного начал, уравновешивания организма со средой и нарушения достигнутого уровня ради выхода на другой, более высокий уровень развития» [13].

Что именно представляет собой гражданское общество? Это «сообщество независимых субъектов (граждан) внутри государства, вырабатывающих моральные и материальные ценности в интересах самого сообщества и государства, ...наряду с обострением взаимоотношений между обществом и государством обе стороны совершают шаги навстречу друг другу» [10]. Это отнюдь не

то, что формально выходит за пределы государственных структур. Если, скажем, наблюдается огосударствление общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю - власти как «неизбежной необходимости» существования гражданского общества), формируя в ней псевдообщественные институты. Примером таких институтов может служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строился и функционировал государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти (с помощью «вбрасывания» в общество определенной информации), осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным. В современной России это можно наблюдать на примере нынешней партии власти - «Единой России», основу которой составляет все та же номенклатура, но теперь уже нового типа.

Возвращаясь к системе гражданского общества, отметим, что, во-первых, неизбежность флуктуаций, помимо других причин, заставляет государство стремиться к наблюдению за институтами гражданского общества, чтобы успеть предотвратить выход части системы из-под контроля и сохранить власть. Наиболее серьезными флуктуациями могут быть революция, переворот, гражданская война и т. п. Во-вторых, интенсивности развития системы гражданского общества способствует ускорение передачи и приема информации внутри социальной системы, связи усложняются, объем информации увеличивается. Это мировая тенденция, связанная с глобализацией, и остановить объемы передаваемой информации уже практически невозможно. С ускорением этих процессов, на наш взгляд, прямо пропорционально растет риск случайных отклонений в системе гражданского общества. Связано это с тем, что чем больше информации, тем больше запас знаний у конкретного приемника информации (с условием, что приемник принимает и анализирует информацию, делая выводы). А чем более интеллектуальным становится приемник информации, тем он больше стремится не просто к анализу, но и к обобщению информации, стремясь передавать другим индивидам (частям системы) качественную информацию об окружающей их среде и о системе. Сама подготовка приемника

информации влияет на количество и качество получаемой и передаваемой им информации. Напомним о государстве, стремящемся к самосохранению собственной власти, для которой образованный и думающий индивид представляет априори большую опасность, как минимум, тем, что знает свои права и может потребовать от государства их гарантированной реализации.

Определяющим моментом становления гражданского общества является социальная ответственность. Ее роль заключается в том, что ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе. Это особенно важно в российских условиях, где крайне сложно проходит процесс разграничения общественного, государственного и личного. Более того, ни о какой социальной ответственности населения в России сегодня говорить не приходится. Во многом это объясняется отсутствием социальной защищенности самого населения, кризисом самоидентификации среднего класса и др., отсутствием четкой и понятной стратификации общества, невозможностью государства реализовывать гарантированные законодательством (Конституцией России - в первую очередь) социальные права и свободы человека и гражданина, что вызывает встречную негативную реакцию населения по отношению к власти, порождая правовой нигилизм и безразличие к происходящему в стране.

Как часто мы встречаемся с тем, что одно лишь слово, одна фраза приобретает магическое (энергетическое) действие, приводя в движение большие массы людей. М.И. Сетров выступает против пренебрежения энергетическими характеристиками информации: при незначительной, порой ничтожно малой величине энергии сигнала, несущего информацию, воспринимающая система реагирует с несравненно большей энергией. Это тем более характерно для социальной информации, выраженной в слове [12].

Есть прагматический (ценностный) подход: установление зависимости между информацией, приемником информации и целью, которую он перед собой ставит. Иными словами, в этом случае определяется ценность информации для того, кто ее воспринимает и использует. Это важно для решения задач управления большими общественными процессами, где необходима не всякая информация, а лишь та, которая способствует достижению цели, поставленной перед системой. Ценность одной и той же социальной информации не остается одинаковой. Если цель,

для достижения которой она использовалась, достигнута, информация для субъекта цели потеряла свою непосредственную ценность, хотя сама по себе ценность, как качество данной информации, сохранилась.

Отметим, что от отбора, выбора (селективности) информации зависит поведение приемника информации, а значит, тот, кто имеет возможности для «фильтрации» и запуска в общество нужной (для достижения поставленной цели) информации, определяет ее объемы и время запуска в конкретные общественные группы (или все общество) конкретных объемов информации, ожидая достижения в результате анализа и, по сути, управляемых действий приемников информации. Важным является вопрос о полезности и ценности информации для пользователя - приемника информации. Может ли сам пользователь определять ее ценность, и свободна ли его воля в момент восприятия, анализа информации и последующих за таким анализом конкретных действий? Одна и та же информация, как верно пишет А.А. Харкевич, может иметь разную ценность, если ее рассматривать с точки зрения использования для различных целей [15]. Тогда меняется стиль подачи, объем и время подачи информации, чтобы сформировать у приемника информации соответствующее восприятие и, естественно, дальнейшие действия в зависимости от анализа принимаемой в конкретный момент времени информации.

Отдельного внимания заслуживает механизм доминанты, разработанный русским физиологом А.А. Ухтомским. В своем развитии доминанта проходит три стадии: 1) возникновение под влиянием внутренних раздражителей. «Доминанта как системная реакция организма возникает в результате обработанной нервными центрами информации о событиях или предметах в пространстве и во времени» [13]; 2) образование условного рефлекса по И.П. Павлову, когда из прежнего множества действующих возбуждений доминанта выделяет группу, которая для нее особенно «интересна», идет выборка раздражителя для данной доминанты; 3) между доминантой и внешним раздражителем устанавливается прочная связь. Казалось бы, какое отношение имеют все эти знания из физиологии к информации и гражданскому обществу? Думается, что роль междисциплинарных исследований и возможностей применения методов и инструментов, выработанных другими науками, еще только предстоит оценить и изучить. Рискнем сделать несколько предварительных выводов:

1) с учетом увеличивающегося потока информации, «вбрасываемого» и генерируемого самой социальной системой, возникает вопрос о выделении основных потоков информации, которые будут, скорее всего, (рефлекторно) восприняты элементами системы. Иными словами, если элементы системы гражданского общества (индивиды, их сообщества) будут принимать, выделяя из общего потока, и передавать «нужную» для сохранения стабильности всей системы информацию, они будут управляемы, а их дальнейшие действия – предсказуемы. Понятно, что в создании подобного механизма (назовем его информационной доминантой гражданского общества) заинтересовано само государство по изложенным выше причинам;

2) еще только предстоит изучить связь между информационной доминантой гражданского общества и возможностями формирования общественного сознания, когда у субъектов гражданского общества формируются определенные, управляемые формы мышления, играющего важную роль в переработке информации. По сути, речь идет о возможности разработки управляемого с помощью информации общественного правосознания. Как особая форма общественного сознания правосознание есть осознание прав и обязанностей, совокупность взглядов, идей, представлений, убеждений, настроений, эмоций, чувств человека, объединений людей или всего общества относительно права и его роди. Правосознанию принадлежит значительная роль в различных сферах правовой жизни. Оно составляет внутреннюю идеальную детерминанту любой юридической деятельности: в правотворческой деятельности при создании юридических предписаний; в правоприменительной практике органов государства и должностных лиц при разрешении конкретных жизненных ситуаций и т. д.;

3) известно, что по своей структуре правовое сознание включает три компонента: а) правовую идеологию. Проблема в том, что в современной России правовая идеология отсутствует, необходимость ее построения уже осознана властью, но первые шаги в этом направлении (например, создание Общенационального народного фронта) выглядят, мягко говоря, неубедительно; б) правовую психологию, состоящую преимущественно из созерцательных моментов познания, психологического восприятия правовых реалий: чувств, эмоций и переживаний людей, связанных с правом; она является менее заметной, но более устойчивой частью правосознания; в) поведенческие факторы, в которых «цементируются» интеллектуальные, идеологические и психологические элементы. Эти факторы, выражаясь в мотивах, целях, внутренних установках и конкретных волеизъявлениях в регулируемых правоотношениях, во многом с помощью принимаемой и обрабатываемой информации, определяют правомерность поведения субъектов права. В реальной жизни указанные выше компоненты правового сознания находятся в органическом единстве. Тесно переплетаясь и взаимодействуя, они пронизывают всю государственно-правовую действительность, выступая мощным средством совершенствования всей социальной системы или, напротив, ее стабильности и неизменности свойств. Вопрос в том, под чьим контролем может оказаться такая мощная конструкция.

В теории динамических систем существует такое понятие, как «динамический хаос», когда поведение нелинейной системы выглядит случайным, несмотря на то, что оно определяется детерминистскими законами. Причиной появления хаоса является неустойчивость (чувствительность) по отношению к начальным условиям и параметрам: малое изменение начального условия со временем приводит к сколь угодно большим изменениям динамики системы. Если на междисциплинарном уровне исследований перенести эти характеристики динамических систем на свойства и структуру сложноорганизованной социальной системы - гражданского общества, то получается интересная картина. Во-первых, такое поведение нелинейной системы можно сравнить, например, с высшей нервной деятельностью, с работой психики человека. Получается, что к обществу, открытым социальным системам можно применять основные законы природы (царства растений и животных). В таком случае, если поставить знак равенства между неустойчивостью и чувствительностью, то, например, психическое заболевание у человека можно охарактеризовать как повышение чувствительности к условиям окружающей среды, немного изменившимся по отношению к внешним условиям, с которыми он взаимодействовал ранее (т. е. не сработал адаптационный механизм в организме).

Во-вторых, если соотнести вышеизложенное с тем, что человек (социальные группы) является элементом гражданского общества, его «клеточкой», то устойчивость в целом «организма» (гражданского общества) будет зависеть от устойчивости образующих его «клеток», частей, элементов. Если применить сравнение с живой природой, то природа стремится к самосохранению (к устойчивости, обеспечивающей непрерывность жизни), а многоклеточным организмам, как из-

вестно, для существования необходимо сохранять постоянство внутренней среды. Человеческое же общество с его глобализацией и стремительным развитием технологий и информации, наоборот, само стремится к изменениям. Эти изменения порождают потоки информации, которую нужно воспринимать и перерабатывать. Социум пока не понимает, что в какой-то момент, когда порог чувствительности (неустойчивости) повысится по отношению к меняющимся условиям жизни, это сдетонирует на всей сложной социальной системе, элементом которой является человек. Это приведет к кризису системы, а может быть, к ее разрушению.

В-третьих, рискнем предположить, что случайные изменения системы (флуктуации) можно связать с все более интенсивными изменениями, которые происходят в гражданском обществе. Если даже малое изменение начального условия (согласно теории динамического хаоса) может привести к большим изменениям динамики системы гражданского общества (а здесь изменение равносильно неустойчивости-чувствительности), то большие изменения начального условия должны приводить к еще более интенсивным изменениям (встряскам) всей социальной системы. Значит, изучать и выявлять алгоритм флуктуаций все-таки можно на наиболее «выпуклых» их формах, например, революции, кризисы, войны, катастрофы и т. д. Итак, современное общество, равно как и образующие его звенья, являет собой сверхсложные динамические системы. Информация только тогда принесет пользу, когда воплощена в технику и технологии, в ценности культуры, в знания и опыт людей, в формы их общения, во всю систему общественных отношений [5, с. 5-6].

На первый взгляд, развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Как верно отметил Н.М. Коршунов, «частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным» [8].

С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом, в значительной мере направлены на защиту частных интересов [11, 14]. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по природе своей является публичной, хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления.

Государство – многогранное явление, не только охватывающее сферу публичных интересов, но и «проникающее» во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии, и разница будет не только в этнопсихологии, но и модели существующих в странах политической и правовой систем. С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и, в конечном счете, своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции [1]. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве, и наоборот, не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве [2]. Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством - с помощью принятия соответствующих законов - индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает в то же время частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется. Гегель, разделяя государство и гражданское общество как сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами».

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и тем более к управленческому аппарату. Вот что он прямо говорит по этому поводу: «Государство есть организм, т. е. развитие идеи в свои различия. Эти различенные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различенные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все».

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит изгосударства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все». Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотнесении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей, в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство» [9]. А. Грамши по-новому взглянул на государство, под которым понимал политическую общность (диктатуру или аппарат принуждения, призванный сформировать народную массу в соответствии со способом производства и экономикой данного момента), а не равновесие политической общности и общности гражданской, или гегемонию одной социальной группы над всей национальной общностью [6], осуществляемую через проводники - институты гражданского общества (церковь, профсоюзы, образование и т. п.).

Но вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего, любая интерпретация понятия «гражданское общество» предполагает соотнесение с понятием «государство», поскольку первое исторически и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. При этом категория «государство» всегда требует от исследователя расшифровки: или под ним понимается система власти, или административный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное «развитием идеи в ее различии». В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: «Гражданское общество призвано следить за государством». Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий «общество» и «гражданское общество». Итак, для проведенного в статье исследования представляет непосредственное значение:

– во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу частных, единичных интересов, которая в определенных условиях приобретает самостоятельное значение по отношению к сфере публичных (всеобщих) интересов. Следует добавить, что формирование и реализация частных интересов, а также взаимодействие субъектов – носителей этих интересов – между собой происходит на основе передачи и приема ими информации друг от друга и от системы в целом;

- во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества). К этому, с учетом нашего понимания роли информации в сложных системах, следует добавить, что рост индивида до уровня осознания собственных прав и понимания своих возможностей взаимодействия с государством также обеспечивается уровнем воспринятой им информации;

– в-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только «при соотношении с другими», то есть при наличии отношений терпимости друг к другу и солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции, сфера индивидуальных интересов, право и солидарность являются кате-

гориями, необходимыми для описания гражданского общества.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которой понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания (или флуктуации, о которых говорилось выше), но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации принятой и ретранслированной информации. Они интегрированы в систему, где идет постоянный информационный обмен. В идеальном состоянии социальной системы конфликты между ними отсутствуют; изменения самой системы подобны помехам в работе отлаженного механизма. Государство - это управляющая система (регулятор), которая должна обладать необходимой сложностью, чтобы справиться с разнообразием информации, поступающей в нее. Если же регулятор (государство) окажется проще, чем это следует из закона необходимого разнообразия, то она просто не будет работать, не сможет должным образом реагировать на поступающие потоки информации. Другая крайность также нежелательна. Если регулятор окажется слишком сложным, а потоки поступающей к нему информации небольшими, то излишняя сложность регулятора не улучшит качество поступающей информации, а значит, не улучшит само управление.

Итак, мы видим, что большое количество вопросов, возникших по ходу рассмотрения излагаемых тем, подлежит дальнейшему серьезному изучению, в том числе, и в форме дискуссии.

Пристатейный библиографический список

- 1. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. С. 114.
- 2. Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35–36.
- 3. Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. 2-е изд. М.: 2010. С. 158.
- 4. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. С. 23.
- 5. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975. С. 12.
- 6. Грамши А. Искусство и политика. Письма. Т. 1. – М.: Искусство, 1991. – С. 542.
- 7. Клаус Г. Кибернетика и общество: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967. С. 128.
- 8. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Инфра-М, 2011. С. 24.

- 9. Лагуткин А.В. Великая иллюзия демократии. М.: Юркомпани, 2014.
- 10. Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдем? – М.: Юркомпани, 2014. – С. 3.
- 11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 37.
- 12. Сетров М.И. Организация биосистем. Л.: Наука, 1971.
- 13. Соколова Л.В. А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб., 2010. С. 146.
- 14. Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право // Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2009. С. 255.
- 15. Харкевич А.А. О ценности информации // Проблемы кибернетики. М., 1960. Вып. 4. С. 54.
- 16. Элиас Н. О процессе цивилизации: В 2 т. Т. 1. С. 38.
- 17. Энгельгардт В.А. Интегратизм путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 108.

References (transliterated)

- 1. Alekseev S.S. Liniya prava. M.: Statut, 2006. S. 114.
- 2. Andrianov N.V. Grazhdanskoe obschestvo kak sreda institutsionalizatsii advokatury. M.: LIBROKOM, 2011. S. 35–36.
- 3. Afanas'ev V.G. Mir zhivogo. Sistemnost', evolyutsi-ya i upravlenie. 2-e izd. M.: 2010. S. 158.
- 4. Afanas'ev V.G. Obschestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie. M.: Politizdat, 1981. S. 23.
- 5. Afanas'ev V.G. Sotsial'naya informatsiya i upravlenie obschestvom. M.: Politizdat, 1975. S. 12.
- 6. Gramshi A. Iskusstvo i politika. Pis'ma. T. 1. M.: Iskusstvo, 1991. S. 542.
- 7. Klaus G. Kibernetika i obschestvo: Per. s nem. M.: Progress, 1967. S. 128.
- 8. Korshunov N.M. Konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki. M.: Infra-M, 2011. S. 24.
- 9. Lagutkin A.V. Velikaya illyuziya demokratii. M.: Yurkompani, 2014.
- 10. Lagutkin A.V. Rossiya na rasput'e: kuda poydem? M.: Yurkompani, 2014. S. 3.
- 11. Pokrovskiy I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M., 2001. S. 37.
- 12. Setrov M.I. Organizatsiya biosistem. L.: Nauka, 1971.
- 13. Sokolova L.V. A.A. Uhtomskiy i kompleksnaya nauka o cheloveke. SPb., 2010. S. 146.
- 14. Tihomirov Yu.A. Publichnoe i chastnoe pravo // Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskiy kurs. M., 2009. S. 255.
- 15. Harkevich A.A. O tsennosti informatsii // Problemy kibernetiki. M., 1960. Vyp. 4. S. 54.
 - 16. Elias N. O protsesse tsivilizatsii: V 2 t. T. 1. S. 38.
- 17. Engel'gardt V.A. Integratizm put' ot prostogo k slozhnomu v poznanii yavleniy zhizni // Voprosy filosofii. 1970. N_0 11. S. 108.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Мартышкин В.Н. СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Цель: Рассмотрение актуальных вопросов реформирования суда присяжных в России.

Методология: Автором применялись историко-правовой метод, статистические методы, формально-юридический метод, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье критически проанализированы обозначенные на круглом столе «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», проведенном 19 февраля 2015 года Верховным Судом Российской Федерации совместно с Российским государственным университетом правосудия, судоустройственные проблемы расширения применения института присяжных заседателей.

Новизна/оригинальность/ценность: Работа представляет высокую научную ценность, поскольку является попыткой современного анализа взглядов на реформирование суда присяжных в России.

Ключевые слова: судоустройство, суд присяжных, присяжные заседатели, народные заседатели.

Martyshkin V.N. JURY IN RUSSIA: REFORMING PROSPECTS

Purpose: Consideration of topical issues of reforming of a jury in Russia.

Methodology: The author applied a historical and legal method, statistical methods, a formal legal method, a method of the included supervision.

Results: In article «The prospects of reforming of a jury in the Russian Federation» designated on a round table, carried out on February 19, 2015 by the Supreme Court of the Russian Federation together with the Russian state university of justice, problems of expansion of application of institute of jurors are critically analyzed.

Novelty/originality/value: Work is of the high scientific value as is attempt of the modern analysis of views of reforming of a jury in Russia.

Keywords: judicial system, jury, jurors, jurymen.

Если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода. (Ш. Монтескье) [8]

Одним из критериев оценки государства как правового является состояние судебной системы и его важнейшего института – суда присяжных. Споры о достоинствах и недостатках суда присяжных были всегда и будут впредь. Но иной, более совершенной, формы судопроизводства человечество не может придумать уже много веков.

19 февраля 2015 года Верховным Судом Российской Федерации совместно с Российским государственным университетом правосудия проводился круглый стол на тему «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации». Были рассмотрены вопросы совершенствования подходов в реализации положений части 5 статьи 32 Конституции РФ о праве граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия.

Актуальность дискуссии обусловлена поручением Президента РФ подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей.

В работе круглого стола приняли участие советники Президента РФ М.А. Федотов и В.Ф. Яков-

лев, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас, судьи Конституционного и Верховного Суда РФ, члены Совета по развитию гражданского общества и прав человека, представители Генеральной прокуратуры и Следственного комитета РФ, ученые ведущих юридических вузов страны, руководители и судьи ряда областных судов, СМИ. Круглый стол проводился в Российском государственном университете правосудия в г. Москве.

Во вступительном слове советник Президента РФ академик РАЕН М.А. Федотов справедливо заметил: «Правовая система России ждет нового Михаила Михайловича Сперанского».

Выступления на круглом столе были предметны, дискуссии о суде присяжных – продуктивными. В них участвовали судьи республиканского, областного звена, за что организаторам этого форума отдельное спасибо. Впечатление от происшедшего так сильно, что следует уже спокойно осмыслить ряд правовых и нравственных аспектов деятельности института присяжных заседателей,

150-летний юбилей которого был бы невозможен без масштабной судебной реформы 1864 года.

По поводу этого действительно значимого для России события министр юстиции И.И. Щегловитов в 1904 г. вспоминал: «Положение нашего уголовного правосудия до издания судебных Уставов императора Александра II было поистине вопиющее. Судебная власть была судебною только по названию. Судьи были не более, как придаток администрации... Сам министр юстиции граф Панин при совершении рядной записи в пользу своей дочери для ускорения дела дал надлежащим судебным чинам взятку в сто рублей» (по тем временам это была крупная сумма, так как в 1864 г. на 3 рубля можно было купить корову) [9].

Производство в суде с участием присяжных заседателей во все времена имело свои особенности и требовало профессиональной подготовки.

О своей работе в суде присяжных Анатолий Федорович Кони вспоминал: «Нельзя сравнивать работу судебного деятеля с работой должностных лиц других присутственных мест. Судья, следователь, прокурор, понимающие и выполняющие свой долг, редко имеют досуг. Они почти никогда не свободны от умственной работы, от изучения дел, от раздумья о завтрашнем решении, от тревожных воспоминаний и проверки себя по поводу вчерашнего приговора, от черной, хотя и важной работы. Все это связано с тяжелой внешней обстановкой, с отсутствием определенных часов для окончания занятий, длительность которых зависит от рода дел, с сидением с присяжными иногда по целому ряду недель. Ни в одной деятельности не приходится так часто тревожить свою совесть, то призывая ее в судьи, то требуя от неё указаний, то отыскивая в ней одной поддержки и утешения среди негодования толпы или осязательного недовольства представителей власти» [3].

В России суд присяжных был упразднен после октябрьской революции. Через 75 лет – 16 июля 1993 г. в закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР» внесли изменения, и в России вновь был учрежден суд присяжных [1].

Под судом с участием присяжных заседателей уголовно-процессуальный кодекс РФ понимает рассмотрение уголовного дела федеральным судьей (областного звена) и коллегией из 12 присяжных заседателей. Воспользоваться правом на рассмотрение дела судом присяжных может обвиняемый, если его дело подсудно суду с участием присяжных в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 30 УПК РФ. Среди подобных деяний – особо тяжкие преступления против жизни, за совершение которых может быть назначено наказание

в виде смертной казни. Институт присяжных заседателей в новой России действует более 12 лет. Эта форма судопроизводства нуждается ныне в реформировании. Обнаружилась проблема непредсказуемости формирования алгоритма правовых и нравственных механизмов ограничения усмотрения коллегией присяжных при вынесении вердикта. Юридическая неосведомленность присяжных в таких основных вопросах, как форма вины, соучастие в преступлении, необходимая оборона и крайняя необходимость, сложность самостоятельной оценки ими таких современных доказательств, как материалы оперативно-розыскной деятельности (ОРД), аудио- и видеозаписи, информация по мобильной связи, современные технические экспертизы и т. п., требующих глубокого знания материалов уголовного дела и профессиональных правовых навыков, – все это существенно затрудняет принятие присяжными решения либо приводит к ошибочному усмотрению.

Когда в Европе и в России вводился традиционный суд присяжных, доказательствами были преимущественно устные показания потерпевших, свидетелей и вещественные доказательства, поэтому присяжные могли без труда оценить их с общечеловеческой точки зрения, и этого было достаточно для вынесения вердикта.

В настоящее время довольно часто присяжные вынуждены выходить из совещательной комнаты (где они находятся без профессионального судьи и без материалов уголовного дела) для разъяснения им председательствующим по делу тех или иных вопросов, либо судья вынужден возвращать их в совещательную комнату ввиду неясности или противоречивости их вердикта, либо полностью распустить коллегию присяжных и запускать вновь весь дорогостоящий судебный механизм по формированию новой коллегии присяжных и заново проводить судебное следствие с участием присяжных.

Сохраняющееся только в РФ (из всех стран континентальной Европы) правило о раздельном разрешении вопросов факта (только коллегией присяжных) и права (профессиональным судьей) и в связи с этим отдельном от судьи обсуждении и принятии вердикта коллегией присяжных нецелесообразно, ущербно, архаично.

Предложенные на круглом столе 19 февраля 2015 г. новации по реформированию суда присяжных сводятся к следующему (по областным, краевым, республиканским судам) [5]:

– исходить из действующей подсудности суда присяжных, указанной в п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ как статус-кво, более не расширять;

- вердикт коллегии присяжных должен обсуждаться и выноситься в совещательной комнате присяжными совместно с судьей (таков порядок во Франции, Германии, Италии), после чего судья на основании вердикта решает вопросы правового характера и выносит приговор по результатам обсуждения вердикта в том же порядке, что и сейчас, не подлежащем обжалованию по фактическим обстоятельствам дела ввиду недопустимости оспаривания вердикта;
- в целях повышения оперативности отбора кандидатов в присяжные, устранения громоздкости, сложности и дороговизны процедуры отбора, обеспечения присяжных в областном центре на все время рассмотрения дела сократить их количество с 12 до 7.

По районному суду предложения по реформированию судоустройства таковы:

- обвиняемым в тяжких и особо тяжких преступлениях, подсудных районному суду, предоставить право на рассмотрение дела судом в составе профессионального судьи и двух судебных заседателей (аналогия с народными заседателями в соответствии с УПК РСФСР, кроме отбора, который должен быть осуществлен путём случайной выборки);
- альтернативно с этим правом предоставить обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, подсудных районному суду, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей по процедуре, аналогичной той, что в областном суде, судья и 5 присяжных заседателей.

В совещательную комнату судья и присяжные заседатели уходят совместно, после судья единолично выносит приговор, основанный на вердикте присяжных заседателей.

Наличие у присяжных в областном суде семи голосов против одного судьи, а в районном суде – пяти против одного, исключает возможность принятия вердикта под воздействием судьи и иных лиц. Такая новация не противоречит и требованию части 5 статьи 32 Конституции РФ.

Оппоненты вышеизложенной судоустройственной модели оптимизации судебной юрисдикции, опасаясь увеличения доли оправдательных приговоров, приводили в ходе дискуссии следующие доводы: расширение института присяжных чрезмерно затратно для государства. Кроме того, в России ежегодно судьи с участием присяжных якобы необоснованно оправдывают «батальоны» обвиняемых. Возражения весомые. Давайте рассмотрим теоретические и практические аспекты судебной практики.

Безусловно, вывести единую формулу, определяющую с математической точностью алгоритм усмотрения коллегии присяжных, как впрочем, и профессионального судьи, определить правовые и нравственные границы их усмотрения означало бы открыть универсальный способ осуществления правосудия. Вместе с тем нельзя не согласиться с Вольтером, который, отметая возражения о возможном оправдании виновного, писал: «Если против ста тысяч вероятностей виновности обвиняемого имеется лишь одна вероятность его невиновности, то эта вероятность должна уравнивать все другие» [2].

Расходы на суд присяжных не столь уж и обременительны: например, за последние 3 года в Республике Мордовия 192 присяжным всего выплачено за их труд 3 млн. 218 тысяч рублей.

Адвокатам по назначению за этот же период (за участие в суде присяжных, а также апелляционной и кассационной инстанциях) выплачено вознаграждение в сумме 5 млн. 578 тысяч рублей. Это конституционная гарантия: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Видимо, расходы на суд присяжных – тот самый случай, когда «судебная система не должна быть бедной, иначе бедствие наступит в правосудии» [4].

Судебная статистика опровергает и иные доводы оппонентов о «батальонах» необоснованно оправданных присяжными. Так, в Мордовии за последние 10 лет работы суда присяжных из 87 обвиняемых было оправдано 16 (приговоры вступили в законную силу). По Российской Федерации в среднем ежегодно суды с участием присяжных оправдывают не более 18-19 %. Причем 40 % из этих оправдательных приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных, отменяется вышестоящим судом. В 2014 г. Верховным Судом РФ из 152 оправдательных приговоров отменено 89, причем 26 из них - из-за незаконного воздействия на присяжных заседателей. Это дополнительный аргумент в подтверждение того, что принятие вердикта присяжными в присутствии судьи исключило бы влияние

Еще один аспект, который достаточно остро дискутировался на круглом столе, касался магической цифры 12 – количества присяжных, выносящих ныне вердикт о виновности либо невиновности подсудимого. Противники снижения количества присяжных в обоснование своих доводов указывали, что это отрицательно может

сказаться на результатах принятия вердикта присяжными.

Увы, к сожалению, справедливость вердикта не зависит от количества присяжных заседателей. Вспомним историю: в пятницу 7 апреля 30 года нашей эры иудейский синедрион, состоящий из 71 члена верховного суда, за подтверждение своего мессианского достоинства, за право иметь свое суждение вынес обвинительный вердикт – смертный приговор путем мученической смерти через распятие на кресте в отношении самого великого человека, который когда-либо жил на земле [6]. И спустя две тысячи лет после этого события в мире нет однозначного ответа на вопрос: как это могло случиться?

Гарантией эффективной защиты личности от незаконного осуждения должна быть правовая компетентность судьи.

Проблемы, связанные с обеспечением права на оперативное, справедливое и публичное судебное разбирательство дела, обуславливают необходимость незамедлительного разрешения судоустройственных проблем оптимизации судебной юрисдикции и подготовки предложений о расширении применения института присяжных заседателей.

Инновационные подходы, заложенные в рамках Всероссийского круглого стола «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», позволяют, по крайней мере, стабилизировать процесс правореализации, приступить к оперативному поиску конкретных ответов на актуальные вопросы, поднятые на данном форуме, что, безусловно, стимулирует процесс дальнейшей реорганизации судоустройства и судопроизводства.

Ив этой кропотливой работе следует опираться на опыт одного из блестящих умов и реформаторов первой половины XIX века – М.М. Сперанского (1772–1839). Он впервые привнес в русское общественное сознание идею о том, что «законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных. В государстве, где нет добрых исполнителей, конечно, не может быть просвещенных судей, внутренней изящности установлений. Народ рассуждает о вещах по внешнему их действию» [7].

Пристатейный библиографический список

- 1. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.
- 2. Вольтер Ф.М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956. С. 185.
- 3. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. Кн. 1. – М., 2003. – С. 341.
- 4. Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Судья. 2008. № 12. С. 8.
- 5. Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации: Программа круглого стола // Российский госуниверситет правосудия. 2015. 19 февраля.
- 6. Самый великий человек, который когда-либо жил. М., 1991. С. 119.
- 7. Сперанский М.М. О коренных законах государства. М., 2015. С. 166, 195.
- 8. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С. 790.
- 9. Щегловитов И.Г. К сорокалетию судебных Уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. 1904. № 9. С. 2–3.

References (transliterated)

- 1. Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. St. 1313.
- 2. Vol'ter F.M. Izbrannye proizvedenija po ugolovnomu pravu i processu. M., 1956. S. 185.
- 3. Koni A.F. Otcy i deti sudebnoj reformy. Kn. 1. M., 2003. S. 341.
- 4. Medvedev D.A. Vystuplenie na VII Vserossijskom s#ezde sudej // Sud'ja. 2008. № 12. S. 8.
- 5. Perspektivy reformirovanija suda prisjazhnyh v Rossijskoj Federacii: Programma kruglogo stola // Rossijskij gosuniversitet pravosudija. 2015. 19 fevralja.
- 6. Samyj velikij chelovek, kotoryj kogda-libo zhil. M., 1991. S. 119.
- 7. Speranskij M.M. O korennyh zakonah gosudarstva. M., 2015. S. 166, 195.
- 8. Ugolovnyj process: Uchebnik / Pod red. V.S. Balakshina, Ju.V. Kozubenko, A.D. Proshljakova. M., 2011. S. 790.
- 9. Shheglovitov I.G. K sorokaletiju sudebnyh Ustavov 20 nojabrja 1864 g. // Vestnik prava. 1904. \mathbb{N}_2 9. S. 2–3.

Шакиров Т.Р. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ОТБОРА И НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕЙ

Цель: Рассмотрение содержания международно-правовых норм, устанавливающих стандарты, касающиеся отбора и назначения судей.

Методология: Автором применялись сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье на основе изучения широкого круга международно-правовых актов раскрыто основное содержание международных стандартов, касающихся отбора и назначения судей. Сделан вывод о том, что способ назначения судей, продвижения их по службе и перевода в другой суд является основной характеристикой судебной системы и показателем её независимости и способности служить эффективным инструментом справедливого отправления правосудия. Отмечено, что ряд органов по защите прав человека выразил обеспокоенность в связи с неоправданным участием исполнительной или законодательной власти в процессе назначения судей. Обращено внимание на то, что комитет по правам человека и другие органы рекомендовали всем государствам создать независимый орган, который обеспечит назначение и продвижение судей и управление судебной системой.

Новизна/оригинальность/ценность: Работа представляет научную ценность, поскольку содержит важные для правовой регламентации судебной деятельности обобщения и выводы.

Ключевые слова: суд, стандарты назначения судей на должность, независимость судей, Международная комиссия юристов.

Shakirov T.R. THE INTERNATIONAL STANDARDS CONCERNING SELECTION AND APPOINTMENT OF JUDGES

Purpose: Consideration of the content of the international legal norms establishing the standards concerning selection and appointment of judges.

Methodology: The author applied a comparative and legal method, a formal legal method, a method of the included supervision.

Results: In article on the basis of studying of a wide range of international legal acts the main contents of the international standards, concerning selection and appointment of judges are opened. The conclusion that the way of appointment of judges, their advances on service and transfer to other court is the main characteristic of judicial system and an indicator of its independence and ability to serve as the effective instrument of fair administration of justice is drawn. It is noted that a number of bodies for protection of human rights expressed concern in connection with unjustified participation executive or legislature in the course of appointment of judges. The attention that the Human Rights Committee and other bodies recommended to all states to create independent body which will provide appointment and advance of judges and management of judicial system is paid.

Novelty/originality/value: Work is of the scientific value as contains generalizations, important for a legal regulation of judicial activity, and conclusions.

Keywords: court, standards of appointment of judges to a position, independence of judges, International Commission of Jurists.

В мае 2014 г. Международная комиссия юристов (МКЮ) осуществила четвёртую миссию в Российскую Федерацию, посвящённую функционированию судебной системы. Миссия исследовала законодательство и практику, связанную с квалификационным отбором, назначением и продвижением судей по службе в России. Предыдущие визиты экспертов МКЮ касались общей оценки [26], а также изучения дисциплинарной системы для судей [13]. Для изучения вопроса МКЮ привлекла среди прочих экспертов судей высших судов ЮАР, Нидерландов и Российской Федерации. Результатом миссии явился доклад «Назначение судей: процедура отбора на судей-

скую должность в Российской Федерации», опубликованный в ноябре 2014 года [19]. В докладе критически анализируются законодательство, практические аспекты отбора, назначения и продвижения судей по служебной лестнице, а также предлагаются рекомендации с целью приведения практики и законодательства в соответствие с международными стандартами на основе анализа существующих проблем.

Одной из важных особенностей доклада является оценка ситуации в России с точки зрения международных стандартов в области назначения судей. Систематизация существующего международного права и стандартов в области органи-

зации и функционирования судебной системы особенно важна в силу того, что они не являются достаточно известными в регионе СНГ и в Российской Федерации в частности. Стандарты эти не только существуют, но их эффективная имплементация необходима, как с точки зрения международного права, так и для обеспечения независимой судебной системы, которая была бы способна гарантировать право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное Международным пактом о гражданских и политических правах и Европейской конвенцией по правам человека. Данная статья представляет выдержки из доклада МКЮ, посвященные международному праву и стандартам в сфере отбора на судейскую должность. Полный текст доклада доступен на сайте МКЮ www.icj.org.

Значимость вопроса

Надлежащий порядок отбора и назначения является неотъемлемой частью [20] и непременным условием обеспечения независимости судебных органов [17]. Для достижения независимости судебной системы необходимо разработать такую правовую, институциональную и процессуальную основу назначения судей, которая обеспечит отбор высококвалифицированных и надёжных, с точки зрения их личных качеств, судей, способных работать, не подвергаясь ненадлежащему воздействию извне [2, п. 8; 13].

Связано это с тем, что способность судебной власти сохранять свою независимость в качестве отдельной и самостоятельной ветви государственной власти, а также способность судей принимать независимые решения, защищающие принцип верховенства права и права человека, в значительной степени зависят от того, кто может и, не менее важно, кто не может пройти квалификационный отбор на судейскую должность. Действительно, при несоблюдении основных параметров порядка отбора «может сложиться такой порядок, который будет предусматривать большой объём дискреционных полномочий при отборе судебных должностных лиц, в результате чего отобранные лица не обязательно будут наиболее достойными» [15].

Таким образом, у общества имеется принципиальная заинтересованность в том, чтобы судебные полномочия предоставлялись только тем, кто соответствует самым высоким стандартам компетентности и морали; чтобы назначались судьи, которые будут принимать беспристрастные и справедливые решения, продиктованные законом и совестью. Отбор лиц, которые будут наделены судебными полномочиями, не просто технический вопрос, а проблема фундаментальной важности, с точки зрения обеспечения качества и независимости судебной системы, защиты принципа верховенства права и прав человека, а также эффективного доступа к правосудию. Наличие и функционирование дисциплинарной системы отчасти может служить для исправления погрешностей, допущенных при отборе судей, однако в определённых ситуациях само дисциплинарное производство может стать препятствием для независимости судей [13].

Международные стандарты независимости судебной власти [23] устанавливают принципы, призванные гарантировать, чтобы критерии отбора, а также порядок назначения и продвижения по службе поддерживали сильную и независимую судебную власть. Основные принципы ООН, касающиеся независимости судебных органов, Рекомендации Комитета министров Совета Европы, Европейская хартия о статусе судей и Пояснительный меморандум к ней, а также Заключение № 1 Консультативного совета европейских судей (КСЕС) «О стандартах, касающихся независимости судебной власти и несменяемости судей» требуют, чтобы органы власти, осуществляющие назначение и продвижение судей, были независимы от исполнительной власти, чтобы критерии отбора разрабатывались таким образом, чтобы определить наиболее квалифицированных кандидатов, а также чтобы критерии назначения и соответствующие процедуры были справедливыми, не сопряжёнными с дискриминацией и прозрачными.

Институциональные и структурные аспекты назначения судей

Международно-правовые гарантии, направленные на обеспечение независимости судей в ходе отправления правосудия, охватывают гарантии, связанные с отбором, назначением и продвижением судей. Осуществляя толкование и применение права на справедливое судебное разбирательство по статье 6 ЕКПЧ, Европейский суд по правам человека выделил ряд факторов, которые необходимо принимать во внимание при оценке независимости судебной власти. Суд постановил, что «...при решении вопроса о том, можно ли считать тот или иной орган «независимым», в частности, от исполнительной власти и от сторон по делу, Суд принимает во внимание способ назначения его членов и сроки их пребывания в должности, наличие гарантий защиты от давления извне и наличие у органа внешних атрибутов независимости» [6].

Поясняя сферу действия обязательства по обеспечению справедливого судебного разбирательства по статье 14 МПГПП, Комитет ООН по правам человека подчеркнул, что требование независимости судебной власти, которое является неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство, подразумевает не только фактическую свободу от политического вмешательства, но и «процедуру назначения судей и необходимые характеристики, а также механизмы защиты гарантированных сроков пребывания в должности до достижения обязательного возраста выхода на пенсию или истечения срока пребывания в должности (при наличии таковых); условия, регламентирующие порядок продвижения по службе, перевода в другой суд, приостановления или прекращения полномочий судей» [14].

В соответствии с международными стандартами судебные органы, осуществляющие отбор и назначение судей, должны быть независимы от исполнительной и законодательной власти. Принцип 1.3 Европейской хартии о статусе судей предусматривает, что каждое решение, «влияющее на отбор, приём на работу, назначение, карьерный рост и прекращение полномочий судей», должно приниматься органом, «независимым от исполнительной и законодательной власти» [5]. Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов указал на то, что должен быть создан независимый орган по отбору судей (п. 27) [4].

Европейская комиссия за демократию через право Совета Европы (Венецианская комиссия), членом которой является Российская Федерация и которая предоставляет государствам-участникам консультации по правовым вопросам, подчеркнула важность создания «нейтрального с политической точки зрения Высшего совета правосудия или аналогичного органа в рамках собственной правовой системы [государства] - иногда как неотъемлемой части Конституции - в качестве эффективного инструмента, направленного на защиту основных демократических принципов. К ним относится самостоятельность и независимость судебной власти, роль судебной власти в защите фундаментальных прав и свобод, а также поддержание конституционно-правовой дискуссии о роли судебной власти в демократической системе. Она должна обладать существенной и реальной самостоятельностью и независимостью в качестве конкретного утверждения и проявления принципа разделения властей в государстве» (п. 5) [3].

На судей, избираемых другими судьями, должна приходиться существенная доля членства

в таком органе. Так, в Рекомендации № (2010)12 Комитета министров Совета Европы говорится о том, что не менее половины членов должны быть судьями (п. 27) [25]. Аналогичное положение содержится в Европейской хартии о статусе судей (принцип 1.3 «Не менее половины членов должны являться судьями, которых избирают другие судьи») [5].

Комитет министров Совета Европы подчеркнул в Рекомендации № (2010)12, что «орган, принимающий решения по вопросам отбора и продвижения судей по службе, должен быть независимым от исполнительной и законодательной власти. Чтобы гарантировать его независимость, не менее половины его членов должны быть судьями, избираемыми другими судьями... Тем не менее, если конституционно-правовые или иные положения закона предусматривают, что решения относительно отбора и продвижения судей по должности принимаются главой государства, правительства или законодательного органа, независимый и компетентный орган, состоящий, в значительной степени, из представителей судебной власти, ...должен быть уполномочен выносить рекомендации и заключения, которым назначающий орган будет следователь на практике» (п. 46 и 47) [25].

Как отметила Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов, смысл требования, чтобы большинство членов были судьями, заключается в том, что «если орган состоит, главным образом, из представителей политических сил, всегда существует угроза того, что данные «независимые органы» могут превратиться не более чем в формальность или в юридических клонов, за спиной у которых косвенно оказывает своё влияние правительство» (п. 28) [4].

Аналогичным образом Пояснительный меморандум к Европейской хартии о статусе судей предусматривает, что во избежание «угрозы партийно-политической предвзятости» судьи, которые являются «членами независимого органа, должны избираться другими судьями ввиду того, что необходимая независимость данного органа исключает возможность избрания или назначения его членов политическим органом, который относится к исполнительной или законодательной власти» [22].

В своём Заключении «О назначении судей» Венецианская комиссия пришла к выводу о том, что «надлежащим методом обеспечения независимости судей будет являться создание судейского совета, состав, полномочия и самостоятельность которого должны быть защищены конституцион-

ными гарантиями» (п. 48), и что «такой Совет должен оказывать решающее влияние на назначение и продвижение судей по службе и дисциплинарное производство в их отношении» (п. 49) [18].

Ряд органов по защите прав человека выразил обеспокоенность в связи с неоправданным участием исполнительной или законодательной власти в процессе назначения судей. Комитет по правам человека и другие органы рекомендовали создать независимый орган, который обеспечит назначение и продвижение судей и управление судебной системой. Так, в деле против Таджикистана Комитет по правам человека отметил «явное отсутствие независимости у судебных органов, что отражается на процессе назначения и увольнения судей, а также на их финансовом положении». КПЧ рекомендовал создать «независимый орган, который будет нести ответственность за назначение, продвижение и привлечение судей всех уровней к дисциплинарной ответственности» [9, 12].

Процедура отбора и назначения судей

Основные принципы ООН, касающиеся независимости судебных органов («Основные принципы ООН»), предусматривают, что «любой метод подбора судей должен гарантировать [защиту] от назначения судей по неправомерным мотивам» и что повышение судей в должности «следует осуществлять на основе объективных факторов, в частности, способностей, моральных качеств и опыта» [20, принципы 10, 13; 24, пп. 10, 14]. В ряде международно-правовых источников установлено, что отбор судей должен основываться на объективных и прозрачных критериях [1, принцип 4(i); 5, принцип 2.1; 7; 8; 10; 20, принцип 10; 25, п. 44;] и что такие критерии должны уделять основное внимание правовой подготовке, опыту и моральным качествам [1, принципы (4) (i)-(k); 20, принцип 10; 25, п. 44-45]. В данном отношении Венецианская комиссия провозгласила принцип, в соответствии с которым «все решения о назначении и профессиональном росте судей должны основываться на их заслугах, с применением объективных критериев, предусмотренных законодательством» (п. 27) [3]. При отборе судей не допускается дискриминация по каким-либо основаниям. Требование о том, что кандидат должен являться гражданином соответствующей страны, не считается дискриминационным [20, принцип 10; 25, п. 45; 1, принцип 4j; 21, принцип 13].

В Замечании общего порядка по статье 14 МПГПП, посвящённом праву на справедливое су-

дебное разбирательство, Комитет ООН по правам человека пояснил, что данная норма устанавливает обязательство государства «принимать конкретные меры, гарантирующие независимость судебной системы, обеспечивающие защиту судей от любых форм политического вмешательства в процесс принятия ими решений, с помощью конституционных гарантий или принятия законов, устанавливающих чёткие процедуры и объективные критерии назначения судей, выплаты вознаграждения, сохранения занимаемой должности, продвижения по службе, приостановления и прекращения полномочий членов судейского корпуса и применяемых по отношению к ним дисциплинарных санкций» [14]. Таким образом, в соответствии с МПГПП принцип независимости судей распространяется на все аспекты управления карьерой судьи.

Продвижение судей по карьерной лестнице

По международным стандартам аттестация судьи должна осуществляться на основании «объективных критериев», «опубликованных компетентным судебным органом», и судьи должны иметь возможность высказать своё мнение и обжаловать результаты аттестации в независимом органе или в судебном порядке (п. 58) [25]. Решения о продвижении судей должны основываться на тех же независимых и объективных критериях, которые применяются при их отборе («Повышение судей в должности, где существует такая система, следует осуществлять на основе объективных факторов, в частности способностей, моральных качеств и опыта» (принцип 13 Основных принципов ООН, касающихся независимости судебных органов); «Повышение в должности должно основываться на объективных факторах, в частности, способностях, моральных качествах и опыте» (принцип 4(0) Раздела А АХПЧН); «Такие решения должны основываться на заслугах, с учётом квалификаций, навыков и способностей, необходимых для вынесения судебных решений по делам в результате применения закона с уважением человеческого достоинства» (п. 44 Рекомендации КМ № (2010)12)).

Фундаментальные стандарты, регулирующие продвижение судей по должности, нашли наиболее яркое выражение в Декларации Сингви, которая предусматривает: «Продвижение судей по службе должно основываться на объективной оценке их моральных качеств, независимости, компетентности, опыта, гуманности и приверженности принципу верховенства права. Про-

движение по службе никогда не должно осуществляться по ненадлежащим мотивам» (п. 14) [24].

Комитет ООН по правам человека указал на то, что если решения о повышении по службе принимаются по усмотрению административных органов, то это может «подвергнуть судей политическому давлению и поставить под угрозу их независимость и беспристрастность» [7]. Несмотря на то, что руководитель суда «может обладать правомерными надзорными полномочиями по осуществлению контроля над судьями в административной сфере», судья должен быть «независимым от других судей» при вынесении решений (п. 32 и 46) [17]. Как с чёткостью следует из п. 22 Рекомендации Комитета Министров № (2010)12, «иерархия судебной системы не должна подрывать индивидуальную независимость судей» [25].

Европейская хартия о статусе судей предусматривает систему повышения в должности, которая «основывается исключительно на качествах и достоинствах, отмеченных при исполнении служебных обязанностей, порученных судье, путём объективной оценки со стороны одного или нескольких судей, и обсуждается с заинтересованным судьёй» (принцип 4.1) [5]. В данном контексте Комитет по правам человека подчеркнул, что осуществление Министерством юстиции определённых полномочий по судебным вопросам, включая полномочия по проверке деятельности судов, является вмешательством со стороны исполнительной власти и угрозой для независимости судебных органов [11].

Международные стандарты чётко устанавливают, что решения о назначении на конкретную должность и переводе в другой суд должны приниматься судебными органами, а не представителями политических органов правительства. Это необходимо, чтобы обеспечить, что решения, касающиеся юрисдикции, не принимаются по ненадлежащим мотивам (в том числе политическими органами, которые могут являться стороной или заинтересованными лицами по делу), а также что не создаётся видимости такого процесса принятия решений. Кроме того, это необходимо, чтобы распределение должностей и перевод в другой суд не использовались в качестве карательных механизмов в отношении судей. Так, Минимальные стандарты независимости судей Международной ассоциации адвокатов устанавливают: «Полномочия по переводу судей из одного суда в другой должны возлагаться на судебный орган; желательно, чтобы они осуществлялись с согласия судьи, при условии, что судья не будет необоснованно отказывать в таком согласии» (Стандарт А.12) [17]. Декларация Сингви предусматривает, что назначение судьи на определённую должность «должно осуществляться судебными органами либо вышестоящим советом судебных органов, при наличии такового» (пункт 13). Кроме того, Декларация Сингви устанавливает, что «судьи не должны переводиться из одной юрисдикции в другую или с одной должности на другую без своего согласия, однако в случаях, когда такой перевод осуществляется в соответствии с единообразной политикой, разработанной судебными органами в результате тщательного исследования этого вопроса, отдельно взятый судья не должен безосновательно отказываться от такого перевода». Аналогичным образом Европейская хартия о статусе судей содержит рекомендацию о том, чтобы решение о назначении судьи в состав трибунала принималось «независимым органом», либо «по его представлению, рекомендации, заключению или с его согласия» (принцип 3.1).

Заключение

Не подлежит сомнению, что способ назначения судей, продвижения их по службе и перевода в другой суд является основной характеристикой судебной системы и показателем её независимости и способности служить эффективным инструментом справедливого отправления правосудия. Несмотря на то, что не существует единой, повсеместно принятой системы организации судебных органов, в том числе с точки зрения назначения судей, их перевода в другие суды и продвижения по службе, имеются основные международные стандарты в данной сфере, и они служат фундаментом, на базе которого должна функционировать любая система. В более общем смысле, чтобы соответствовать принципу верховенства права, каждая судебная система должна сохранять общие атрибуты независимости, высоких моральных качеств и справедливости. Система должна успешно обеспечивать назначение судей, которые смогут стоять на страже прав человека и верховенства права, а также поддерживать независимость судов.

Пристатейный библиографический список

- 1. АХПЧН, Принципы и руководящие положения, Раздел А.
- 2. Венецианская комиссия, Доклад о независимости судебной системы, часть І: Независимость судей. Принят Венецианской комиссией на 82-й Пленарной сессии (Венеция, 12–13 марта 2010 г.), CDL-AD(2010)004, 16 марта 2010 г.

- 3. Венецианская комиссия, Заключение о последних изменениях в Закон «Об основных положениях Конституции» Республики Албания, CDL-INF(1998)009.
- 4. Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов, Документ ООН № A/HRC/11/41 (2009).
- 5. Европейская хартия о статусе судей, DAJ/DOC (98) 23.
- 6. ЕСПЧ, Campbell и Fell против Великобритании (жалобы № 7819/77; 7878/77): Постановление, 28 июня 1984 г., п. 78.
- 7. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Азербайджану, Документ ООН № ССРК/ СО/73/AZE, п. 14.
- 8. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Боливии, Документ ООН № ССРR/С/79/ add.74, п. 34.
- 9. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Гондурасу, Документ ООН № ССРR/С/HND/CO/1, п. 16.
- 10. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Ливану, Документ ООН № ССРR/С/79/ Add.78, п. 15.
- 11. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Румынии, Документ ООН № ССРR/С/79/ Add.111, п. 10.
- 12. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Таджикистану, Документ ООН № ССРР/СО/84/ТЈК, п. 17.
- 13. Защита правосудия: дисциплинарное производство в отношении судей в Российской Федерации, Доклад миссии МКЮ, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2012/12/MISSION-RUSSIA-REPORT_rus.pdf.
- 14. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32, статья 14: Право на равенство перед судами и трибуналами и право на справедливое судебное разбирательство, Документ ООН № ССРR/C/GC/32 (2007), п. 19.
- 15. МАСПЧ, дело «Reverón Trujillo против Венесуэлы», постановление от 30 июня 2009 г. (Предварительные возражения, По существу, Компенсация и Судебные расходы), п. 74.
- 16. Межамериканская комиссия по правам человека, Гарантии независимости работников судебной системы, OEA/Ser.L/V/II. Doc. 44, 5 декабря 2013 г., стр. 25.
- 17. Международная ассоциация адвокатов, Минимальные стандарты независимости судей, приняты в 1982 г.
- 18. Назначение судей, доклад, принятый Венецианской комиссией на 70-й Пленарной сессии (Венеция, 16–17 марта 2007 г.).
- 19. Назначение судей: процедура отбора на судейскую должность в Российской Федерации: Доклад Миссии МКЮ 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2014/11/RUSSIA-Selecting-the-judges-Publications-Reports-2014-Rus.pdf, стр. 3.
- 20. Основные принципы ООН, касающиеся независимости судебных органов, приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в

- Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г.
- 21. Пекинское заявление о принципах независимости судебных органов в регионе LAWASIA, принято председательствующими судьями региона LAWASIA и другими судьями из стран Азии и Тихого океана в Пекине в 1995 г., принято Советом LAWASIA в 2001 г., принцип 13.
- 22. Пояснительный меморандум к Европейской хартии о статусе судей, принцип 1.3.
- 23. Практическое руководство МКЮ № 1: Принципы независимости и подотчётности судей, адвокатов и прокуроров [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.icj.org/no-1-international-principles-on-the-independence-and-accountability-of-judges-lawyers-and-prosecutors/.
- 24. Проект Всеобщей декларации о независимости правосудия (Декларация Сингви).
- 25. Рекомендация № СМ/Rec(2010)12 Комитета министров государствам-членам о судьях: независимость, эффективность и обязанности.
- 26. Состояние судебной системы в России, Доклад исследовательской миссии по судебной реформе в Российскую Федерацию, 2010 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2012/05/Russia-indepjudiciary-report-2010-rus.pdf.

References (transliterated)

- I. AHPChN, Principy i rukovodjashhie polozhenija, Razdel A.
- 2. Venecianskaja komissija, Doklad o nezavisimosti sudebnoj sistemy, chast' I: Nezavisimost' sudej. Prinjat Venecianskoj komissiej na 82-j Plenarnoj sessii (Venecija, 12–13 marta 2010 g.), CDL-AD(2010)004, 16 marta 2010 g.
- 3. Venecianskaja komissija, Zakljuchenie o poslednih izmenenijah v Zakon «Ob osnovnyh polozhenijah Konstitucii» Respubliki Albanija, CDL-INF(1998)009.
- 4. Doklad Special'nogo dokladchika po voprosu o nezavisimosti sudej i advokatov, Dokument OON № A/HRC/11/41 (2009).
 - 5. Evropejskaja hartija o statuse sudej, DAJ/DOC (98) 23.
- 6. ESPCh, Campbell i Fell protiv Velikobritanii (zhaloby N_2 7819/77; 7878/77): Postanovlenie, 28 ijunja 1984 g., p. 78.
- 7. Zakljuchiteľ nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Azerbajdzhanu, Dokument OON № CCPR/CO/73/AZE, p. 14.
- 8. Zakljuchitel'nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Bolivii, Dokument OON № CCPR/C/79/add.74, p. 34.
- 9. Zakljuchitel'nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Gondurasu, Dokument OON № CCPR/C/HND/CO/1, p. 16.
- 10. Zakljuchiteľ nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Livanu, Dokument OON № CCPR/C/79/Add.78, p. 15.
- 11. Zakljuchitel'nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Rumynii, Dokument OON № CCPR/C/79/Add.111, p. 10.

- 12. Zakljuchitel'nye zamechanija Komiteta po pravam cheloveka po Tadzhikistanu, Dokument OON № CCPR/CO/84/TJK, p. 17.
- 13. Zashhita pravosudija: disciplinarnoe proizvodstvo v otnoshenii sudej v Rossijskoj Federacii, Doklad missii MKJu, 2012 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/up-loads/2012/12/MISSION-RUSSIA-REPORT_rus.pdf.
- 14. Komitet po pravam cheloveka, Zamechanie obshhego porjadka № 32, stať ja 14: Pravo na ravenstvo pered sudami i tribunalami i pravo na spravedlivoe sudebnoe razbirateľ stvo, Dokument OON № CCPR/C/GC/32 (2007), p. 19.
- 15. MASPCh, delo «Reverón Trujillo protiv Venesujely», postanovlenie ot 30 ijunja 2009 g. (Predvaritel'nye vozrazhenija, Po sushhestvu, Kompensacija i Sudebnye rashody), p. 74.
- 16. Mezhamerikanskaja komissija po pravam cheloveka, Garantii nezavisimosti rabotnikov sudebnoj sistemy, OEA/Ser.L/V/II. Doc. 44, 5 dekabrja 2013 g., str. 25.
- 17. Mezhdunarodnaja associacija advokatov, Minimal'nye standarty nezavisimosti sudej, prinjaty v 1982 g.
- 18. Naznachenie sudej, doklad, prinjatyj Venecianskoj komissiej na 70-j Plenarnoj sessii (Venecija, 16–17 marta 2007 g.).
- 19. Naznachenie sudej: procedura otbora na sudejskuju dolzhnosť v Rossijskoj Federacii: Doklad Missii MKJu 2014 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2014/11/RUSSIA-Selecting-the-judges-Publications-Reports-2014-Rus.pdf, str. 3.

- 20. Osnovnye principy OON, kasajushhiesja nezavisimosti sudebnyh organov, prinjaty sed'mym Kongressom OON po preduprezhdeniju prestupnosti i obrashheniju s pravonarushiteljami, sostojavshimsja v Milane s 26 avgusta po 6 sentjabrja 1985 g., i odobreny rezoljuciej General'noj Assamblei OON 40/32 ot 29 nojabrja 1985 g.
- 21. Pekinskoe zajavlenie o principah nezavisimosti sudebnyh organov v regione LAWASIA, prinjato predsedatel'stvujushhimi sud'jami regiona LAWASIA i drugimi sud'jami iz stran Azii i Tihogo okeana v Pekine v 1995 g., prinjato Sovetom LAWASIA v 2001 g., princip 13.
- 22. Pojasnitel'nyj memorandum k Evropejskoj hartii o statuse sudej, princip 1.3.
- 23. Prakticheskoe rukovodstvo MKJu № 1: Principy nezavisimosti i podotchjotnosti sudej, advokatov i prokurorov [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.icj.org/no-1-international-principles-on-the-independence-and-accountability-of-judges-lawyers-and-prosecutors/.
- 24. Proekt Vseobshhej deklaracii o nezavisimosti pravosudija (Deklaracija Singvi).
- 25. Rekomendacija № CM/Rec(2010)12 Komiteta ministrov gosudarstvam-chlenam o sud'jah: nezavisimost', jeffektivnost' i objazannosti.
- 26. Sostojanie sudebnoj sistemy v Rossii, Doklad issledovateľ skoj missii po sudebnoj reforme v Rossijskuju Federaciju, 2010 god [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://icj.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2012/05/Russia-indepjudiciary-report-2010-rus.pdf.

EURASIAN LEGAL PORTAL ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- √ Законопроекты
- √ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- **√** Пресс-релизы
- У Юридические статьи
- У Юридические вузы
- Юридическая школа в лицах
- ✔ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ▶ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

- 1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.
- 2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Коровяковский Д.Г.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ О ВЫСШЕМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Цель: Рассмотрение особенностей возникновения идей о высшем юридическом образовании в процессе формирования государства и права в Древней Греции.

Методология: Автором применялся историко-правовой метод.

Результаты: В статье находит свое отражение авторский анализ формирования основ юридического образования в контексте формирования государства и права в Древней Греции. Выявлены общие закономерности и особенности подходов к видам и формам образования в различных государствах-полисах Древней Греции.

Новизна/оригинальность/ценность: Работа обладает определенной научной ценностью, поскольку содержит авторское видение историко-правовых основ возникновения юридического образования.

Ключевые слова: Древняя Греция, юридическое образование, формы образования.

Korovyakovsky D.G.

FEATURES OF EMERGENCE OF IDEAS ABOUT THE HIGHER LEGAL EDUCATION IN THE COURSE OF FORMATION OF THE STATE AND THE RIGHT IN ANCIENT GREECE

Purpose: Consideration of features of emergence of ideas about the higher legal education in the course of formation of the state and the right in Ancient Greece.

Methodology: The author applied a historical and legal method.

Results: In article the author's analysis of formation of bases of legal education in the context of formation of the state and the right finds the reflection in Ancient Greece. The general regularities and features of approaches to types and forms of education in various states policies of Ancient Greece are revealed.

Novelty/originality/value: Work possesses a certain scientific value as contains author's vision of historical and legal bases of emergence of legal education.

Keywords: Ancient Greece, legal education, education forms.

Философский энциклопедический словарь под образованием понимает духовный облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния, шлифовки, т. е. процесс формирования облика человека [23].

Энциклопедия социологии определяет образование как: 1) совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, приобретенных индивидом самостоятельно либо в процессе обучения в специальных учебных заведениях; 2) социальный институт, выполняющий функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщения его к культуре данного общества [25].

Большой Энциклопедический словарь под образованием понимает процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру; необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры. Основной путь получения образования – обучение и самообразование [5].

В Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) образование – это процесс и результат усвоения знаний, навыков, умений. Основной путь получения образования – обучение в системе различных учебных заведений. Существенную роль в усвоении знаний, умственном развитии человека также играет самообразование [14].

Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под образованием понимает получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение [22]. Согласно Российской педагогической энциклопедии в образовании объединяются обучение и воспитание, обеспечивающие культурную преемственность поколений и готовность человека к выполнению социальных и профессиональных ролей. В образовании индивид осваивает систематизированную совокупность нравственных и культурных ценностей, соответствующих его интересам и общественным ожиданиям [17].

В Российской педагогической энциклопедии образование – это совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, приобретенных индивидом самостоятельно либо в процессе обучения в специальных учебных заведениях [21].

История высшего образования, по мнению ряда ученых [16], насчитывает почти две тысячи лет: его древнейшие, «неточные» формы возникли не в средневековой Европе XII в., а в Римской империи I в. Это положение, одно из наиболее важных в концептуальном осмыслении данного исследования, прежде всего, требует разъяснения самого термина «высшее образование» применительно к античной эпохе, как и обоснования оправданности использования понятий, которыми оперируют современные гуманитарные науки при изучении учебно-воспитательной деятельности древних народов.

Основное начало идеи и воззрения на образование, обучение, воспитание, а также взгляды на юридическое образование, его место и роль в общественном и государственном развитии берут в Древней Греции – стране античного мира, объединяющей множество рабовладельческих городов-государств-полисов. Истории образования в Древней Греции посвящены многочисленные исследования отечественных [4, 6] и зарубежных [1–3] ученых.

Сразу следует обратить внимание на то, что термин «высшее образование» (и тем более – «высшее юридическое образование») применительно к эпохе поздней античности неохотно используется как в истории Древнего мира, так и в истории педагогики и развития общественной и правовой мысли, видимо, из-за устоявшихся представлений о том, что «в современном понимании высшее образование появилось только в эпоху Средневековья» [16]. В своем исследовании мы будем подразумевать под высшим (в том числе, юридическим) образованием в древние века высшую (специальную) ступень образования, существовавшую в том или ином обществе (в Древней Греции, Римской Империи и др.).

Отдельно следует сказать о развитии педагогики как одной из основ становления системы высшего юридического образования в древние века. Обсуждая педагогику в контексте междисциплинарной рефлексии, следует представить и наше понимание такого пласта проблемы, как «педагогика и культура», выделив специально такие структуры, как педагогика как компонент духовной культуры общества и влияние различных составляющих массовой культуры на процесс воспитания и образования.

Сегодня очевидно, что педагогика как наука и область духовно-практической деятельности решает важнейшую задачу подготовки молодого поколения к дальнейшей самореализации – как социальной, так и профессиональной. Однако в

контексте обозначенной проблемы важно понимание того, что, с одной стороны, она решает эту основную задачу не изолированно, а в конкретных общественных условиях, к которым относятся, в частности, декларируемые в том или ином государстве глобальные идеи, ценностные ориентации, социальные условия жизни людей и т. п., а с другой – что на воспитание и образование молодежи наряду с вузовским (или школьным) образовательным пространством оказывают влияние выражающие в том или ином виде эти ценности идеалы, составляющие «надстройки» общества. К ним относятся средства массовой информации (кино, газеты, телевидение, театр, реклама и т. п.), литература, живопись, архитектура, скульптура, музыка и многое другое. Все эти компоненты «представляют собой систему взаимосвязанных элементов, и эта взаимосвязь проявляется в том, что каждый элемент оказывает влияние на другие, а вместе они представляют некое целое». Однажды возникнув, каждый из этих элементов может быть рассмотрен как отдельная и самостоятельная система, обладающая внутренними механизмами саморазвития и влияющая на окружающую жизнь.

Так сложилось, что сегодня педагогика (и педагогика высшей школы в частности) находится в значительной степени в противостоянии со многими компонентами масс-культуры. Очевидной причиной стали те серьезные изменения в общественной жизни, которые произошли в России за последние полтора десятилетия и повлекли за собой резкую смену ценностей, а иногда потерю традиционных «советских» ценностей и образование на их месте некоего вакуума. Однако масскультура успела резко и быстро перестроиться, заполнив экраны и страницы газет откровенной демонстрацией насилия, грабежей, убийств, культа грубой силы, наживы, пренебрежения интересами окружающих в угоду своим собственным, а педагогика пока еще не смогла адаптироваться ко всем происшедшим изменениям, и сегодня ее слово зачастую воспринимается как «глас вопиющего в пустыне», зовущий к критическому осмыслению происходящего вокруг, к возвращению к идеалам добра, правды и справедливости.

В педагогическом знании сегодня такой инструмент, как количественное оценочное соотношение, отсутствует, и потому в процессе осознания критически осмысливающим субъектом той или иной проблемы порой бывает очень трудно осуществить «взвешивание» и понять, что преобладает: отрицательное или положительное. Отсутствие рационально-логических возможностей

факторного анализа в педагогике обусловливает проникновение в этот процесс интуиции, а также определяет решающую роль эксперимента в подтверждении или опровержении результата критического осмысления.

К числу процедур критического осмысления, о которых мы начали вести речь, наряду с обсужденным только что факторным анализом относится и выведение следствий из того или иного утверждения, защищаемого автором предполагаемого к внедрению проекта. Логически корректное (в этом обязательно должен быть уверен субъект критического осмысления) выведение следствий того или иного утверждения позволяет на определенном этапе (через несколько последовательных шагов) прийти к значимому и наглядно осязаемому результату, который может, например, заключаться в следующем:

- а) наблюдается явное несоответствие полученного следствия чему-либо общепризнанному;
- б) обнаруживаются явная отрицательная (разрушающая) или положительная (продуктивная, созидающая) доминанты образовательно-воспитательного процесса;
- в) фиксируется та или иная степень несоответствия выведенного следствия чему-либо общепризнанному, что предполагает ту или иную степень коррекции, пересмотра или переосмысления исходного положения, из которого получено это следствие.

Если отвлечься от проблемы сравнения отрицательного и положительного, выявленного в ходе исследования объекта, процесса и внешних педагогических воздействий, то на первый план выходит вроде бы абсолютно естественная, но часто упускаемая из виду на практике мысль: любая инновация, любой метод, подход или прием содержат как созидательную, положительную, так и деструктивную, отрицательную составляющую. Например, формируя то или иное значимое качество у студента, тот или иной подход может очень сильно перегружать деятельность преподавателя. Возможна и обратная ситуация, когда прием, облегчающий работу преподавателя, может не оказывать никакого положительного влияния на характер деятельности студента.

Все это обусловливает необходимость специально вести речь о толерантности в процессе критического осмысления объектов и процессов педагогической действительности. Под этим мы будем понимать проявление исследователем той или иной формы согласия с оппонентом, а, говоря более конкретно, ряд тезисов:

а) практически никогда нет смысла полностью

отвергать тот или иной подход, предлагаемый оппонентом, – в нем всегда можно найти какуюнибудь положительную составляющую или (в худшем случае) обозначить пути ее нахождения;

- б) любой, на первый взгляд «абсолютно положительный», подход реально таковым не является и содержит некоторую отрицательную составляющую, и потому всегда следует узнать у автора или попытаться определить самостоятельно специальные условия, при которых его подход целесообразно использовать;
- в) любой перекос в оценке и в сторону положительного, и в сторону отрицательного редко бывает продуктивен; наиболее отвечающей современному стилю научного и практического мышления является в той или иной мере «взвешенная», «равновесная» точка зрения, рассматривающая полярные или существенно различающиеся конструкты в логике взаимодополнительности, сосуществования.

Все, о чем нгла речь выше, по большей части относится к подразделению, выражаемому терминами «рефлексия содержания», «рефлексия результата». Теперь естественно обратиться к «рефлексии метода». В качестве примера рассмотрим два теоретических метода – анализ и синтез. В этом случае один из вариантов критического осмысления может быть связан с выявлением, например, того, продуктивно ли расчленение какого-либо формируемого качества личности или педагогического процесса на части, элементы и последующее поэлементное рассмотрение, или, наоборот, определение того, возможно ли и продуктивно ли соединение тех или иных элементов в некое целое. Например, в одной недавно вышедшей книге находим следующие четыре компонента профессиональной компетентности преподавателя вуза: концептуальная подготовка, психолого-педагогическая техника, педагогическое общение, интегративные качества личности.

Нерядоположность (отношение к совершенно разным «этажам» педагогического знания) выделенных конструктов очевидна, как и сильно выраженная их пересекаемость. Техника педагогического общения является составной частью психолого-педагогической подготовки, и представлять ее в одном ряду с тремя остальными компонентами нет смысла.

Осмысление анализа как метода, конечно, не ограничивается тем, что только что было представлено. Например, при использовании его на уровне выявления причины того или иного характера протекания исследуемого педагогического явления присутствие какого-либо воздействия

на исследуемый объект, в одном случае вызвавшее те или иные фиксируемые его изменения, и отсутствие его в остальных случаях, когда указанное выше изменение также отсутствовало, позволяет утверждать, что именно это воздействие стало причиной возникших изменений. Однако это можно утверждать, лишь если исследователь абсолютно уверен, что кроме обсуждаемого воздействия абсолютно ничего в рассматриваемой ситуации по сравнению с теми случаями, когда воздействия не было, не изменилось.

Государственность в Древней Греции возникла в начале I тыс. до н. э. в форме самостоятельных и независимых полисов – отдельных городов-государств. Следствием перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и политической форме организации общественной жизни стала неизбежная классовая дифференциация населения, вызвавшая, в свою очередь, обострение противоречий и борьбы между разными социальными слоями – родовой знатью и обнищавшими общинниками, свободными и рабами.

В Древней Греции и эллинистических государствах во II в. до н. э. сложилась и держалась до конца античности трехступенчатая система образования:

- первая ступень обучение письму, чтению, счету;
- вторая ступень грамматическая школа. Чтение классических писателей (поэтов, ораторов, историков) с объяснениями из всех областей знаний. К 16-ти годам обучение в школе заканчивалось;
- третья ступень риторская школа. Практическое овладение искусством письменного и устного слова (ораторским искусством). Также изучались элементы права (поскольку целью была карьера судебного оратора) и философии (логика и этика). С высшим гуманитарным образованием риторской школы сосуществовало и конкурировало специальное высшее образование. Философская школа претендовала на статус альтернативного высшего гуманитарного образования [7, 9, 18].

В этих условиях в древнегреческих полисах происходила борьба за политическую и общественную власть, за учреждение одной из форм правления – аристократии (власти старой или новой знати, «лучших»), олигархии (власти богатых и имущих) или демократии (власти народа, т. е. всех взрослых свободных уроженцев полиса). Эта борьба социальных слоев нашла свое отражение в борьбе различных течений политической, общественной и правовой мысли [10, 12]. В истории

древнегреческой политико-правовой мысли выделяются три периода:

- ранний период (IX–VI вв. до н. э.) связан со временем возникновения древнегреческой государственности. В этот период наблюдается заметная рационализация политико-правовых представлений (Гомер, Гесиод и «мудрецы») и формируется фундаментальный общественно-правовой философский подход к проблемам государства и права (Пифагор и пифагорейцы, Гераклит);
- второй период (V первая половина IV в. до н. э.) время расцвета древнегреческой философской и политико-правовой мысли, нашедшей свое выражение в учениях Демокрита, софистов, Сократа, Платона и Аристотеля;
- третий период (вторая половина IV-II в. до н. э.) период эллинизма, время начавшегося упадка древнегреческой государственности, подпадения греческих полисов под власть сперва Македонии, а затем и Рима. Воззрения этого периода представлены в учениях Эпикура, стоиков и Полибия.

Понимание общественно-правовых взглядов, идей и течений этих трех важных для истории Древней Греции исторических периодов важно для нашего исследования, поскольку изучение и понимание идей и воззрений на образование, высшее образование и высшее юридическое образование, как нам представляется, невозможно без учета общественно-правовой среды и политических и исторических условий, в которых данные идеи и воззрения формировались и развивались. Остановимся на этих периодах более подробно.

В Древней Греции складывается ряд факторов, обусловливающих развитие педагогики и образования, а также рационализма, обретение им статуса особого типа познания [19, 24].

Во-первых, это специфические природные условия, не благоприятствующие формированию цивилизации аграрного типа. В Древней Греции развиваются коммерция и ремесленное производство, которые требуют определенных навыков, умений, знаний и, конечно, уровня образования. Это предопределило развитие древнегреческого образования и школ, обучение и формирование педагогов как социального класса, необходимого для подготовки и формирования классов ремесленников и торговцев. Сословия торговцев и ремесленников представляли в Древней Греции серьезную экономическую и политическую силу, которая развивалась и завоевывала авторитет в обществе и государстве [12].

Во-вторых, это наличие демократических начал социальной организации, которые реализу-

ются в институте полиса и создают условия творческой свободы и индивидуальной инициативы. Индивидуализм колебал общественные устои и делал необходимым постоянное общественное развитие, для чего необходимы были знания и навыки, которые могло дать только образование (уровни образования).

В-третьих, развитие древнегреческого рационализма в той или иной мере было инициировано причинами религиозного характера. Религиозная культура древних греков отличалась, условно говоря, своим «либерализмом»: древнегреческие боги, по сути, были идеализированными людьми; греки не имели священных книг - плодов божественного откровения; не имели строго фиксированной догматики; жрецы не играли существенной роли в жизни полиса. Отсутствие жестких религиозных догм делало интеллектуальную мысль и образование Древней Греции свободно развивающимися, в отличие от Древнего Востока, где догмы образовывали устойчивую противодействующую силу, регулирующую уровень и направления развития образования в обществе [10, 12].

В-четвертых, древнегреческая мифология несла на себе отпечаток демократической ментальности, она являла собой образец высокохудожественного авторского творчества, специфической ее особенностью были попытки причинно-следственного объяснения событий, а также наличие обобщающих сентенций, художественных метафор, которые можно рассматривать как прообразы философско-научных понятий [7, 9, 18].

В истории Греции особое значение имели два полиса – Афины и Спарта. В каждом из них сложились особые системы воспитания, обучения и образования, своеобразие которых было обусловлено, с одной стороны, закономерностями рабовладельческого строя вообще, с другой — особенностями развития данной страны [8]. Именно с возникновением системы полисов (VI–IV вв. до н. э.) воспитание, обучение и образование заняли особое место в обществе, а государство взяло на себя расходы по обучению и образованию граждан.

Республиканские Афины и авторитарная Спарта не только представляли различные политические системы, но и во многом олицетворяли противоположные принципы воспитания и обучения. Остановимся на них более подробно [8].

Спарта. По словам древнегреческого мыслителя Аристотеля, воспитание спартиатов – полноправных граждан Лакедемона – передавало по преимуществу цель подготовить члена военной общины. По утверждению римского историка

Плутарха, новорожденных осматривали старейшины (эфоры). Судьба болезненных младенцев неясна. До семи лет спартиаты воспитывались в семье. Затем наступало время, когда полис брал на себя воспитание и обучение подраставших спартиатов. Сроки такого воспитания были весьма продолжительны и делились на три этапа [8].

Ступени обучения в Спарте

Школа педонома	с 7 до 13 лет
Обучение в военном лагере	с 13 до 18 лет
Военное обучение при несении военной службы	с 18 до 20 лет

Важной отличительной чертой воспитания и образования в Спарте была его жесткая регламентация со стороны государства. Главными направлениями в спартанской системе были физическое и нравственно-патриотическое воспитание, цель которых состояла в подготовке воинов и полном подчинении личности интересам социальной группы. Интеллектуальная подготовка спартанцев ограничивалась умением читать и писать, знанием нескольких военных и религиозных песен, а также некоторыми сведениями о традициях Спарты, ее истории, религии и обрядах.

До 7 лет ребёнок оставался в доме родителей под надзором женщин. С 7 лет его отдавали на полечение воспитателя-педонома в специальный военный лагерь. Педоном собирал детей в различные группы, объединявшиеся в классы. Во главе каждой группы и класса стояли старшины, которые выбирались из самых старших мальчиков. Эти старшины руководили играми и гимнастическими упражнениями под надзором педонома с его помощниками, вооружёнными розгами.

Под началом педонома ребенок приобретал навыки чтения и письма, но основное внимание отводилось физической подготовке и закалке. Ребенок подвергался всевозможным ограничениям, его приучали к немногословию, скудности быта и одежды и подвергали физическим наказаниям, приучая терпеть всевозможные лишения, «закаляя дух и тело». Затем в течение пяти лет, с 13 до 18 лет, юноши находились в государственных лагерях, постоянно упражняясь физически.

Мальчиков 14-летнего возраста посвящали в эйрены – члены общины, имевшие определенные гражданские права. Во время инициации подростка подвергали болезненным испытаниям, в частности публичной порке, которую следовало выдержать без стонов и слез. Кроме повседневных упражнений для приучения мальчиков переносить боль было введено испытание посредством сечения бичом, ежегодно повторяющееся перед алтарём Артемиды Орфийской. Юноши изби-

вались до крови, но под страхом позора не смели просить пощады. Проявивший наибольшую твёрдость духа провозглашался «победителем при алтаре». Случалось, что жертвы испускали дух под ударами. Эйрены являлись помощниками педономов в физической и военной муштре остальных подростков. В течение года эйрены проходили испытания в военных отрядах спартиатов [13]. На этом этапе к обучению и физической подготовке добавлялись эстетические дисциплины: музицирование, пение.

По достижении 18 лет юноша в Спарте становился полноправным гражданином и на два года отправлялся на военную службу на границу. Во время несения службы военное обучение продолжалось и состояло в военных играх. К 20 годам эйрен получал возможность пользоваться полным воинским вооружением, но еще на протяжении 10 лет проходил полную военную подготовку, чтоб получить статус члена военной общины [20].

Афины. Иначе, чем в Спарте, строилось воспитание и обучение в Афинах. Идеал афинского воспитания и образования сводился к многозначному понятию – совокупности добродетелей. Под этим термином подразумевалось всестороннее формирование личности, прежде всего, с развитыми интеллектом и культурой тела. Считалось, что стремиться к достижению подобного идеала был вправе лишь свободный и имущий гражданин Афин. Принцип соревнования (агонистики) пронизывал практику воспитания и обучения афинян. Дети, подростки, юноши постоянно состязались в гимнастике, танцах, музыке, словесных спорах, самоутверждаясь и оттачивая свои лучшие качества. Сыновья свободных афинян обычно получали домашнее воспитание до семи лет. Затем за мальчиками из состоятельных семей присматривал особый раб - педагог. «Воспитателем часто оказывался самый никудышный в хозяйстве раб. Так что нередко педагог был носителем далеко не лучших свойств, которые зачастую усваивал и его подопечный» [8]. На этом этапе расхождения в воспитании ребенка в Спарте и в Афинах малосущественны.

Высшая школа ритора. В IV в. до н. э. в Афинах возникает и высшее образование, предполагавшее получение фундаментального гуманитарного знания. Знаменитый ритор Сократ за плату обучал желающих искусству красноречия, логике и истории философии [11].

Менее скромными были содержание и задачи женского образования и воспитания. Афинская традиция предусматривала для девочек и девушек вплоть до замужества исключительно

домашнее воспитание. В семье они получали элементарные навыки чтения и письма, музыкальную подготовку [8].

Ступени обучения в Афинах

Начальная (элементарная) школа	с 7 до 12 лет
Гимнастическая школа	с 13 до 18 лет
Школа эфебов	с 18 до 20 лет
Высшая школа ритора	с 20 до 24 лет

Воспитание афинянина, по примеру воспитания в Спарте, строилось с целью подготовить хорошего воина, но, в отличие от Спарты, эстетическому воспитанию афинянина как личности, как члена общества, уделялось большее внимание, наравне с физической подготовкой. В Спарте обучение детей было совсем другим. Чтобы воспитать настоящего воина и мать воина, детей тренировали и закаляли физически. Мальчики и девочки соревновались между собой. Мальчики с 7 до 20 дет воспитывались в специальных лагерях, где в ущерб умственному и художественному образованию всё своё время отдавали закаливанию и военной подготовке [7, 9, 18].

Пристатейный библиографический список

- 1. Grote G. A History of Greece. Vol. 4. Cambridge University Press, 2010.
- 2. Johnson William A. (Editor), Parker Holt N. (Editor) Ancient Literacies: The Culture of Reading in Greece and Rome. Oxford University Press, USA; Reprint edition (June 8, 2011).
- 3. Hunt N.B. Living in Ancient Greece. Chelsea House Publications, 2008. (Living in the Ancient World).
- 4. Андреев Ю.В., Кошеленко Г.А., Кузищин В.И., Маринович Л.П. История Древней Греции. М.: Высшая школа, 2005.
- 5. Большой Энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2000.
- 6. Вачьянц А.М. Древняя Греция. Древний Рим: Учеб. пособ. 2-е изд., испр. М.: Айрис-пресс, 2004.
- 7. Горелов А. А. Политология в вопросах и ответах: Учеб. пособ. М.: Эксмо, 2009.
- 8. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики: Учеб. пособ. для вузов. М.: ФОРУМ ИНФРА-М, 1998.
- 9. Доржиев Ж.Б. и др. История политических и правовых учений: Учеб.-метод. пособ. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2004.
- 10. Зеленков М.Ю. Политология (базовый курс). М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2009.
- 11. Иванов Е.В. История образования и педагогической мысли: Учеб.-метод. рек. К семинарским занятиям. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.
- 12. История политических и правовых учений: Краткий учебный курс / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2000.

- 13. Ксенофонт. Киропедия. М., 1965.
- 14. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
- 15. Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. 1. Гл. 3. М., 1988.
- 16. Перфилова Т.Б. Высшее образование в Римской империи (Культурологический аспект): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2004.
- 17. Политология. Практикум: Учеб. пособ. для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Н.П. Денисюк и др.; под общ. ред. С.В. Решетникова. Минск: ТетраСистемс, 2008.
- 18. Политология. Учебник / Под ред. д.п.н., проф. В.И. Буренко, д.ф.н. В.В. Журавлева. М.: Изд-во МГУ, 2004.
- 19. Политология: Учеб. пособ. / Сост.: С.В. Бирюков, С.В. Ивлев, Т.В. Батурина, Е.В. Мельниченко. Томск, 2004.
- 20. Сластенин В.А. и др. Педагогика: Учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. завед. / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002.
- 21. Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. В.Г. Панова. М., 1993.
- 22. Толковый словарь / Сост.: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1949–1992.
- 23. Философский энциклопедический словарь. М., 2010.
- 24. Цыбульская М.В. История политических и правовых учений. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2003.
 - 25. Энциклопедия социологии. М., 2009.

References (transliterated)

- 1. Grote G. A History of Greece. Vol. 4. Cambridge University Press, 2010.
- 2. Johnson William A. (Editor), Parker Holt N. (Editor) Ancient Literacies: The Culture of Reading in Greece and Rome. Oxford University Press, USA; Reprint edition (June 8, 2011).
- 3. Hunt N.B. Living in Ancient Greece. Chelsea House Publications, 2008. (Living in the Ancient World).
- 4. Andreev Ju.V., Koshelenko G.A., Kuzishhin V.I., Marinovich L.P. Istorija Drevnej Grecii. M.: Vysshaja shkola, 2005.

- 5. Bol'shoj Jenciklopedicheskij slovar'. M.: Jeksmo, 2000.
- 6. Vach'janc A.M. Drevnjaja Grecija. Drevnij Rim: Ucheb. posob. 2-e izd., ispr. M.: Ajris-press, 2004.
- 7. Gorelov A. A. Politologija v voprosah i otvetah: Ucheb. posob. M.: Jeksmo, 2009.
- 8. Dzhurinskij A.N. Istorija zarubezhnoj pedagogiki: Ucheb. posob. dlja vuzov. M.: FORUM INFRA-M, 1998.
- 9. Dorzhiev Zh.B. i dr. Istorija politicheskih i pravovyh uchenij: Ucheb.-metod. posob. Ulan-Udje: Izdatel'stvo VSGTU, 2004.
- 10. Zelenkov M.Ju. Politologija (bazovyj kurs). M.: Jurid. in-t MIITa, 2009.
- 11. Ivanov E.V. Istorija obrazovanija i pedagogicheskoj mysli: Ucheb.-metod. rek. k seminarskim zanjatijam. Velikij Novgorod: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2002.
- 12. Istorija politicheskih i pravovyh uchenij: Kratkij uchebnyj kurs / Pod obshh. red. akad. RAN, d. ju.n., prof. V.S. Nersesjanca. M.: NORMA, 2000.
 - 13. Ksenofont. Kiropedija. M., 1965.
- 14. Novyj slovar' metodicheskih terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam). M., 2009.
- 15. Ocherki istorii shkoly i pedagogiki za rubezhom. Ch. 1. Gl. 3. M., 1988.
- 16. Perfilova T.B. Vysshee obrazovanie v Rimskoj imperii (Kul' turologicheskij aspekt): Diss. ... d-ra ist. nauk. Jaroslavl', 2004.
- 17. Politologija. Praktikum: Ucheb. posob. dlja studentov uchrezhdenij, obespechivajushhih poluchenie vyssh. obrazovanija / N.P. Denisjuk i dr.; pod obshh. red. S.V. Reshetnikova. Minsk: TetraSistems, 2008.
- 18. Politologija. Uchebnik / Pod red. d.p.n., prof. V.I. Burenko, d.f.n. V.V. Zhuravleva. M.: Izd-vo MGU, 2004.
- 19. Politologija: Ucheb. posob. / Sost.: S.V. Birjukov, S.V. Ivlev, T.V. Baturina, E.V. Mel'nichenko. Tomsk, 2004.
- 20. Slastenin V.A. i dr. Pedagogika: Ucheb. posob. dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zaved. / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shijanov; pod red. V.A. Slastenina. M.: Akademija, 2002.
- 21. Rossijskaja pedagogicheskaja jenciklopedija / Pod red. V.G. Panova. M., 1993.
- 22. Tolkovyj slovar' / Sost.: S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. M., 1949–1992.
 - 23. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 2010.
- 24. Cybul'skaja M.V. Istorija politicheskih i pravovyh uchenij. M.: Moskovskij mezhdunarodnyj institut jekonometriki, informatiki, finansov i prava, 2003.
 - 25. Jenciklopedija sociologii. M., 2009.

Амасьянц А.Э.

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ МНЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОГО ДЕЛА)

Цель: Рассмотреть на примере конкретного дела проблемные вопросы правоприменения, связанные с учетом мнения потерпевшего при индивидуализации наказания.

Методология: Автором применялся формально-юридический метод, метод изучения документов, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье на примере конкретного уголовного дела рассматриваются некоторые практические проблемы применения института примирения с потерпевшим в рамках системы смягчающих обстоятельств при назначении судом уголовного наказания.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья имеет практическую ценность, поскольку на основе анализа конкретного дела автором выявлены некоторые проблемные аспекты в вопросах применения судом института примирения с потерпевшим при индивидуализации наказания.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, примирение с потерпевшим, изменение приговора, снижение наказания, общие начала наказания, справедливость наказания, адвокат-защитник.

Amasyants A.E.

ABOUT THE LEGAL VALUE OF THE OPINIONS OF THE VICTIM UPON THE INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT (ON THE EXAMPLE OF A SPECIFIC CASE)

Purpose: to Consider the example of a particular case problematic issues of law enforcement related to the consideration of the opinion of the victim upon the individualization of punishment.

Methodology: the Author used a formal legal method, study of documents, the method of participant observation.

Results: In the article on the example of a specific criminal case discusses some practical problems of the application of the institution of reconciliation with the victim in the framework of mitigating circumstances, upon appointment by the court of criminal punishment.

Novelty/originality/value: the Article has practical value, because based on the analysis of specific case by the author revealed some problematic aspects in the application of court Institute application with the victim when the individualization of punishment.

Keywords: mitigating circumstances, the reconciliation with the victim, to change the sentence, reduction of punishment, General principles of punishment, the justice of the punishment, the lawyer-defender.

Институт назначения наказания в уголовном праве призван обеспечить выполнение задач, сформулированных законодателем в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, и не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Статья 21 Конституции РФ гарантирует каждому право на защиту от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, что полностью соответствует международно-правовым нормам, посвященным правам человека и средствам их эффективной защиты.

По общему правилу, установленному ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В основе справедливости наказания лежит эквивалентная

оценка содеянного преступления [1]. При этом уголовно-правовой принцип справедливости тесно коррелирует с требованием индивидуализации наказания, определяющим достаточность меры наказания подсудимого с учетом конкретных условий, изложенных в ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так, законодателем установлены определенные критерии, которые в обязательном порядке учитываются судом при осуществлении дискреционных полномочий при выборе индивидуального наказания конкретному лицу за совершение конкретного преступления. В ч. 3 ст. 60 УК РФ указано, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Важным условием при назначении наказания в пределах установленных законом санкций явля-

ется учет смягчающих обстоятельств, поскольку их наличие может вызвать для подсудимого благоприятные правовые последствия – назначение менее строгого наказания. Также «учет обстоятельств, смягчающих наказание, имеет особенно существенное значение при применении такой суровой меры наказания, как лишение свободы» [2].

Приведенный в уголовном законе перечень обстоятельств, смягчающих наказание в силу ч. 2 ст. 62 УК РФ, является открытым и подлежит расширительному толкованию, что обуславливает определенные трудности в его применении. Зачастую судами не учитываются некоторые юридические факты, которые не формализованы законодателем, но, тем не менее, могут конкретизировать степень опасности совершенного преступления и личность виновного.

Так, в качестве примера можно привести дело, в котором автор статьи участвовал в качестве защитника обвиняемых К. и Л. В апелляционной инстанции Московского городского суда по жалобе на приговор Тверского районного суда города Москвы, которым:

- Л., не судимый, был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а», в ч. 2 ст. 158 УК РФ, к лишению свободы сроком на один год шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима;
- К., не судимый, был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а», в ч. 2 ст. 158 УК РФ, к лишению свободы сроком на один год шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Позиция обвинения была полностью отражена в приговоре Тверского районного суда города Москвы.

Л. и К. признаны виновными в том, что совершили покушение на кражу, т. е. тайное хищение чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину, когда преступление не было доведено до конца по независящим от них обстоятельствам, а именно в том, что: Л. и К. подошли к автомашине ***, припаркованной возле дома ***, и в то время, как К. наблюдал за окружающей обстановкой, Л., опустив руками стекло задней правой двери указанной автомашины, пролез в салон автомобиля, откуда тайно похитил принадлежащие *** медицинский халат стоимостью 1500 рублей, в кармане которого находились 650 рублей; планшетный компьютер Айпад стоимостью 25000 рублей с сим-картой оператора «МТС», не представляющей материальной ценности; джинсовую куртку фирмы «Мекс» стоимостью 2000 рублей; платок стоимостью 600 рублей; джинсовую куртку фирмы «Бершка Деним» стоимостью 2000 рублей; шиньон стоимостью 5000 рублей, причинив *** значительный материальный ущерб на общую сумму 36750 рублей. После чего Л.и К. с места совершения преступления пытались скрыться, однако довести свой преступный умысел до конца не смогли по независящим от них обстоятельствам, поскольку были задержаны сотрудниками полиции.

В судебном заседании Λ . и К. вину признали. Приговор по делу, с согласия сторон, постановлен в особом порядке, предусмотренном ст. 316 УПК РФ.

При ознакомлении с материалами уголовного дела адвокат А.Э. Амасьянц обратил особое внимание на следующие обстоятельства: а) наличие в материалах дела ходатайства потерпевшей о прекращении уголовного дела в отношении К. и Λ . В связи с примирением и возмещением ущерба; б) деяние (ч. 2 ст. 158 УК РФ) относится к категории преступлений средней тяжести; в) К. и Λ . ранее не судимы; г) отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание; Λ 0 исключительно положительные характеристики К. и Λ 3; е) наличие у Λ 1. несовершеннолетнего ребенка.

Таким образом, все условия института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) были соблюдены, однако суд первой инстанции все же не усмотрел достаточных оснований для освобождения К. и Λ . от уголовной ответственности и осудил их к реальным срокам в исправительной колонии общего режима.

Вопреки требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ суд отказал в удовлетворении ходатайства потерпевшей о прекращении уголовного дела за примирением сторон и ограничился, как это часто бывает, стандартным доводом – «с учетом характера и степени общественной опасности», при этом не обременяя себя «излишним» обоснованием отказа.

В апелляционной жалобе в защиту Л. и К. защитник А.Э. Амасьянц указывал, что: а) судом был нарушен принцип законности при производстве по уголовному делу, поскольку в постановлении об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствует обоснованность и мотивированность невозможности удовлетворения данного ходатайства. Оснований для отказа в удовлетворении этого ходатайства у суда не имелось; б) все условия института прекращения уголовного дела

в связи с примирением сторон были соблюдены; в) в приговоре суда не содержится мотивов избрания столь суровой меры наказания; г) фактически не были учтены обстоятельства, смягчающие наказание; д) лицам, ранее не отбывавшим лишение свободы и осужденным к лишению свободы за совершение умышленного преступления средней тяжести, судом первой инстанции без приведения каких-либо мотивов принятого решения отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима. Адвокат просил приговор суда в отношении К. и Л. отменить, а производство по делу прекратить на основании ст. 25 УПК РФ.

В судебном заседании защитник А.Э. Амасьянц поддержал доводы апелляционных жалоб в защиту К. и Л. Прокурор П. доводы апелляционных жалоб не поддержала и полагала необходимым приговор суда оставить без изменения.

Суд апелляционной инстанции, проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в апелляционной жалобе, пришел к выводу о необходимости изменения приговора по следующим основаниям: «при назначении Л. и К. наказания суд не учел отсутствие по делу отягчающих обстоятельств, а также наличие ходатайства потерпевшей *** о прекращении уголовного дела в отношении обоих подсудимых, т. е. не учел одно из обстоятельств, являющихся смягчающим наказание. Указанное обстоятельство суд апелляционной инстанции признает обстоятельством, смягчающим наказание Л. и К., и в связи с этим считает необходимым снизить им срок назначенного наказания.

Кроме того, Л. и К. – лицам, ранее не отбывавшими лишение свободы и осужденным к лишению свободы за совершение умышленного преступления средней тяжести, судом первой инстанции без приведения каких-либо мотивов принятого решения отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима, а не в колонии-поселении в соответствии с требованиями п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, что противоречит норме указанной статьи закона. В связи с чем суд апелляционной инстанции считает необходимым изменить приговор в части назначения осужденным Л. и К. вида исправительного учреждения, назначив и Л., и К. отбывание лишения свободы в колонии-поселении» [3].

Приговор Тверского районного суда города Москвы от 21 августа 2013 года в отношении Λ . и К. был изменен путем снижения и Λ ., и К. наказания по ч. 3 ст. 30 и п. а, в ч. 2 ст. 158 УК РФ до 7 месяцев лишения свободы, с отбыванием назна-

ченного наказания каждым из них в колонии-поселении. Таким образом, на примере конкретного дела была проиллюстрирована судебная ошибка, возникшая по причине неправильного применения ч. 2 ст. 61 УК РФ, которая повлекла за собой чрезмерную суровость наказания.

Как показывает практика, в случае невозможности освобождения виновного от уголовной ответственности за примирением с потерпевшим данное обстоятельство принимается во внимание и учитывается судом в качестве основания назначения наказания, близкого к минимальному в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Мнение потерпевшего относительно назначения более мягкого наказания отсутствует в числе смягчающих обстоятельств, но признается таковым по усмотрению суда. При этом, как показывает практика, суды нередко игнорируют данное обстоятельство, что и приводит к подобным казусам.

Важно отметить, что обстоятельства, смягчающие наказание, являются равнозначным элементом предмета доказывания, и обязанность по их установлению возлагается на субъектов доказывания (следователя, прокурора и суд). Поскольку участники со стороны обвинения с учетом их процессуального положения, как правило, не заинтересованы в активном поиске смягчающих вину данных, то на адвоката-защитника возлагается профессиональная обязанность способствовать поиску и фиксации смягчающих факторов, как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

- 1. Амасьянц А.Э. Принцип справедливости в уголовном судопроизводстве (философско-правовой анализ) // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2013. $N\!\!_{2}$ 11. С. 107.
- 2. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания посредством смягчающих обстоятельств: вопросы судебной практики // Адвокат. 2014. № 5.
- 3. Постановление Московского городского суда от 11 декабря 2013 года № 10-12458 $\$ 13.

References (transliterated)

- 1. Amas'janc A.Je. Princip spravedlivosti v ugolovnom sudoproizvodstve (filosofsko-pravovoj analiz) // Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika. 2013. № 11. S. 107.
- 2. Voronin V.N. Individualizacija nakazanija posredstvom smjagchajushhih obstojateľstv: voprosy sudebnoj praktiki // Advokat. 2014. N2 5.
- 3. Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 11 dekabrja 2013 goda № 10-12458\13.

Мельниченко Р.Г. КРИТИЧЕСКАЯ МАССА ДОСТИГНУТА. РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ г. МОСКВЫ, 2009 г.» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н.М. КИПНИСА, 2014

В рецензии анализируется шестое издание сборника «Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2009 г.», выпущенное в 2014 году. Демонстрируются возможности использования материала сборника для научных исследований института профессиональной ответственности адвокатов.

Ключевые слова: адвокат, профессиональная ответственность, дисциплинарная практика, сборник, прецедент.

Melnichenko R.G. CRITICAL MASS IS ACHIEVED. COLLECTION «THE DISCIPLINARY PRACTICE OF THE CHAMBER OF ATTORNEYS OF THE MOSCOW CITY, 2009» UNDER N.M. KIPNIS'S EDITION, 2014

The review analyses the sixth edition overview of the disciplinary practice of the Bar Association of the city of Moscow in 2009, released in 2014. Demonstrates the possibility of using material collection for scientific research of the Institute of professional responsibility lawyers.

Keywords: lawyer, professional responsibility, disciplinary practices, collection, precedent.

Рецензируемый сборник «Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2009 г.» является шестым изданием по тематике профессиональной ответственности адвокатов [2] и вполне способен запустить механизм широких научных исследований в данной области. Любой исследователь, вооружившись разнообразными методами научного познания и шестью томами изданных сборников адвокатской палаты Москвы, может создать актуальное и обладающее новизной научное исследование по любой теме раздела института профессиональной ответственности адвокатов.

Сборник «Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2009 г.» [1] представляет собой кодифицированные материалы дисциплинарных дел, рассмотренных Адвокатской палатой города Москвы в 2009 году. Сборник следует традиции и отличается от предшественников увеличенным до 904 страниц объемом. В сборнике представлены материалы квалификационных производств, расположенные в порядке убывания строгости тех мер, которые были применены к адвокатам, ставшим их фигурантами. Уже на один этот перечень следует обратить внимание.

Система расположения дисциплинарных дел в сборнике даёт читателю представление о градации реакции органов адвокатского самоуправления на действия провинившихся адвокатов и ее строгости. Исследуя этот список, читатель может узнать, что в представлении членов совета адвокатской палаты является более жёсткой реакцией, а что – менее строгой. Приведём этот перечень:

1. Производства, закончившиеся прекращением статуса адвоката.

- 2. Производства, закончившиеся замечанием или предупреждением.
- 3. Производства, закончившиеся прекращением вследствие малозначительности.
- 4. Производства, закончившиеся направлением на новое разбирательство.
- 5. Производства, закончившиеся прекращением вследствие истечения сроков.
- 6. Производства, закончившиеся прекращением вследствие отзыва жалобы.
- 7. Производства, закончившиеся прекращением вследствие отсутствия нарушения.
- 8. Производства, закончившиеся прекращением вследствие отсутствия допустимого повода.

Помимо самостоятельной ценности рецензируемого сборника последний, в совокупности с предшествующими изданиями, создаёт эффект эмерджентности. Так, опираясь на предметный указатель к дисциплинарным производствам, находящийся в каждом сборнике, можно увидеть ряд закономерностей, заметить которые ранее было крайне сложно. Можно, например, выявить такое явление, как «мёртвые статьи», то есть статьи Кодекса профессиональной этики адвоката, которые квалификационная комиссия не применяет в отношении адвокатов. Так, за семь лет московской дисциплинарной практики ни разу не был применён пункт 5 статьи 10 Кодекса адвокатской этики «Адвокат не должен допускать фамильярных отношений с доверителем». И хотя некоторые учёные и раньше обращали на это явление своё внимание [2], сегодня эти гипотезы благодаря сборникам получили статистическое подтверждение.

В случае информационной доступности рецензируемый сборник может стать базовым эмпирическим материалом как для исследователей института профессиональной ответственности адвокатов, так и для правоприменителей – членов квалификационных комиссий и советов адвокатских палат различных субъектов Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

- 1. Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2009 г.: Сборник / Адвокат. палата г. Москвы; сост. и отв. ред. Н.М. Кипнис. М.: Развитие правовых систем, 2014. 904 с.
- 2. Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2007 г.: Сборник / Адвокат. палата г. Мо-

сквы; сост. и отв. ред. Н.М.Кипнис. – М.: Юстиция, 2013. – 800 с.

3. Пилипенко Ю.С. Кодекс профессиональной этики адвоката: Научно-практический комментарий. – М.: Информ-Право, 2012.

References (transliterated)

- 1. Disciplinarnaja praktika Advokatskoj palaty g. Moskvy, 2009 g.: Sbornik / Advokat. palata g. Moskvy; sost. i otv. red. N.M. Kipnis. M.: Razvitie pravovyh sistem, 2014. 904 s.
- 2. Disciplinarnaja praktika Advokatskoj palaty g. Moskvy, 2007 g.: Sbornik / Advokat. palata g. Moskvy; sost. i otv. red. N.M. Kipnis. M.: Justicija, 2013. 800 s.
- 3. Pilipenko Ju.S. Kodeks professional'noj jetiki advokata: Nauchno-prakticheskij kommentarij. M.: Inform-Pravo, 2012.

Проект «НАЙДЕМ АДВОКАТА» - это:

- 1. Бесплатный независимый сервис по подбору узкоспециализированных юристов и адвокатов в течение одного дня;
- 2. Более 200 юристов и адвокатов от Калининграда до Владивостока;
- 3. Тщательный и жесткий отбор юристов и адвокатов для участия в проекте (обязательные требования: старше 25 лет, не менее 5 лет юридической практики и т.д.);
- 4. Подбор юристов и адвокатов под ваши индивидуальные предпочтения (пол, возраст, стаж работы, наличие адвокатского статуса, иные критерии);
- 5. Индивидуальный подход, юристы и адвокаты подбираются, исходя из отрасли права, которой регулируется конкретно ваша ситуация;
- 6. Более 1500 довольных клиентов, которым были найдены квалифицированные юристы и адвокаты, решившие их проблемы;
- 7. Бесплатные консультации юристов и адвокатов проекта в социальных сетях (http://vk.com/topic-27691509_28238939);
- 8. Выгодно, так как адвокаты партнеры проекта оказывают максимум внимания клиентам проекта «Найдем Адвоката», поскольку заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве с проектом;
- 9. Новый вид услуг, мы не оставляем вас наедине с адвокатом, получаем обратную связь об оказанных услугах;
- 10. Классно! В случае необходимости подключаем наших партнеров-журналистов, если ваша ситуация требует освещения в СМИ;
- 11. Неплохой заработок! Порекомендуйте наш сервис своему другу и вы получите 5% от гонорара адвоката на свой счет.

Вам нужен адвокат?

Отправьте заявку на поиск адвоката на сайте http://naidem-advocata.ru/ или позвоните нам: +7 (495) 975-94-79, + 7 (926) 166-4000

Информация для авторов

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

- 1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.
- 2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес ragulin88@yandex.ru, eurasian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.
- 3. Объем публикации до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.
- 4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.
- 5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.
- 6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы(в круглых скобках).
- 7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются Интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.
- 8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, е-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.
- 9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
- 10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы на отсутствие вирусов.
- 11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.
 - 12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
- 13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.
- 14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.
- 15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АМАСЬЯНЦ Аркадий Эдуардович – кандидат философских наук, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (филиал № 63), 119526, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 146, офис 606.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, почетный адвокат России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

ЗАБОРОВСКИЙ Виктор Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ужгородского национального университета, адвокат, 88000, Украина, г. Ужгород, ул. Золотистая, д. 11.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

КАНТЮКОВА Индира Тагировна – научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института проблем права, адвокат, 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

КОРОВЯКОВСКИЙ Денис Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Таможенное право и организация таможенного дела» Московского государственного Университета путей сообщения, 127994, Российская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

ЛАГУТКИН Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Российского экономического Университета имени Г.В. Плеханова, действительный член РАЕН, председатель отделения проблем управления РАЕН, 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36.

МАРТЫШКИН Василий Николаевич – заместитель председателя Верховного суда Республики Мордовия, судья высшего квалификационного класса, почетный работник судебной системы, заслуженный юрист Республики Мордовия, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 21.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», адвокат, 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

ТАРАСОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов, 1211, Switzerland, Geneva, Rue des Bains 33. P.O. Box 91.

About the authors

AMASYANTS Arkady Eduardovich – candidate of philosophical sciences, advocate of Interrepublican Bar (branch No. 63), 119526, Russia, Moscow, Leninsky Avenue, 146, office 606.

GRUDTSYNA Lyudmila Yurevna – advocate, doctor of juridical sciences, associate professor, professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, Russia, Moscow, Leningradsky Ave, 49.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna – doctor of juridical sciences, professor managing chair «Civil Law» of Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, Russia, Moscow, Leningradsky Ave, 49.

KANTYUKOVA Indira Tagirovna – research employee of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, advocate, 450006, Russia, Ufa Lenin St., 102, office 24.

KOROVYAKOVSKY Denis Gennadevich – candidate of juridical sciences, associate professor, the head of the department «The customs law and the organization of customs affairs» of Moscow State University of means of communication, 127994, Russia, Moscow, Obraztsov St., b. 9.

KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of Publishing center of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, 450006, Russia, Ufa, Lenin St., 102, office 24.

LAGUTKIN Alexander Vladimirovich – doctor of juridical sciences, professor of chair of the administrative and financial law of Russian Academy of Economics, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, chairman of office of problems of management of the Russian Academy of Natural Sciences, 117997, Russia, Moscow, Stremyanny Lane, 36.

MARTYSHKIN Vasily Nikolaevich – deputy chairman of the Supreme Court of the Republic of Mordovia, Honoured Worker of Judicial System of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Republic of Mordovia, 430005, Russia, Saransk, L. Tolstoy St., 21.

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – candidate of jurisprudence, associate professor, associate professor of chair of theory and history of law and state of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), coach of advocates and professional mediators, 400131, Russia, Volgograd, Gagarin St., 8.

RAGULIN Andrey Viktorovich – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, advocate, 450006, Russia, Ufa, Lenin St., 102, office 24.

SHAKIROV Timur Ravilyevich – magister of law, legal adviser of program for Europe of International Commission of Jurists (ICJ), 1211, Switzerland, Geneva, Geneva, Rue des Bains 33. P.O. Box 91.

TARASOV Alexander Alekseevich – doctor of juridical sciences, professor, head of the department of criminal law and process of Institute of law of the Bashkir state university, 450005, Russia, Ufa, Dostoyevsky St., 131.

ZABOROVSKYY Viktor Viktorovich – candidate of juridical sciences, associate professor of Civil law of the Uzhgorod national university, advocate, 88000, Ukraine, Uzhgorod, Zolotistaya St., 11.